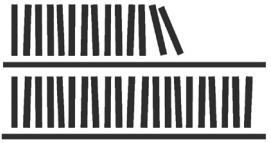


НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[153]
ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(94)

Редакционный совет:

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);
д.и.н., проф. Н. С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородкин;
д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятов;
д.и.н. А. Р. Канторович; гл.н.с., д.и.н. Л. В. Кошман;
Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;
д.и.н., проф. С. В. Мироненко; к.э.н. С. В. Орлов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;
д.и.н. А. В. Подосинов; д.фил.н., проф. О. В. Раевская;
к.и.н. Ю. Н. Рогулев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;
д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;
к.и.н. А. А. Талызина; д.и.н., проф. Д. А. Функ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

при участии

ВСЕИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЕЛАРУСИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ФОНД СОДЕЙСТВИЯ АКТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО
«ВЕСТНИК КАВКАЗА»

ЦЕНТР ИСТОРИИ ВОЙН И ГЕОПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ПОСОЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСОЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНСКОЕ ГЕТТО: 75 ЛЕТ СПУСТЯ

Научный сборник

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 323.1
ББК 66.5
М 622

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова от 06.03.2019 г. (протокол № 1)

Редакционная коллегия:
Е. Б. Роева-Мкртчян, А. В. Козополянская

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Солопова*

Технический редактор:
О. Л. Богомазова

Рецензенты:
академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *С. Л. Кандыбович* (ФНКА Белорусов России, Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям)
заместитель декана по научной работе исторического факультета, кандидат исторических наук, доцент *Д. А. Андреев* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

М622 Минское гетто: 75 лет спустя. Научный сборник / отв. ред. О. В. Солопова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 172 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 153. Сер. II: Исторические исследования, 94).

ISBN 978-5-00165-024-9

Научный сборник подготовлен на основе материалов научных докладов, представленных в рамках международного круглого стола «Минское гетто: 75 лет спустя», проходившего 2 ноября 2018 года в Москве на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова при финансовой поддержке Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». В научный сборник вошли статьи ведущих отечественных и зарубежных ученых из учебно-научных центров Российской Федерации, Государства Израиль, Республики Беларусь по истории Холокоста, еврейской диаспоры, еврейского народа.

Для специалистов в области изучения истории XX–XXI веков, отечественной и всеобщей истории, истории стран ближнего зарубежья, а также для учащихся и интересующихся историей.

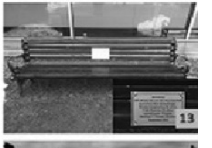
УДК 323.1
ББК 66.5

ISBN 978-5-00165-024-9

© Коллектив авторов, 2019
© Лаборатория истории диаспор исторического факультета МГУ, 2019
© Исторический факультет МГУ, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Лаборатория истории диаспор исторического факультета МГУ М. В. Ломоносова благодарит за предоставленный иллюстративный материал сборника архитектора Левину Галину Леонидовну, дочь Заслуженного архитектора Республики Беларусь, Лауреата Ленинской премии, Премии Ленинского комсомола, дважды лауреата Государственной премии Республики Беларусь, академика Международной и Белорусской академий архитектуры, Председателя Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин, соавтора мемориального комплекса «Хатынь» Левина Леонида (1936–2014 гг.) – одного из немногих узников, выживших в Минском гетто.

Карта Минска с указанием памятников и мемориалов



Л.С. Белоусов

Приветствие декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Белоусов Лев Сергеевич – и. о. декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАО, профессор, заслуженный профессор Московского университета, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Дорогие коллеги, я рад приветствовать вас на историческом факультете Московского университета. Впервые на факультете проходит круглый стол, посвященный Холокосту и борьбе с антисемитизмом, и в этом состоит большая значимость данного мероприятия. Так или иначе эти сюжеты обсуждаются на факультете. Мы рассказываем студентам об этом. Я могу назвать несколько курсов, в которых присутствуют эти вопросы, среди них: курсы отечественной истории, особенно, связанной с историей Великой Отечественной войны; курсы всеобщей истории... Я сам читаю курсы, где достаточно глубоко затрагиваю эти вопросы. Достаточно будет сказать, что я читаю специальный курс по формированию и развитию тоталитарных культур в 1930-е гг., подавляющая часть которых была неразрывно связана с антисемитизмом. У студентов это вызывает большой интерес, они задают много вопросов.

На историческом факультете есть понимание, что чтение такого рода курсов и постановка такого рода вопросов более, чем актуальная задача, потому что антисемитизм до сих пор не умер как явление мирового масштаба. Он, конечно, трансформировался после Второй мировой войны, к счастью, не идет речи о повторении Холокоста, геноциде по национальному признаку, но его отдельные проявления в той или иной форме все равно существуют. Достаточно вспомнить недавние события в синагоге Питтсбурга в США. Изучая на историческом факультете эти сюжеты, мы уходим вглубь, пытаемся понять, каким образом эта идеология расовой нетерпимости могла становиться частью той культуры, которая насаждалась в обществе. В данном случае мы говорим о гитлеровской Германии, и я бы сказал, что антисемитизм был не только сердцевиной, но и сущностью нацизма, и он воспринимался именно таковым в условиях режима. Это античеловеческая идеология распространялась, насильственно навязывалась обществу, проникала во все уголки общественного сознания, и люди становились носителями этой идеи, порой, невольно...

Не менее интересным является вопрос о том, как это трансформируется в тех странах с тоталитарным режимом власти, в которых антисемитизм в 30-е годы XX века не присутствовал вообще, но вдруг он появляется. У нас есть и такие примеры. В тоталитарной Италии, столь близкой мне по научному профилю, совершенно точно сказать, не было никакого антисемитизма вплоть до середины 30-х гг. И сам Бенито Муссолини был человеком, который практически не обращал внимание на национальность людей, которые его окружали. Его окружали многие лица еврейской национальности, начиная с дантиста и заканчивая любовницами. И вдруг, к собственному удивлению, в 1938 году итальянцы узнали, что они принадлежат к некой избранной расе и должны искоренять в своей среде евреев. Хотя там не было настолько масштабных гонений, реально они начались после оккупации гитлеровской Германией. Это наглядно иллюстрирует, что антисемитизм стал орудием политики, общество пытались трансформировать, пытались имплантировать в общественное сознание идеи, которые были им совершенно чуждыми...

Для нас сейчас особо важно понять механизм, почему до сих пор это гнусное явление не ушло окончательно из нашей жизни. Каковы источники, которые питают его время от времени? Где эти латентные тенденции, которые его поддерживают? В каких формах он может проявляться? Здесь мы касаемся вопросов не только истории, но психологии и политики, которая в той или иной степени бывает направлена на поддержание ксенофобских настроений.

К счастью, в России сейчас ситуация совершенно иная. В одном из недавних выступлений Берл Лазар заявил о том, что евреи чувствуют себя комфортно в России и если вдруг произойдет какой-то всплеск антисемитизма, то государство готово бороться с этим. Я склонен доверять этим высказываниям, судя по всему, так оно и есть на самом деле. Тем не менее, проблема остается. Прежде всего в той формулировке, в которой я предложил. Для меня, как преподавателя, это очень важно. Изучая эти сюжеты, мы с моими студентами всегда стараемся проникнуть в самую суть этого явления, чтобы понять, как его не допустить в нашем современном мире.

Сегодняшнее мероприятие является серьезным вкладом в достижение этой цели. Чем больше наше общество будет знать правды о Холокосте и происхождении ксенофобии, шовинизма и антисемитизма, тем быстрее оно излечится от этих язв и пороков.

О.В. Солопова

Об изучении истории еврейской диаспоры на историческом факультете МГУ.

Приветствие руководителя лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Солопова Оксана Вячеславовна – заместитель декана – ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, к. и. н., руководитель учебно-научного направления «история Беларуси и белорусской диаспоры»

Лаборатория истории диаспор с начала своего оформления реализовала проекты, связанные с изучением еврейской диаспоры, взаимодействовала с еврейскими организациями России и стран ближнего зарубежья. Надо сказать, что данная проблематика изучается также на кафедре истории средних веков, истории стран ближнего зарубежья, кафедры новой и новейшей истории, лабораторией по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века и в рамках межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов»...

В рамках нашего направления научной деятельности, лаборатория истории диаспор осуществляла и продолжает системно осуществлять посредническое участие при инициировании, подготовке и заключении историческим факультетом Московского университета договоров о сотрудничестве с разными общественными организациями. Данная практика оказалась невероятно эффективной, потому что благодаря ей на истфак попадают архивы этих общественных организаций и их лидеров, и мы можем изучать те документы, которые, увы, во многих случаях теряются во времени и исчезают. Это та часть источников, которую невозможно собрать, если ты не находишься внутри среды. Благодаря тому, что мы понимаем эту проблему, лаборатория истории диаспор закрепила за собой эту, не побоюсь этого слова, миссию. В том числе, мы заключили соглашения о сотрудничестве с Федеральной еврейской национально-культурной автономией, у нас и у учащихся наших магистерских программ сложились прекрасные связи с Региональной еврейской национально-культурной автономией Московской области, системные контакты со Всеизраильским объединением выходцев из Беларуси, также были намечены договоренности о направлениях сотрудничества с Еврейским музеем и центром толерантности.

Взаимодействие в рамках этих соглашений ведется по нескольким направлениям: приглашение лидеров еврейской диаспоры на встречи со студентами, чтение лекций о состоянии, жизни и специфике общественной работы национально-культурных еврейских автономий, участие факультета в прекрасном проекте «Рукопожатие», инициированном ФЕНКА, которое частично проводило свои мероприятия здесь (в частности, об институте Праведников народов мира студенты исторического факультета узнали из рук тех людей, которые непосредственно участвовали в создании этого института). Мы проводим научно-просветительские мероприятия самого разного формата, одним из которых является проект-игра «Единство многообразия», осуществленный еврейской автономией на средства гранта Президента РФ. К слову, только что прошел всероссийский Большой Этнографический диктант, в рамках которого несколько вопросов были позаимствованы из данной игры. В рамках нашей межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов» уже написаны несколько научных исследований по проблематике еврейской диаспоры: два диплома специалиста, выпускные квалификационные работы бакалавра и магистра. Сейчас пишется кандидатская работа по проблематике.

Все это осуществляется в рамках обозначенного мной учебно-научного направления как целостного явления, которые мы стремимся упрочить. Мы только в начале пути, и я надеюсь, что те ребята, которые приобретают знания в этой области, взаимодействуют с общественными организациями, получают возможность доступа и формирования источниковой базы по проблематике на историческом факультете, впоследствии будут точечными специалистами в данной области...

Несколько слов о Минском гетто. Мы все понимаем, что это одно из крупнейших гетто в Европе, где оказались не только белорусские евреи, но и евреи Германии, Австрии, других европейских стран. Мы все помним, что 19 июля – особая дата, дата, когда начало формироваться гетто. Для всех тех, кто живет в Беларуси, кто имеет отношение к изучению или причастен к истории евреев, живших на белорусских землях, в прочем, для всех честных и неравнодушных людей слово «Яма» имеет несколько значений. Насколько я понимаю, для тех, кто имеет отношение к Минску, в принципе не бывает одного толкования этого слова, всегда двойное понимание, которое сопровождается ощущениями ужаса, оторопи... Это часть и моего детства тоже. Хотя моя бабушка была угнана из-под Бреста в июне 1941 года и не была лично связана с Минском в годы войны, все равно, будучи частью белорусского народа, знала и помнила о тех событиях. В моем детстве, а я рождена в 1971 году, мы знали, что такое «Яма». Но это не только вопрос советского воспитания, это и к вопросу

об исторической преемственности внутри семьи, акцентированных фактах исторической памяти, которая продуцируется в поколениях. Я знаю, что белорусские евреи, которые сегодня живут в Израиле, «виделись на «Яме» регулярно, это происходило ежегодно 9 мая. Это была особая субкультура, туда подгоняли грузовики и включали советские песни военных лет, люди показывали письма из США или Израиля, которые прислали родственники, общались, даже порой достигались договоренности о заключении браков... По сути, это был гимн памяти об ушедших, но еще и гимн жизни. Я знаю, что те немногие выжившие стеснялись того, что выжили и об этом на встречах старались не упоминать.

Сейчас было бы уместно вспомнить и зачитать цитату Гроссмана и Эренбурга из «Черной книги»: «21 октября 1943 года гетто было снова последний раз окружено гестаповцами, людей, всех до единого, погрузили в машины и вывезли на смерть, в случаях, когда в квартирах никого не находили, дома взрывали гранатами, чтобы находящиеся в укрытии обрели смерть».

Послушайте, каким образом они пишут об этом, как сухо и отстраненно, без лишних эмоций. Знаете, почему? Может быть я ошибаюсь, но мне кажется, что это написано для тех, кто понимает, что не нужно ничего накручивать; для тех, кто понимает, что достаточно просто фактов. Потому что, когда мы представляем сто тысяч и то время, за которое эти люди были уничтожены, то мозг отказывается это понять и представить. И мне кажется, что срабатывает защитный механизм. Но это нужно просто знать. Если представлять это в полном объеме, то не очень понятно, как с этим дальше жить, как вообще смотреть на человечество и думать что-то о каких-то перспективах развития цивилизации после подобных действий венца творения «человека»... Есть еще одна дата – 2 марта, и мы все знаем и помним о ней. Это тоже «Яма», расстрелы... восемьдесят тысяч... Эти две даты – осень и весна – это ведь циклы праздничной обрядности в традиционном обществе. И именно они были осквернены навсегда памятью о бесчинствах; лишены радости памятью о тех событиях.

Сегодняшний круглый стол – это не только первая научная конференция по подобной проблематике на историческом факультете Московского университета. Не только результат, к которому шла лаборатория пять лет. Но это и гражданская позиция факультета, это отношение к тому, что можно назвать «ответственность историка перед историей».

Я хочу сказать отдельные слова благодарности Галине Леонидовне Левиной, потому что Черный обелиск, который воздвигнут на Яме, это творение рук ее отца. И я хочу сказать слова самой искренней благодарности нашему другу и партнеру Михаилу Альшанскому, которому принадлежит идея проведения данного мероприятия.

Л. Шерман

Приветствие

Шерман Леонид – Первый Секретарь Посольства Государства Израиль в Российской Федерации, директор Израильского Культурного Центра Натив в Москве

Приветствую всех!

Очень приятно быть здесь, спасибо за приглашение! Игаль Алон, один из отцов нации Израиля, который относится к поколению становления государства, сказал следующую фразу: «У кого нет прошлого – настоящее скудное, а будущее туманно». И это объясняет, почему в Израиле много говорят и не позволяют забыть то, что мы называем «Шоа» – Холокост, Катастрофа. Это темная страница мировой истории, но это наше прошлое. Прошлое, о котором необходимо знать и помнить израильтянам, Израилю, любой другой нации, любому государству.

Мне, как израильтянину, приятно, что эти вопросы изучаются еще где-то, что они обсуждаются на таком высоком академическом уровне.

Спасибо всем большое и удачного круглого стола!

Д.В. Суржик

Приветствие Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»

Суржик Дмитрий Викторович – старший научный сотрудник Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, к. и. н., руководитель российско-белорусских проектов Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»

Добрый день, уважаемые коллеги! Я благодарен Вам за возможность выступить сегодня на таком очень важном и представительном «круглом столе» в гостеприимной и душевной обстановке исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Я также благодарен Оксане Вячеславовне Солоповой лично за ее титанические усилия, без которых это мероприятие не было бы возможным.

Несмотря на то что в программе я фигурирую как представитель нескольких уважаемых институций, позволю высказать свое мнение о предмете нашей встречи. В некоторых ее аспектах, как оказалось, я буду созвучен уважаемому Л. С. Белоусову, что еще раз говорит об общности наших задач. Минское гетто – это страшный, но (увы!) лишь один из многих уроков той глобальной (по своему размаху) и инфернальной (по целям агрессоров) войны. Это урок о национализме[1], в первую очередь, о том, как далеко могут зайти предрассудки и ненависть одних, садизм и желание поживиться за чужой счет – других и конформизм третьих.

Многие копья были сломлены на обсуждении того, как трагедия Шоа стала возможной? На этот вопрос, как ни страшно, дает ответ наша современность. Задолго до еврейских гетто нацистами была опробована система выделения «чужих» из своих же граждан, расчеловечивания этих «чужих», выведения их за рамки правового поля и заражающей, галопирующей вседозволенности по отношению к ним. Такими «чужими» стали с начала 1930-х годов коммунисты. При этом отмечу, что пожар рейхстага, Лейпцигский процесс и последующее насилие против

[1] Национализм пытались определить многие авторы. У Джорджа Оруэлла, например, есть известное эссе «Заметки о национализме». Опубликованные в майские дни 1945 г., их, скорее, можно расценивать как предтечу «Флутонской речи» У. Черчилля и «охоты на ведьм», нежели как попытку объективного анализа. Ниже мы будем понимать под национализмом лишь проповедь и практику национальной исключительности.

коммунистов вряд ли (даже сами немцы) могли бы воспринимать их за «чистую монету» – после «Боксхеймских документов».

Как бы то ни было, чудовищная машина расчеловечивания была опробована, и она... не встретила никакого серьезного сопротивления со стороны немецкого общества того времени. Оно попросту оказалось расколотым и не смогло за личными неприязнями увидеть общего врага: «Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал: я не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал: я не был социал-демократом. Когда они хватали профсоюзных активистов, я молчал: я не был членом профсоюза. Когда они пришли за мной – уже некому было заступиться за меня». Автор этой цитаты, Мартин Нимёллер, хорошо известен, как и его судьба. Я лишь хочу обратить внимание присутствующих на другое. Расколотым оказалось не только немецкое, но и мировое сообщество. Ведь Антигитлеровская коалиция окончательно оформилась в 1942 г. – спустя 2,5 года после того, как Германия и ее союзники развязали Вторую мировую войну. Соответственно, их военно-политический блок был создан еще раньше.

Увы, но эти уроки актуальны и сейчас. Не буду называть (они и так хорошо известны) страны современного «санитарного кордона», считающие себя европейскими, где происходит расчеловечивание русских. Скажу также, что и недавний теракт в Архангельске вызвал у известного информационного ресурса риторику сродни нацистскому «Закону о защите народа и рейха». Это тот самый ресурс, который ставит своей целью «воспитание здорового, европейского национализма». Нацисты, как видим, всегда остаются одинаковыми: вначале они вползают змеёй в общественную жизнь, затем отрабатывают приемы расчеловечивания и репрессий против политических противников, а затем – и всех инородцев. Националисты всегда остаются предателями национальных интересов своих стран, о чем свидетельствуют братания «русских националистов» с откровенными русофобами в ходе так называемых «Русских маршей».

Выдающийся чешский публицист Юлиус Фучик как-то сказал: «Люди, будьте бдительны!». Только теперь, спустя почти 75 лет после разгрома фашизма (в самых разных его европейских и азиатской ипостасях) мы понимаем весь глубинный смысл этой фразы. Современный подъем правого экстремизма в Европе, вызванный миграционным и демографическим кризисами, а также внешним участием – прямое подтверждение необходимости таких «круглых столов». Соблазн найти крайнего, виновного в своих социально-экономических проблемах, заявить о своем первородстве и «врожденном превосходстве» есть всегда. И он никак не зависит от политических пристрастий, ибо он глубже – живет в эмоциональной

картине мира любого человека. Поэтому, наверное, появляются киноленты, в которых подвиг борьбы против нацистов ставится возможным не через протест против несправедливости, а через национальную самоидентификацию главного героя. Тем самым для борьбы против одного национализма используется другой национализм. Наверное, все уже поняли, какую киноленту я имею в виду. Подробно проанализировавший ее присутствующий здесь Л. А. Терушкин подтвердит мои слова, что подобная мотивация не имела места в подвиге А. Печерского. Но проблема здесь не только в антиисторичности «исторической» киноленты. Проблема в том, что ее авторы «выплескивают» своего зрителя в националистический дискурс. И теперь невольно возникает вопрос: так кто же кого победил в 1945 году?

Как не допустить возрождения национализма? Только широкой просветительской деятельностью, только трансграничной научной дипломатией (к которой нас призывает президент РАН академик А. М. Сергеев) и широкими академическими обменами. Тем более – между нашими народами. Ведь в случае победы нацистского блока во Второй мировой войне нас ожидала бы общая судьба. Ведь для меня нет разницы между 100 %-ным уничтожением одного народа и уничтожением 75 % другого народа, четверть численности которого будет лишена своей национальной идентичности и станет космополитами, «иванами, не помнящими родства». Увы, но такие программы по национальному обезличиванию русскоязычной молодежи сейчас реализуются в ряде соседних к нам стран.

Противостоять этому, повторюсь, можно только комплексом мер, важнейшая из которых – широкая просветительная деятельность. Она должна показать каждому, чем заканчиваются застольные разговоры о национальном превосходстве. В этой связи нельзя не упомянуть международную школу молодых историков «Сожженные деревни: Хатынь и ее сестры», которая проходила в Минске с 7 по 14 октября 2018 г. под эгидой Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук, Института истории Национальной Академии наук Беларуси и Фонда «Историческая память» при финансовой поддержке Росмолодежи. В ходе школы 40 российских студентов прошли «интенсив»: ежедневные лекции, семинары и экскурсии по теме школы для того, чтобы в следующем году приступить к сбору материалов, а впоследствии – и к созданию базы данных по уничтоженным карателями населенных пунктах РСФСР. Я не буду задерживать уважаемую аудиторию отчетом об этом проекте, руководителем которого я являюсь. Я открыт для контактов и рассмотрю любые предложения. Вам же я желаю не только успешной работы и новых контактов, но и – в первую очередь – широкому медиа-освещению Ваших трудов.

М.Н. Альшанский

Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси и память предков

Альшанский Михаил Наумович – Председатель Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси

Хочу сказать слова благодарности факультету, декану и доценту О. В. Солоповой, с которой мы дружим несколько лет. Появилась идея провести совместное мероприятие исторического факультета и Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси, которого не было никогда и нигде, ни в одной стране (Украине, Беларуси, Европе). Никогда я не слышал о том, что когда-то кто-то проводил совещание или конференцию, где обсуждали бы Холокост, в частности, 75-летие освобождения евреев Минска от немцев. Годовщина 75 лет была 10 дней назад, можете себе представить?! Уничтожили всех в три захода, сколько не досчитались врачей, ученых, адвокатов и просто хороших людей, детей и внуков.

Наше объединение в Израиле насчитывает 130 тысяч человек, все выходцы из Беларуси. По нашей структуре мы делимся на отделения – в 32 городах у нас есть отделения, работают все добровольно. Мы поддерживаем хорошую связь с муниципалитетом, поэтому существуем. В муниципалитетах есть русскоязычные мэры и их заместители, начальники отделов, которые помогают нам, выделяют помещения, телефон. Проводится масса различных мероприятий – от празднования дней рождений до презентаций книг. Первый посол, который остался жить в Израиле как постоянном месте жительства, был посол из Беларуси – Михаил Абрамович Фарфель. Как он мне объяснил, его жена русская, дочь нашла себе друга в Израиле, сын хочет служить в израильской армии. Он является единственным евреем в семье, который должен был уехать, а остальные русские члены семьи желали остаться в Израиле. Это стоило ему инфаркта, но Лукашенко дал разрешение остаться. То есть Израиль – это святая земля, там происходят невероятные вещи. Например, три президента и три премьер-министра Израиля были выходцами из Беларуси. Как я говорю, у нас выходцам из Беларуси легче стать президентом, чем в Беларуси.

Возвращаясь к печальному дню ... Я был в Чехословакии по работе, нам показали лагерь Терезиенштадт, недалеко от Праги. Издалека виден громадный крест, сделанный из рельс той железной дороги, по которой подвозили туда заключенных. Крест стоит с одной стороны кладбища, а с другой – Маген Давид. Мы зашли в крематорий, в котором находились

две тележки, на которых подвозили трупы к печкам и сбрасывали туда. Я случайно зацепил тележку ногой, услышал стук железа и тележка покатилась к печке. То есть сегодня, если зажечь спичку и открыть этот вентель с газом, всё остается в рабочем состоянии. Немцы так строили. Даже не слышно, как железные колеса по железным рельсам едут. Я вернулся домой, взял жену и повез в Терезиенштадт, показать ей. Я был единственным «русским» в этой израильской команде, мне доверили зажечь свечку и прочесть поминальную молитву, что было большим почетом.

Я уже говорил, наше объединение плотно работает с муниципалитетами. Например, в Ашдоде есть памятник Янке Купале, площадь Шагала в Натании, а в Беларуси улицы Шагала нет. Мои родственники по отцу из Бобруйска, 700 евреев лежат в одной яме. Приехал немец из Бобруйска на мотоцикле с коляской и водителем. Местные полицаи вывели 700 человек. Немец сказал всего одно слово «Fire». 700 человек уложили, он сел в коляску и уехал в Бобруйск. Там лежит 18 Альшанских, 78 двоюродных и троюродных братьев и сестер моего отца. Я был на этом памятнике – «карандаш» и пятиконечная звезда. Когда-то там было написано на идише, что это граждане еврейской национальности. Потом все убрали, сейчас написано, что это мирные советские граждане. Моего отца в свое время исключили из партии за то, что он собирал деньги на строительство памятника. Мы очень плотно работаем с Кнессетом Израиля, в котором 8 русскоязычных депутатов. Когда в третий раз хотели закрыть Посольство в Минске, то я два месяца ездил туда каждый день из Ришон-ле-Цион в Иерусалим, к нашим депутатам, чтобы не закрывали в Минске Посольство. Вмешался премьер-министр и удалось оставить это Посольство. Этим занимается наше белорусское объединение.

Наша организация ежегодно проводит мероприятия, посвященные памяти погибших белорусских евреев. Мы выкупили лес площадью сто на сто метров, на тысячу деревьев. Там установлен мемориальный камень. Туда мы приезжаем каждый год в двадцатых числах октября, отдавая дань почтения и памяти узникам Минского гетто и другим жертвам Холокоста на территории Беларуси. В этом году были представители из 7 городов, посол Беларуси всегда приезжает. Мы с белорусским Посольством работаем очень плотно и хорошо, они всегда присутствуют на наших мероприятиях и зовут нас на свои. Начиная с первого Посла, который остался и с остальными (сегодня Скворцов Владимир Николаевич) мы работаем. Они относятся с пониманием, помогают нам, а мы помогаем им.

Еще раз хочу подчеркнуть уникальность и значимость сегодняшнего мероприятия – впервые на историческом факультете МГУ проходит круглый стол по такой проблематике.

И.А. Агакишиев

Приветственное слово

Агакишиев Исмаил Аловсат оглы – Генеральный директор Российского федерального информационно-аналитического агентства «Вестник Кавказа», доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к. и. н., доцент, руководитель учебно-научного направления «история Азербайджана и азербайджанской диаспоры»

Я хотел бы поблагодарить за приглашение и еще раз подчеркнуть значимость проводимого мероприятия, значимость обсуждения проблематики Холокоста на высоких исторических площадках. Иногда мы сильно абстрагируемся, называя те деяния, которые произошли в годы Второй мировой войны, связываем их только с политикой гитлеровского нацизма. Мы забываем, что эта проблема глубже, и изучать ее действительно важно с разных сторон.

Вопрос в том, что политика нацизма была направлена против людей вообще, была бесчеловечна по своей сути, и осуществлялась народом, который подарил миру выдающихся людей – ученых, музыкантов, художников... Это еще раз наталкивает на мысль о том, что национальный вопрос очень тонкий. Человек – очень противоречивое существо, нет границ благородства и нет, к сожалению, границ низости человека. В годы Второй мировой войны столкнулись низость и благородство.

Обсуждая сегодня тему Холокоста, мы, конечно, все понимаем, что политика нацизма была направлена не только против евреев. За время Второй мировой войны пострадали многие народы, особенно, на территории СССР. Советский Союз был общим домом для всех нас, в годы войны здесь погибло более 30 млн. человек всех национальностей, проживавших в СССР, и сколько из них мирного населения... Это еще раз говорит о том, что была общечеловеческая трагедия.

В горах Азербайджана, где в годы войны была похоронена моя бабушка, несколько лет назад мы нашли могилу. Оказалось, в этой могиле хоронили людей, погибших от голода в годы войны, всех в одной могиле...

Я вырос в многонациональном городе, где бок о бок мирно жили представители разных народов, четверть его населения составляли евреи. Баку формировал совершенно особую идентичность – бакинцы. Идентичность, которую выходцы из этого города продолжают сохранять, даже уезжая из него навсегда.

Сейчас, в зависимости от политической конъюнктуры, кто-то меняет свою национальную принадлежность, кто-то, наоборот, углубляется в изучение своих этнических корней.

Все это лишний раз доказывает, что национальный вопрос – очень тонкий и заслуживает особого внимания. Для его изучения и понимания нам очень важны подобные мероприятия. Системное научное изучение и общественный дискурс позволяют выработать концепции и принципы, способствующие популяризации межнационального мира и согласия.

И все это исключительно важно для того, чтобы подобная трагедия никогда больше не произошла.

Л. Спивак

Геноцид евреев в годы Второй мировой войны на оккупированных территориях СССР и попытки героизации гитлеровцев и их пособников в некоторых странах постсоветского пространства

Спивак Лев – Генеральный директор международной ассоциации Израиль – Азербайджан «АзИз»

Наиболее жестко национальная ненависть, санкционированная государствам, проявлялась во время Второй мировой войны. Нацисты открыто провозглашали своей целью окончательное решение «еврейского вопроса» и, захватив Белоруссию, Украину, Эстонию, Латвию, Литву – 13 областей РСФСР – демонстративно и методично истребляли еврейское население, в том числе, при пособничестве местного населения. Между тем, нацисты целенаправленно уничтожали не только евреев, но и цыган, славян и вообще всех, кто не вписывался в их расовую теорию.

Историки признают, что оккупационный режим отличался исключительной жестокостью и зверствами по отношению к мирному населению, массовыми репрессиями и уничтожением людей, разрушением и разграблением народного хозяйства, культурных ценностей. Жертвами оккупантов стало более десяти миллионов советских граждан – каждый пятый из оказавшихся под оккупацией семидесяти миллионов советских граждан не дожил до Победы.

Неоценимый вклад в дело освобождения оккупированных территорий внесли не только бойцы Красной Армии, но и партизанские отряды.

Не умаляя героизма советских солдат и офицеров, справедливости ради стоит сказать, что вряд ли на первых этапах войны войскам Третьего рейха удалось бы так стремительно продвигаться вглубь советской территории и обосновываться на ней, если бы не действия предателей.

Не секрет, что среди пособников фашизма были не только такие знаковые фигуры как генерал Андрей Власов, который попал в плен и пошел на сотрудничество с фашистами, но и рядовые советские люди, по доброй воле или по принуждению записавшиеся в полицаи, назначенные старостами или бургомистрами на оккупированных территориях. В советское время эти факты замалчивались, поскольку противоречили официальной идеологии «братства народов».

Минское гетто называют адом на земле. Минск, население которого на 40 % состояло из евреев, был оккупирован 28 июня 1941 года. Решение о создании концлагеря смерти было принято уже 19 июля. Через Минское гетто прошло более 100 000 евреев. Фашисты не только уничтожали людей, но и стремились страхом, голодом, издевательствами, психологическим давлением задушить попытки сопротивления у тех, кого еще не успели убить.

Сейчас в израильском национальном мемориале Катастрофы (Холокоста) и Героизма есть целый раздел о событиях в Минске времен Второй мировой.

В ходе Второй мировой серьезно пострадала Одесса, где до войны еврейское «меньшинство» составляло около 30 % населения. Казалось, ничто подобное уже не повторится, но 2 мая 2014 года вписало Одессу в историю XXI века как место массового уничтожения неонацистами инакомыслящих. Трагедию в Доме профсоюзов позже назовут «Одесской Хатынью» по аналогии с сожжением в 1943 году нацистами и их украинскими пособниками деревни Хатынь.

Национализм в Украине выглядит особенно неприглядно с учетом того, что во время Второй мировой на территории республики погибло около 3 миллионов советских воинов, больше 2 миллионов украинцев было вывезено для принудительного труда в Германию во время оккупации. Полностью или частично было разрушено больше 700 городов и 28 тысяч сел, около 10 миллионов людей осталось без крова, уничтожено свыше 16 тысяч промышленных предприятий. Военные действия на территории Украины велись почти всю войну – до октября 1944 года.

В контексте нашей сегодняшней темы обсуждения весьма актуальным представляется судьба семьи генерала Николая Ватутина, который в годы войны командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и Первого Украинского фронтов. Высшие силы оберегали «генерала – молнию», как его называли фронтовые корреспонденты, от гибели на поле боя, но не смогли защитить от бандеровцев. В самом конце зимы 1944 года машина Ватутина в тылу нарвалась на группу украинских националистов. В перестрелке генерал получил ранения, от которых умер через несколько месяцев.

В жизненных перипетиях семьи Ватутина отразилась вся палитра трагедий советского народа, пережившего войну. В 1942 году территория нынешней Белгородской области, в том числе и село Чепухино Валуйского района – малая родина Ватутина – оказалась в руках фашистов. Мать генерала и три его сестры оставались в селе, где зверствовали оккупанты – их могли расстрелять или использовать в качестве заложниц,

чтобы шантажировать генерала. По доносу местного полицая немцы казнили председателя колхоза, жену председателя сельсовета и тех, кто помогал партизанам. Однако партизаны, которых фашисты действительно боялись, предъявили местным полицейским и другим пособникам оккупантов ультиматум: за гибель семьи Ватутиных те ответят головой. Сыграл свою роль и назначенный бургомистром нескольких тамошних сел Иван Романенко – бывший военнослужащий Красной армии, добровольно перешедший на сторону врага. Именно бургомистр добился того, чтобы одну из сестер генерала не угоняли в Германию. Позднее выяснилось, что Романенко, рискуя быть разоблаченным, помогал и другим своим землякам. Однажды он даже предотвратил карательную операцию, напоив карателей и дав односельчанам возможность спрятаться. Правда, эти подвиги не уберегли его в дальнейшем от сталинских лагерей.

В 1943 году родное село Ватутина было освобождено в результате Острогожско-Россошанской наступательной операции Воронежского фронта. А Николай Ватутин тем времени еще продолжал воевать...

Говорят, последствия его гибели были весьма ощутимы для интеллектуального потенциала Красной армии, ведь Ватутин был ассом в таких вопросах как окружение крупных группировок противника, применение подвижных групп фронтов, организация глубокой обороны.

На территории России и Украины Ватутину поставили немало памятников, однако украинские националисты не унимаются до сих пор: памятники не раз подвергались нападениям вандалов, их оскверняли оскорбительными надписями, в прошлом году в Киеве и в Полтаве обливали красной краской; в этом году в Бердичеве разбили кувалдами; а в Сумской памятник и вовсе украли с постамента.

Сегодня в Украине, наиболее пострадавшей от зверств нацизма в ходе Второй мировой, символом борьбы за независимость стало имя Степана Бандеры. Термин «бандеровцы» стал нарицательным и применяется уже ко всем украинским националистам, независимо от их отношения к самому Бандере...

...В «новой» России расисты, антисемиты и ксенофобы, противники свободной миграции притихли. Это стало возможным благодаря выдвижению на первый план идей национального многообразия. «Мы хотим быть русскими, татарами, евреями, проживающими здесь, мордвой и так далее, и так далее. У нас 160 этносов проживает на территории Российской Федерации. Зачем же нам размываться? Мы этим дорожим и должны об этом говорить. Мы должны укреплять свою идентичность», – заявил Владимир Путин, выступая недавно на Валдайском форуме.

Россия складывалась как многонациональное государство, а потом – как многоконфессиональное. Изначально здесь закладывались толерантные, уважительные отношения между всеми формирующими государство нациями и представителями различных религий...

В этом 2018 году году на Генассамблее ООН, на церемонии, посвященной жертвам Холокоста, Президент Израиля Реувен Ривлин напомнил о массовых убийствах азербайджанцев, произошедших в городе Ходжалы 26 февраля 1992 г. Тогда он задал вопросы, ответов на которые ждут и евреи, и азербайджанцы: «Хватает ли действий ассамблеи для борьбы с геноцидами?.. Была ли эта борьба достаточно эффективной?.. Слишком много проливается слез и слишком мало делается реальной работы», – посетовал Президент Израиля.

Л.Л. Смиловицкий

Холокост в Беларуси и судьба Минского гетто

Смиловицкий Леонид Львович – старший научный сотрудник, руководитель проекта «История евреев в Беларуси» в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, д. и. н.

Актуальность проблемы

Беларусь находится на перекрестке дорог, ведущих с Запада на Восток и с Севера на Юг. Ни один захватчик, задумавший попасть на просторы России, не мог миновать Беларуси. Но только немецкие фашисты захотели решить эту проблему по-своему, используя антисемитизм. Они объявили евреев виновными поголовно в бедах всего человечества. Советских евреев нацисты назвали иудо-большевиками, пособниками Сталина, а войну, которую они начали летом 1941 г., не против России и русского народа, а против евреев, якобы захвативших власть в СССР.

Спустя семь десятилетий исторические и политические подходы изменились, многое стало известно, спали одиозные запреты. Изменился сам мир. Распались одни государства и возникли новые. На постсоветском пространстве историки и журналисты, учителя и политические деятели перестали бояться слова «еврей».

Почему тогда трагедия евреев в годы второй мировой войны продолжают волновать умы людей? Насколько необходимо продолжать вести этот разговор?

Каждое новое поколение, вступающее в жизнь, задает свои вопросы. Почему именно евреи стали мишенью расовой политики Германии? Как такое могло случиться? Как массовые убийства евреев отразились на судьбах других народов Европы? Как вели себя соседи евреев, кто помогал выжить, а кто выдавал? Евреи стали покорными жертвами или участниками Сопротивления? Почему более полувека тема Катастрофы евреев в Советском Союзе была забыта, а фактически находилась под запретом (не писались статьи, не выходили книги, не защищались диссертации, не ставились спектакли, молчал кинематограф)? Немцы убивали евреев, а вскоре после войны в советской стране об этом нельзя было говорить и писать. Как это объяснить? Почему всех, кто этим интересовался, советская власть спешила обвинить в еврейском национализме и антипатриотизме? Ответы на эти вопросы, я надеюсь, дадут сегодня участники Круглого стола. Выскажу и я свое мнение.

Демографические последствия Холокоста в Беларуси

Еврейское население Беларуси летом 1941 г., вместе с беженцами из Польши (после 1 сентября 1939 г.), составляло 1 млн. чел., или 10 % населения республики. После оккупации республики нацисты создали сотни гетто (открытого и закрытого типа), а потом начались планомерные убийства евреев. Эта картина должна быть дополнена учетом потерь среди евреев-военнослужащих. В Красную Армию были призваны и вступили добровольно 110 тыс. евреев Беларуси. Из общего количества сражавшихся с нацистами полумиллиона солдат и офицеров евреев, погибло 216 тыс. евреев, из которых 48 тыс. евреев составили выходцы из БССР[1]. В итоге Беларусь потеряла 800 тыс. евреев, которых замучили, расстреляли или сожгли к 1944 г.

Но сухая статистика не в силах сказать обо всем. Если принять во внимание, что до войны евреи составляли не менее 60 % городского населения республики, а врачи, инженеры, агрономы, конструкторы, финансовые работники, художники, музыканты, писатели, партийные и советские кадры – до 80 %, то, сколько потеряла Беларусь в результате нацистского геноцида?

В ходе второй мировой войны произошли необратимые изменения в демографической структуре населения Беларуси. Евреи, устойчиво занимавшие второе после белорусов место, навсегда уступили его русским. Изменились места компактного проживания евреев, усилились процессы миграции, ослаб интерес к языку идиш, возросло количество межнациональных браков. С другой стороны, последствия Холокоста обострили национальное самосознание евреев[2].

Что мы знаем о Холокосте в Беларуси

До конца 1980-х гг. в Беларуси, как и вообще в Советском Союзе, историки и политики избегали говорить о судьбе евреев на оккупированной территории. Традиции советского интернационализма исключали повышенное внимание к одной из национальных катастроф. Считалось, что Россия потеряла столько русских, Украина – украинцев, Беларусь – белорусов, Грузия – грузин, Армения – армян и др., что говорить отдельно о геноциде евреев не пристало. Гибель советских евреев

[1] Очерки еврейского героизма. Киев, 1997 г., т. 3, с. 462, 466.

[2] L. Smilovitsky. "A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Prewar to the Post-war time" // *Journal of Genocide Research* (New York), vol. 5 (1) 2003, pp. 117–129. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletters/misc/DemographicProfile/index.html

советская историография рассматривала исключительно в свете противостояния СССР и Германии, а термин «геноцид» первые 15 лет после окончания второй мировой войны предпочитали вообще не употреблять. Предполагалось, что «вина» евреев, погибших в оккупации, заключалась не столько в принадлежности к еврейству, сколько в их «советскости».

В Беларуси, которая наиболее пострадала в годы войны среди других республик СССР, политика геноцида мирных жителей была разработана достаточно подробно[1], но при этом не было принято говорить о жертвах среди евреев.

Первые работы по истории Холокоста (главным образом мемуарная литература) появились на идиш, иврите, русском и английском языках уже во второй половине 1940-х и 1950-х гг. Они отразили опыт бывших узников, прошедших путь от заключения в гетто до своего спасения и участия в движении Сопротивления[2]. Эти публикации были наивными, поверхностными и тенденциозными, однако содержали огромный фактический материал, давали ощущение эпохи и до сих пор заставляют сопереживать. В 1960–1990е гг. появились монографии и серьезные научные исследования о Катастрофе восточноевропейского еврейства, изданные, главным образом, в Израиле и странах Запада. Условно их можно разделить на следующие группы:

- канун Холокоста[3],

---

[1] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 гг. Сборник материалов и документов (Минск, 1963); Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии, 1941–1944 гг. Документы и материалы, Минск, 1984 г.; Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі, 1941–1944 гг. Пад рэд. Ў. Міхнюка (Мінск, 1995); Беларусь у гады другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць (Мінск, 1995); Озаричи – лагерь смерти. Документы и материалы (Минск, 1997) и др. Белорусские остарбайтеры. Сборник документов об угоне населения Белоруссии в Германию. Ч. I–III (Минск, 1996–1998); Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. Аннотированный справочник (Минск, 1998); Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайне. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Пад рэд. А.М. Ліцвіна, Мінск, 1999 г.

[2] Тувья и Зусе Бельские. Еврейский лес, Тель-Авив, 1946 г., на идиш; Г. Смоляр. Мстители гетто, Москва, 1947 г.; Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны. Москва, 1948 г.; M. Kaganovich. The Fighting of the Jewish Partinsans in Eastern Europe (Tel Aviv, 1954). Hebrew; Sefer ha-Partizanim ha-Yehudim (The Book of Jewish Partisans) // Moravia, Yad Vashem, (Jerusalem, 1958).

[3] Ben-Cion Pinchuck. Shtetl Jews under Soviet rule Eastern Poland on the Eve of the Holocaust, Jewish society and culture. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell, 1990; "Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939–1940". Documents. Introduced and annotated by E. Ioffe and V. Selemenev // *Jews in Eastern Europe*, No1 (32), 1997, pp. 45–60; Jews in Eastern Poland and the USSR,

• публикация документов и материалов о нацистской политике в отношении евреев[1],
• история гетто[2],
• еврейское сопротивление[3],
• акции геноцида[4].

1939–1946 // Studies in Russian and East Europe. 1st ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London Press (1991); M. Altshuler. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998; Tikva Fatal-Kna'ani, "A Community Mirrored in Letters: The Jews of Grodno in 1932–1941", *Yalkut Moreshet* (Tel Aviv), No 66, 1998, pp. 69–80 (Hebrew); Б.Кантарович. Незадолго до и после Холокоста. Мемуарные, публицистические и искусствоведческие работы. Витебск, 2002 г.

[1]Blackbook of the Localities Whose Jewish Population Was Exterminated by the Nazis, Yad Vashem, Jerusalem. 1965; Where once we walked. By G. Mokotoff and Sally Ann. A Guide to the Jewish Communities Destroyed in the Holocaust (NJ, 1991); Уничтожение евреев Советского Союза в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг. Сборник документов и материалов. Под ред. И. Арада // Яд Вашем (Иерусалим, 1992); В. Левин, Д. Мельцер. Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии. Материалы и документы. Балтимор, 1996 г.; Неизвестная чёрная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев. Под ред. И. Арада (Москва-Иерусалим, 1993); Холокост в Беларуси, 1941–1944 гг. Документы и материалы. Сост. А. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. Минск, 2002 г.

[2]Blackbook of the Localities, Whose Jewish Population Was Exterminated by the Nazis // Yad Vashem, Jerusalem 1965; Where once we walked. By G. Mokotoff and Sally Ann. A Guide to the Jewish Communities Destroyed in the Holocaust (NJ, 1991); Уничтожение евреев Советского Союза в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг. Сборник документов и материалов. Под ред. И. Арада // Яд Вашем, Иерусалим, 1992 г.; В. Левин, Д. Мельцер. Черная книга с красными страницами. Трагедия и героизм евреев Белоруссии. Материалы и документы. Балтимор, 1996 г.; Неизвестная чёрная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев. Под ред. И. Арада, Москва-Иерусалим, 1993 г.; Холокост в Беларуси, 1941–1944 гг. Документы и материалы. Сост. А. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. Минск, 2002 г.

[3]Aryeh Tartakower (ed.). Jewish Resistance During the Holocaust // Yad Vashem Memorial Institute (Jerusalem, 1971); R. Ainzstein. Jewish Resistance in Nazi-Occupied Eastern Europe (London, 1974); L. Eckman, Ch. Lazar. The Jewish Resistance: The History of Jewish Partisans in Lithuania and White Russia During the Nazi Occupation, 1940–1945 (New York, 1977); J. Porter. Nusan (ed.). Jewish Partisans: A Documentary of Jewish Resistance in the Soviet Union During World War II, vol. 1 (New-York, 1982); A. Wertheim. "Zydowska partyzantka na Bialorusi, *Zeszyty Historyczne*, № 86, 1988, pp. 96–162 Jewish Resistance during the Holocaust (Westport, CT: Meckler, 1989); Даган, Бен-Цион. Мы из восставшей Лахвы, Тель-Авив, 2001 г.; Я. Шепетинский. Приговор. Военная Одиссея узника гетто, партизана, фронтовика и зэка. Тель-Авив, 2002 г.

[4]N. Alpert. The Distruction of Slonim Jewry (New York, 1989); Y. Arad, Sh. Krakowski and Sh. Spektor (eds.). The Einsatzgruppen Reports: Selections from the Dispatches

Западная историография из-за отсутствия архивного материала вынуждена была обходить тему Холокоста все послевоенные годы. В результате образовалась информационная ниша, которая в 1990-е гг. стала быстро заполняться[1]. Наиболее ценные исследования были выполнены учеными Израиля и их коллегами в странах Западной Европы и США[2].

Статьи, обзоры, воспоминания, сборники документов и монографии о Холокосте, вышедшие в 1996–2003 гг., значительно отличаются по своему профессиональному уровню, глубине анализа, осмысления и достоверности. Наибольший контраст представляют собой работы, написанные в Беларуси. Они, наряду с серьезными исследованиями[3],

---

of Nazi Death Squads' Campaign against the Jews, July 1941 – January 1943 (Jerusalem, New-York, 1989); Yakov Tzur. "The Maly Trostinetz Death Camp", *Yalkut Moreshet*, № 59 (April, 1995), pp. 31–52 (Hebrew); Y. Buchler. "Local Police Force Participation in the Extermination of Jews in Occupied Soviet Territory". *Shvut*, № 4(20), 1996, pp. 79–99; Мартиролог. Списки евреев, погибших во время второй мировой войны (Могилев, 2001 г.). Сост. И.М. Шендерович; Е. С Розенблат. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения Западных областей Беларуси, 1941–1944 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 1999 г.

[1] Э. Иоффе. Страницы истории евреев Беларуси. Минск, 1997 г.; Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации, 1941–1944 гг. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е. Под ред. Р. Черноглазовой. Минск, 1997 г.; Нацистское золото из Беларуси. Документы и материалы. Минск, 1998 г.; И. Альтман. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. Москва, 2002 г.

[2] Sh. Cholawski. "Underground and Partisans from the Slonim Ghetto". *Massuah*, No23 (1995), pp. 185–198, Hebrew; D. Porat. "Zionists and Communists in the Underground during the Holocaust: Three Examples: Cracow, Kovno and Minsk", *The Journal of Israeli History*, vol. 18, No 1 (1997), pp. 57–72; Gerlach, Ch. "Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia", *Holocaust and Genocide Studies* (Washington), vol. 11, No 1 (Spring 1997), pp. 60–78; Goldhagen, D. J. Hitler's Willings Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust (New York, 1996); N. Tec. Jewish Resistance: Facts, Omissions and Distortions, United States Holocaust Memorial Museum (Washington. 1997); A. Geier. Heroes of the Holocaust (New York, 1998); Chiari, Bernhard. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weisrusland, 1941–1944 (Schirften des Bundesarchivs, Bd. 53. Dusseldorf: Droste Verlag, 1998; D. Romanovsky. The Holocaust in the Eyes of "Homo-Sovieticus": A Survey Based on North-eastern Belorussia and North-western Russia. *Holocaust and Genocide Studies*, No 13 (3). Winter, 1999, pp. 355–382; M. Dean. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944 New York – London, 2000.

[3] М.Я. Савоняко. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 1993 г.; Е. Розенблат, И. Еленская.

как правило, являются очень эмоциональными[1]. Совершенно новой для белорусской историографии стала тема взаимоотношения евреев и неевреев на оккупированной территории[2]. Во второй половине 1990-х гг. благодаря доступу к архивам историография Холокоста на территории республики значительно обогатилась[3]. В серии историко-документальных хроник городов и районов Беларуси «Память», издающейся с 1987 г., начали появляться документы по истории Холокоста, списки жертв гетто, описание участия евреев в партизанской борьбе, перечисляться памятники на местах массовых захоронений и т. д.

Статьи, обзоры, воспоминания, сборники документов и монографии о Холокосте, вышедшие после 2000 г., значительно отличаются по своему профессиональному уровню, глубине анализа, осмыслению и достоверности. Одни из них – серьезные исследования, другие очень эмоциональны. Большая часть приводимых сведений основывается на записи устных свидетельств, не подтверждена документами, и их трудно проверить.

Пинские евреи, 1939–1944 гг. Брест, 1997 г.; М. Батвіннік, «Паўстанне ў Глыбоцкім гета» // Беларуская мінуўшчына. Мінск, 1997 г.; Г. Кнатько. Гибель Минского гетто, (Минск, 1999); И. Ю. Сервачинский, Коллаборационизм на оккупированной территории Белоруссии (июль 1941 г. – август 1944 г.) // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 1999 г.; А. М. Ліцвін. Акупацыя Беларусі (1941–1944 гг.). Пытанні супрацівy і калабарацыі. Зборнік артыкулау. Мінск, 2000 г.; А. Литвин. «К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны» // Беларусь у XX стагоддзі. Минск, 2002 г., с. 127–138.

[1] Д. Гай. Десятый круг. Жизнь, борьба и гибель Минского гетто. Москва, 1991 г.; В. Самович. Расстрелянные, замученные и повешенные. Фашистский геноцид в Бресте. Брест, 1994 г.; А. Розенблюм. Следы в траве забвения. Евреи в истории Борисова. Борисов, 1996; Г. Винница Слово памяти. Орша, 1997 г.; Сима Марголина. Остаться жить. Минск, 1997 г.

[2] Г. Купреева. «Покинутый народ» // Беларуская мінуўшчына, № 2, 1993; Аб Мише. Черновой вариант. Иерусалим, 1994 г.; Р. Левин. Мальчик из гетто. Москва, 1996; Д. Романовский. «Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-западной России глазами неевреев». Вестник еврейского университета в Москве, № 2(9), 1995, с. 93–103; *его же* «Отношения между евреями и неевреями на оккупированных советских территориях глазами евреев на примере Северо-восточной Белоруссии и Западной России», Там же, № 1(18), 1998 г., с. 89–122; Б. Житницкая. Жизнь, прожитая с надеждой. Рамат-Ган, 1998 г. и др.

[3] Э. Иоффе. «Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии» // История Беларуси. Вопросы истории и культуры. Вып. 2. Минск, 1998, с. 99–106; Д. Романовский. «Холокост на территории Беларуси в западной историографии». Там же, 81–98; Нямецкая прапаганда на Беларусі, 1941–1944 гг. Канфрантація паміж прапагандай і рэчаіснасцю. Каталог выстаўкі ў Берлине и Мінску (1996); L. Smilovitsky. "A Historiographical Survey of the Literature on the Holocaust in Belorussia, 1996–1998". *Shvut*, No. 8(24), 1998.

За последние 20 лет белорусские историки внесли немалый вклад в изучение трагедии евреев в годы Второй мировой войны. На сегодняшний день есть обзорные работы по истории Холокоста в Беларуси Эммануила Иоффе, Давида Мельцера, Евгения Розенблата, Геннадия Винницы[1], Кузьмы Козака[2]. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии Раисы Черноглазовой[3], Марата Ботвинника[4], Вячеслава Селеменева, Инны Герасимовой[5] и др. Однако все эти работы (статьи, книги, сборники документов и даже диссертации) стали возможным только благодаря личной инициативе самих исследователей. Эти достижения были бы значительно шире при государственной поддержке, выделении грантов, стипендий, а не только с помощью зарубежных спонсоров.

Особенности Холокоста в Беларуси

- Беларусь стала первой республикой СССР, подвергшейся натиску германской военной машины. Белорусские евреи – первые жертвы политики тотального уничтожения. Именно здесь нацисты впервые опробовали свой механизм массовых убийств.
- Беларусь стала первым местом для тайной депортации и уничтожения евреев Рейха и оккупированных ею стран Европы; с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. только в Минске погибло не менее 42 тыс. иностранных евреев.
- В отличие от Латвии и Литвы, узников гетто из Беларуси не вывозили в лагеря уничтожения в Польшу, а убивали на глазах у местных жителей.
- Активное участие белорусских евреев в партизанском движении

[1] Г. Винница. Холокост на оккупированной территории Восточной Белоруссии в 1941–1944 годах. Минск: Ковчег, 2014 г.
[2] К. И. Козак. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и тоги. Минск 2012 г.
[3] Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. Сб. материалов и документов. Изд. 2-е. Под ред. Р. И. Черноглазовой. Минск 1997 г.
[4] М. Ботвинник. Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск 2000 г., *его же:* Холокост в книгах «Память» Республики Беларусь. Минск 2008 г.
[5] Выжить – подвиг. Воспоминания и документы о Минском гетто. Национальный архив Республики Беларусью. Сост. И. П. Герасимова и В. Д. Селеменев, Минск. 2008 г.; Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. Документы и материалы. Сост. В. И. Адамушко, В. Д. Селеменев, И. П. Герасимова; Хатынская стена памяти. Архив. История. Память. Документы и материалы. Сост. В. Д. Селеменев, Н. А. Денисова, Н. В. Кириллова и др. Минск 2016 г.

Образование гетто

На территории Беларуси в границах 22 июня 1941 г. нацисты создали свыше 300 гетто в четырех зонах оккупации:

Большинство гетто (свыше 150) существовало в Западной части и в Восточной – более 100 гетто.

На территории Беларуси, включенной в рейхскомиссариат «Украина» было 45 гетто, самые крупные из которых находились в Бресте (27 тыс. чел.) и Пинске (25 тыс. чел.).

В зоне германской военной администрации (Минская, Могилевская, Витебская, большая часть Гомельской и некоторые районы Полесской области) было 43 гетто.

Всем беженцам (евреям и неевреям) было приказано вернуться к месту довоенного проживания, чтобы выявить чужаков. Местные органы власти должны были НЕМЕДЛЕННО сообщать обо всех незнакомых лицах.

Некоторые гетто на территории Беларуси (Минск, Брест, Пинск, Глубокое и др.) можно отнести к типичным для Восточной Европы. Внутренней жизнью гетто руководили юденраты, действовала еврейская полиция, использовался принудительный труд и пр.

Отдельные гетто просуществовали продолжительное время: в Бресте – 10 месяцев, в Минске – 27, в Барановичах – 29 и др.

Отличие гетто восточной и западной Беларуси:

– Большая часть евреев оказалась в период оккупации в Западной Беларуси, которая была захвачена за первые 10 дней войны и они не успели эвакуироваться. В ряды Красной Армии военкоматы успели призвать только 10 % еврейского населения, тогда как в Восточной Беларуси – 33 %.

– Восточная часть республики оказалась в военной зоне оккупации прифронтовой полосы. Гетто здесь не имели хозяйственного значения и уничтожались в первую очередь.

– В Западной Беларуси гетто просуществовали дольше, т. к. были вовлечены в экономические планы рейха, их трудовые ресурсы активно использовались для нужд немецкой армии. Немцы даже разрешили там медицинское обслуживание и боролись с эпидемиями, тогда как в гетто Восточной части – это был смертный приговор.

– В Восточной Беларуси в 1921–1941 гг. еврейская общинная жизнь исчезла, поэтому организовать выживание узников их собственными силами оказалось намного труднее, чем в Западной Беларуси.

– Восточные области считались наиболее подверженными советскому влиянию и способными к партизанской борьбе.

– Сопротивление нацистам в Восточной Беларуси было только коммунистическим, а в Западной и еще и сионистским.

Минское гетто

Минское гетто давно стало символом Катастрофы всего белорусского еврейства. Это было самое большое гетто (около 100 тыс. узников, включая беженцев). Оно просуществовало дольше других, и было уничтожено одним из последних.

Минск был захвачен 28 июня 1941 г., а приказ о создании гетто был издан уже 19 июля. Переселение было закончено к началу августа 1941 г.

Сначала оккупационные власти планировали возвести кирпичную стену вокруг гетто, но потом окружили его рядами колючей проволоки. Двое ворот охраняла белорусская и еврейская полиция. Территория гетто в Минске составляла 2 кв. км. Оно включало 40 улиц и Юбилейную площадь, где в бывшем здании Советского районного отдела милиции находился юденрат. Здания в гетто были одноэтажными и деревянными. С 1942 г., номер дома, где жили узники, вписывали в их желтую лату.

В начале осени 1941 г. в гетто Минска уже было уже приблизительно 80 тыс. узников (55 тыс. из Минска и 30 тыс. из окрестных местечек). Жилая площадь составляла 1,5 кв. м. на человека. За 28 месяцев в Минском гетто прошло пять больших погромов – массовых акций уничтожения, после каждой из которых территория его постепенно уменьшалась.

Повседневная жизнь в Минском гетто была более трудной и опасной, чем во многих маленьких гетто Беларуси. К зиме гетто выглядело ужасно. Вокруг Юбилейной площади здания разрушены, деревянные заборы разобраны, столбы выкопаны и использовались для отопления. Люди были с обмороженными лицами. В большинстве домов в окнах выбиты стекла и они закрыты тряпками, бумагой и старыми грязными газетами. Продовольствие доставлялось не регулярно, почти каждую ночь узники подвергались нападениям, которые часто заканчивались убийствами. В гетто было ограничено время подачи электричества и воды из водопровода, и узники брали ее из колонок, а зимой – из снега[1].

[1]L. Smilovitsky. “The Minsk Ghetto: An Issue of Jewish Resistance”, // *Shvut*, Studies in Russian and East European Jewish History and Culture. New Series, No 1–2 (17–18), 1995, pp. 177–199 (Tel Aviv University) https://drive.google.com/file/d/0B6aCed1Z3JywOEVNTHg5UnZaTUU/view?usp=sharing

Юденрат

В Советском Союзе в силу известных причин перед войной отсутствовала сплоченная еврейская община и поэтому в юденрат попали случайные люди. В Минске юденрат возглавил Илья Мушкин, бывший работник Гормпромторга (городской администрации торговли непродовольственными товарами), который поддерживал связь с партизанами, за что в апреле 1942 г. был расстрелян. Мушкина сменил Моисей Иоффе, менеджер фабрики, переведенной в Минск из Вильнюса в 1940 г. Нацисты расстреляли его 18 июля 1942 г. Третьим председателем юденрата стал Эпштейн, польский еврей, который, как считали многие узники, хотел любой ценой спасти собственную «шкуру». Юденрату подчинялась еврейская полиция (200 чел.) под началом Залмана Серебрянского. До войны Серебрянский сидел в советской тюрьме за растрату, но остался патриотом, тесно сотрудничал с подпольщиками в гетто. С другой стороны, узники вспоминают, что еврейские полицейские были не менее жестокими, чем белорусские[1].

Главной заботой в гетто стало продовольствие. Запасы от брошенных советских складов и магазинов накануне прихода немцев быстро кончились. Узникам не выдавали продовольственных карточек; кормили только тех, кто работал на немецких предприятиях. Юденрат открыл общественную кухню для наиболее обездоленных, где давали подобие супа (баланду) и ломтик хлеба. Найти еду можно было у немецких военных кухонь: подбирали остатки после чистки картофеля (картофельные очистки), объедки. Помогал натуральный обмен. Белорусы, которые хотели приобрести в гетто «драгоценные» вещи (рубашка или серебряная ложка) подходили к забору и бросали съестные припасы через колючее заграждение. Обмен продолжался во время пребывания на работе в русском районе. Имело место воровство[2].

Нацисты делили евреев на «полезных» и «бесполезных». В ходе селекции они отделяли специалистов и «трудоспособных», а остальных немедленно уничтожали. В Минском гетто отсутствовали фабрики и заводы, и рабочие колоны ежедневно направляли за пределы гетто. Евреи работали на железнодорожном узле, в строительстве, в швейных, сапожных, химических, оружейных мастерских, которые обслуживали Вермахт.

---

[1] Мінскае гета 1941–1943. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 24 кастрычніка 2003 г. Менск, НАРБ, 2003 г.

[2] Память и время. Сборник воспоминаний и материалов. Музей истории и культуры евреев Беларуси. Минск 2014 г.

Когда евреи поняли, что нацисты в первую очередь уничтожают тех, кто не работает, то матери стали брать с собой маленьких детей, которых они прятали возле рабочих мест. Дети все понимали и вели себя тихо. Другие узники пытались скрывать своих детей в русских приютах вне гетто. Когда немцы это выявляли, то детей возвращали назад в гетто или убивали на месте[1].

Иностранные евреи

Осенью 1941 г. в Минск начали привозить евреев из Германии, Австрии, Голландии, Чехии, Венгрии, Франции, Польши (7 тыс. евреев), а всего к маю 1942 г., по разным оценкам – от 26,5 до 55 тыс. евреев из семи стран Европы. Первый транспорт пришел в Минск из Гамбурга и, хотя следующие транспорты с евреями пришли из Дюссельдорфа, Франкфурта на Майне, Берлина, Брно, Бремена и других мест, иностранное гетто в Минске продолжали называть, как «гамбургскими». Вскоре выяснилось, насколько иностранные евреи оказались беззащитными:

– не знали русского языка, не могли вступить в общение и получить помощь от местного населения,
– не были приспособлены к физическому труду,
– не имели запасов вещей для обмена на продовольствие,
– страдали от местных болезней, воздействия климата и пр.
– были подвержены нацистской пропаганде и считали себя выше белорусских евреев, обвиняли последних в сотрудничестве с советской властью и считали их виновниками войны Гитлера против СССР[2]. Вместе с тем были примеры успешной совместной борьбы, когда Ильза Штейн и Лиза Гуткович организовали побег к партизанам 25 узников с оружием при помощи гауптмана Вилли Шульца[3].

Сопротивление в Минском гетто

Меньше известна другая, героическая страница народной трагедии. Евреи приняли самое активное участие в партизанском движении Беларуси, которое нацисты не без основания считали еврейским (большую часть первых партизан составляли коммунисты, партработники, военнопленные и евреи).

---

[1] Barbara Leslie Epstein. The Minsk ghetto 1941–1943: Jewish Resistance and Soviet Internationalism. Berkeley: University of California Press, 2008.
[2] Клара Хеккер. Немецкие евреи в Минском гетто. Пер. с немецкого. Историческая мастерская. Минск 2007 г.
[3] Л. Смиловицкий. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000 г., с. 62

Подполье, возникшее в Минском гетто, было уникальным. Первая подпольная организация была создана уже через три недели после образования гетто, и активно действовала до его последних дней.

На начальном этапе еврейское подполье действовало самостоятельно, поскольку советское и партийное руководство республики, покинувшее город тайно вечером 24 июня 1941 г. без объявления эвакуации, не оставило себе замены. Сопротивление в гетто возглавили члены Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), имевшие богатый опыт подпольной работы в Польше накануне войны. Гирш Смоляр был секретарем КПЗБ в Барановичах, Слониме и Белостоке, Яков Киркаешта – из Румынии, Меир Фельдман – из Вильнюса. Они нашли поддержку у «советских» евреев – жителей Восточной Беларуси, среди которых выделялись Борис Хаимович, Нотке Вайнхойц, Шай Шитман. Еще одну группу возглавил Наум Фельдман, старый коммунист, участник Гражданской войны.

Основное внимание уделялось не вооруженному сопротивлению, а сохранению жизни в условиях геноцида:

1. Спасение узников и вывод в лес для участия участие в партизанской войне.
2. Борьба с паникой и поддержание веры в победу советского оружия.
3. Поиски связи с коммунистами «русского» района Минска.
4. Сбор информации и распространение сводок Совинформбюро.
5. Поиски оружия, одежды и лекарств, которые смогли бы помочь узникам оставить гетто и при первой возможности перейти в лес к партизанам.

Вокруг Минска находились большие лесные массивы, и это вселял надежду на возможность спасать людей в лесу. В декабре 1941 г. Исай Казинец и Гирш Смоляр создали объединенный городской подпольный комитет русского района и гетто Минска. Юденрат помогал с продовольствием, теплой одеждой, регистрировал узников, уходивших к партизанам, как умерших, или уничтожали регистрационные карты. По поддельным документам можно было проживать в сельской местности. В то же время не все евреи были готовы к тяжелой и опасной жизни в лесу. Многие беглецы столкнулись с антисемитизмом и саботажем в отношении их со стороны местного движения сопротивления[1]. Последние группы узников покинули обреченное гетто весной и летом 1943 г. В конце октября 1943 г. Минское гетто прекратило существование[2].

---

[1] L. Smilovitsky. “Anti-Semitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia”, *Holocaust and Genocide Studies*, 2006, issue 20(2): pp. 207–234. https://drive.google.com/file/d/0B6aCed1Z3JywcXN4VWJKQjdURUk/view?usp=sharing

[2] Abram Rubenchik, *The Truth about the Minsk Ghetto*, Tel Aviv 1999
1999 אברם רובנצ'יק, האמת לגבי גטו מינק, תל-אביב

Участие евреев в партизанском движении Беларуси

С образованием под Москвой Белорусского штаба партизанского движения (сентябрь 1942 г.) «партизанка» приняла организованный характер. Евреи, бежавшие из гетто, пополнили целый ряд отрядов белорусских партизан, которые получили поддержку Большой земли. Евреи участвовали в боевых операциях, «рельсовой войне», засадах, выполняли агентурные задания, собирали разведывательную информацию, занимались пропагандистской работой, были врачами, оружейниками, радистами, заготавливали продукты, работали в партизанских прачечных, сапожных и портняжных мастерских, ухаживали за ранеными. Одной из форм этой борьбы стали еврейские семейные лагеря и отряды, не имевшие аналогов в других странах Европы. Наиболее известными стали отряд № 106 Шолома Зорина и отряд им. Калинина братьев Бельских[1].

Только на базе одного Минского гетто были созданы и в значительной степени пополнены девять партизанских отрядов и один партизанский батальон: пятый отряд им. Кутузова, отряды им. Буденного, им. Фрунзе, им. Лазо, им. 25-летия Октября, им. Пархоменко, им. Щорса, отряды №№ 106 и 406, первый батальон 208-го отдельного партизанского полка. После освобождения Белоруссии в июле 1944 г. многие евреи-партизаны добровольно вступили в Советскую действующую армию и воевали до окончания второй мировой войны[2].

В 1943–1944 гг. евреи воевали в большинстве партизанских формирований Белоруссии. В Барановичской области из 695 бойцов и командиров бригады им. Ленина 202 были евреями. В бригадах «Вперед» и им. Чкалова соответственно – 579 и 106, 1140 и 239 чел. Всего в 15 бригадах Барановичской области воевало 8493 партизана, из которых белорусы составляли 46,8 %, евреи – 12,4 %, а поляки – 1,3 %[3].

В Белоруссии в годы войны партизанские бригады возглавляли 2 еврея, комиссарами партизанских бригад были 4 еврея, начальниками штабов бригад – 7 евреев, партизанскими отрядами командовали не менее 18 евреев, комиссарами отрядов – 32, начальниками штабов отрядов – 21[4].

---

[1] Peter Duffy. The Bielski Brothers: The True Story of Three Men Who Defied the Nazis, Built a Village in the Forest, and Saved 1,200 Jews, Harper Perennial, New York: 2004.

[2] Zeev Barmatz. Heroism in the Forest: The Jewish Partisans of Belarus. Anna Mowszowski (translation from Hebrew). Israel, 2013.

[3] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 3500, оп. 4, д. 241. Том 2, л. 311. Проценты подсчитаны автором.

[4] И. А. Альтман. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. Москва, 2002 г., с. 254.

К моменту освобождения республики в июле 1944 г. в Лидской партизанской зоне насчитывалось 4852 партизана, из которых белорусами были 48,9 %, евреями – 28 %, а поляками – 0,5 %. Показателен и анализ самих источников пополнения партизанских формирований. Из-за линии фронта было прислано 67 чел., 225 чел. вышло из окружения, 505 чел. бежали из плена, 313 чел. дезертировали из полицейских формирований и перешли на сторону партизан, 2404 были выходцами из местного населения, 124 пришли из леса и от хозяев, а из гетто – 1196[1].

Правда об участии евреев в партизанском движении в годы войны была упрятана глубоко. Советская историография даже не называла такого явления. Об этом рассказали бывшие еврейские партизаны и историки в Израиле, США, Европе. Они опубликовали свои дневники, воспоминания, издали монографии. Моше Каганович выпустил в Италии в 1946 г. свою книгу на идиш, а в 1952 г. в Аргентине на английском. О партизанах из Минска писал Гирш Смоляр и Яков Гринштейн. Братья Бельские (Тувья, Асаэль, Зусь и Арон) партизанили в Налибокской пуще, о еврейском сопротивлении писал израильский историк Шолом Холавский из Несвижа. О восстании в гетто в Лахве – Копель Колпаницкий и Бен Цион Даган[2]. На русском языке в Беларуси издана только книга «Встали мы плечом к плечу ...»[3] и перевод книги Джека Кагана о партизанах из Новогрудка[4].

В ряде гетто существовали подпольные организации, узники запасались холодным и огнестрельным оружием. Восстание в гетто – это кульминация сопротивления. Самый яркий и волнующий момент. Образно говоря – ослепительная вспышка. Не менее важно знать, что этому предшествовало? Кто были эти люди, поднявшиеся на восстание, понимая, что шансов на победу нет или почти нет. Что ими двигало? Стремление выжить или дорого продать свою жизнь? Кто им помогал и кто мешал? Чаще всего восстание было приурочено к акции массового уничтожения или депортации в лагеря смерти. Всего на оккупированной территории СССР таких восстаний было несколько десятков, в Беларуси известно не менее девяти: Слоним 29 июня 1942 г.,

---

[1] Yad Vashem Archives, M-41, file 124, p. 35. Проценты подсчитаны автором.

[2] Ben-Zion Dagan, *We are from the Lakhva Uprising*, Tel Aviv 2001

בן-ציון דגן, אנו ממרד לחבה, תל-אביב 2001

[3] «Встали мы плечом к плечу ...» Списки евреев-партизан по материалам Национального архива Республики Беларусь. Сост. И. П. Герасимова. Минск, 2005 г.

[4] Джек Каган, Дов Коэн. Холокост и сопротивление на родине Адама Мицкевича. Москва, 2011 г.

Клецк 21 июля 1942 г., Несвиж 22 июля 1942 г., Копыль 24 июля 1942 г., Мир 9 августа 1942 г., Лахва 3 сентября 1942 г., Белосток 16 августа 1943 г. и Глубокое 29 августа 1943 г.[1]

Ликвидация гетто

Акции уничтожения евреев проводились айнзацгруппами и зондеркомандами, полицейскими частями СС, вермахтом и их пособниками уже летом 1941 г.

К началу 1942 г. в Беларуси погибло 250 тыс. евреев:

- 120 тыс. евреев в зоне военной администрации Беларуси,
- 60 тыс. в районах, включенных в рейхскомиссариат «Остланд»,
- 70 тыс. в районах Западной Беларуси, округе «Белосток» и рейхскомиссариата «Украина».

Карательные отряды игнорировали позицию немецкой гражданской администрации приостановить расстрелы в гетто под предлогом «экономической нецелесообразности». Гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе докладывал в Берлин, что ликвидация евреев наносит экономический ущерб Рейху и проводится «недостойными методами». В этой связи остается открытым вопрос о целесообразности убийства в Минске по заданию Сталина в октябре 1943 г. Кубе, что ускорило ликвидацию Минского гетто.

С осени 1943 г. до освобождения республики в июле 1944 г. нацисты расправлялись с евреями, уцелевших от погромов в гетто и рабочих лагерях (в Колыдчево под Барановичами последних узников расстреляли в марте 1944 г.). Жертвами карателей стали евреи, скрывавшиеся в лесных семейных лагерях и у партизан – всего 10 тыс. чел.[2]

Операция 1005

Беларусь стала одним из основных мест проведения «Операции 1005» – сверхсекретной крупномасштабной операции, проводимой нацистской Германией по сокрытию следов массовых преступлений нацистов против мирного населения и военнопленных. Цель – избавиться от доказательств, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления против человечества. Трупы расстрелянных требовалось извлечь из земли, сложить в штабеля и сжечь на кострах, а их пепел вывезти.

---

[1] Shalom Cholawski. The Jews of Belorussia During World War II. Harwood Academic Publishers. Amsterdam, 1998.

[2] И.А. Альтман. Анатомия Холокоста. Жертвы ненависти. Москва, 2002 г., с. 87–90.

Поле «деятельности» для осуществления «Операции 1005» в Беларуси было очень широким. Наиболее крупные массовые захоронения жертв нацистского геноцида находились вблизи лагерей советских военнопленных в Бобруйске (50 тыс. погибших), Березино Гродненской области (27 тыс.). В Барановичском районе Минской области – у д. Колбасино (18 тыс.), д. Колдычево (22 тыс.) и железнодорожной станции «Лесная» (89 тыс.). В окрестностях Могилева – у д. Лупалово (свыше 40 тыс.), в Молодечно (33 тыс.), у д. Масюковщина Минского района (80 тыс.), на Бронной Горе в Березовском районе Брестской области (50 тыс. чел.) и Малом Тростенце[1]. Большинство жертв данных захоронений составляли военнопленные, евреи, советские активисты, партизаны, подпольщики, члены их семей и заложники из мирного населения. Из 1,4 млн. чел., погибших на оккупированной территории Белоруссии, свыше 800 тыс. чел составляли евреи. Однако сохранить в тайне ликвидацию сотни тысяч трупов не удалось. В живых остались свидетели – непосредственные участники проведения самой акции. Материал, собранный в Беларуси о деятельности команд "1005", был широко использован на Нюрнбергском трибунале, и в ходе процессов над нацистскими преступниками и их пособниками в самой республике[2].

Отношение государства к истории Холокоста

После провозглашения независимости Республики Беларусь в 1991 г. отношение к Холокосту в республике значительно изменилось.

С одной стороны, был признан геноцид евреев (а не абстрактных «советских граждан» или «мирных жителей»), активное участие евреев в сопротивлении нацистам, сняты запреты на научные публикации о Холокосте, открыты архивы, разрешены конференции, симпозиумы и защита диссертаций.

С другой – сохранилась прежняя концепция о геноциде белорусского народа (план «ОСТ»). Нельзя смешивать понятия «геноцид» и «террор», поскольку нацисты не убивали белорусов по этническому признаку.

---

[1] Беларусь в годы Великой Отечественной войны. Под ред. А. Ковалени, А. Литвина, В. Кузьменко и др. Институт истории Национальной Академии наук РБ, Минск 2005 г., с. 150–165.

[2] Leonid Smilovitsky. "Operation 1005 in Belarus, 1942–1944. The general and the particular" // Homo Historicus. The Annual of Anthropological History. Edited by A. Smalianchuk, Vilnius, 2016, p. 139–161. https://drive.google.com/file/d/0B6aCed1Z3JyweUU2Wl9ncGR0WHM/view?usp=sharing

Вместо концептуальных научных исследований по истории Холокоста выходили книги описательного характера, без объяснения сути явления.

Тиражи научной литературы, посвященной трагедии евреев в годы войны, сборники документов, монографии оставались мизерными.

В то же время белорусские учебники истории посвящают этой теме от нескольких строк до одного абзаца в виде простого упоминания, избегая анализа и объяснения причин.

Отсутствуют спецкурсы «История Холокоста в Беларуси», не проводятся научные конференции под эгидой государственных ведомств.

Обратным примером могут служить соседи Беларуси – Россия, Украина, Молдова, страны Балтии, не говоря уже о Германии, Польше, Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии, где на исследования Холокоста, выделяют средства из государственного бюджета. Вне сомнения, уроки прошлого влияют на будущее Беларуси и ее народа, и оставлять без внимания это не разумно и не дальновидно[1].

Необходимые шаги в изучении Холокоста

Самое главное – это признать, что Холокост является составной частью трагедии Беларуси в годы войны.

Проблематику Холокоста в Беларуси необходимо включить в общий комплекс изучения истории Великой Отечественно войны. Эта работа должна иметь не только научный, но и образовательный характер. Однако без финансового обеспечения на государственном уровне это не достижимо. В Беларуси следует:

Основать научный журнал и книжную серию «история Холокоста».

Подготовить и издать учебники по истории евреев Беларуси, истории Катастрофы и еврейского сопротивления для средних школ, как это сделано в России.

Проводить чтение учебных курсов в университетах

Открыть кафедры истории евреев Беларуси

Организовать постоянные экспозиции Холокоста в районных и областных музеях республики.

Открыть зал Холокоста в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.

---

[1]L. Smilovitsky."Attitude to the Holocaust in the Soviet Union and Present-day Belarus" // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska*, sectio M – Balcaniensis et Carpathiensis» Vol.1, # 1–2, 2016, pp. 205–2012. http://journals.umcs.pl/bc/issue/view/322/showToc

Проводить конференции и круглые столы с привлечением лучших научных сил республики и за ее пределами.

Основать государственные музеи еврейской истории Беларуси, истории Холокоста Беларуси, истории Минского гетто.

Начать издание Энциклопедии евреев Беларуси, Энциклопедии Холокоста, Энциклопедии праведников народов мира

Учреждать гранты, стипендии.

Планы научного сотрудничества

В настоящее время в Беларуси есть три научных учреждения, которые изучают историю Холокоста:

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (Минск, проспект Победителей, д. 8)

Музей истории и культуры евреев Беларуси (Союз белорусских еврейских общественных организаций и общин, ул. Веры Хоружей, д. 28)

Историческая мастерская в Минске (Белорусско-германский проект, ул. Сухая, д. 25).

Все они располагают тысячами экспонатов, документов, материалов и фотографий, свидетельств о трагической судьбе евреев Беларуси, их активном участии в Красной армии и партизанском движении в годы войны.

Центр диаспоры при Тель-Авивском университете выступил с инициативой образования Международного центра по изучению истории евреев Беларуси, который бы объединил и координировал усилия всех исследователей, работающих в этом направлении.

В Центре диаспоры с 1995 г. существует проект «Евреи Беларуси», собран архив и библиотека, с 2014 по 2017 гг. прошло три международные конференции «Еврейские солдаты». Создан архив писем и дневников евреев – бойцов и командиров Красной армии и членов их семей.

Вывод

Война всегда обнажает человеческую природу. Люди, прошедшие испытание страхом и голодом, закалились или погибли. Время, помимо нашего желания, расставляет все по местам, что-то предать забвению, а что-то оставить жить в назидание потомкам. Память о войне – больное место каждого народа в любую эпоху. Для евреев – тем более. И не только потому, что из одного миллиона довоенного еврейского населения Беларуси уцелело менее 150 тысяч ... Но и потому, что судьба евреев была уготована другим народам.

В Беларуси сделано много по изучению истории Холокоста, но это все еще далеко недостаточно. Необходимо продолжить эту работу на государственном уровне и воздать должное памяти 800 тыс. евреев республики, которые так много сделали для Беларуси. Своим отношением к истории Холокоста Беларусь подтвердит, что республика развивается в рамках европейского мышления. Что может быть важнее чувства уважения со стороны соседей? Нравственные, политические и экономические усилия неизбежно окупят все затраты.

Д. Левин

Деятельность Всеизраильского объединения выходцев из Украины и преемственность памяти о Холокосте

Левин Давид – Председатель Всеизраильского объединения выходцев из Украины. В Израиле проживает более полумиллиона выходцев из Украины. Это одна из самых больших общин страны. Всеизраильское объединение выходцев из Украины представляет интересы этой общины.

Разветвленная сеть отделений Объединения в 35 городах Израиля от Севера до Юга – это сформировавшаяся и активно действующая добровольческая структура. Она позволяет не только предоставлять действенную практическую помощь репатриантам в их абсорбции и интеграции в израильское общество, осуществлять руководство массовыми мероприятиями, но и оказывать существенное влияние на потенциальную алию из Украины, где еще остается значительное количество евреев.

Знание языка страны исхода и менталитета своих дважды соотечественников позволяет добровольцам Объединения помогать репатриантам в их контактах с государственными, муниципальными, частными и другими структурами, в налаживании общения и быта, в предоставлении в доступной и понятной форме всей необходимой информации.

Помощь репатриантам в первых шагах на исторической родине, в адаптации к новым условиям жизни является приоритетной в деятельности Объединения, и работа наших добровольцев в этом направлении никем и ничем не заменима.

Добровольцы Объединения помогают группировать по интересам семьи новых репатриантов и старожилов с целью поддержки и оказания взаимопомощи.

Проведением семинаров, лекций, экскурсий, тематических вечеров и других мероприятий добровольцы Объединения помогают новым репатриантам познать страну, ее историю, обычаи, традиции еврейского народа.

Добровольцы Объединения поддерживают контакты со своими родственниками, друзьями, бывшими коллегами в Украине, встречаются с людьми в еврейских общинах в городах.

Объединение способствует общественной и культурной интеграции репатриантов – выходцев из Украины, содействует деятелям искусств в реализации их творческого потенциала. Это и фестивали украинской

культуры при поддержке Министерства культуры Украины и Посольства Украины, и театральные проекты. Это народный театр «Шахар» (художественный руководитель и режиссер засл. артистка Украины Тамара Гоpинштейн) и многое другое.

Ряд лет под эгидой Объединения действует театр «Портрет»; художественный руководитель и режиссер Григорий Грумберг.

Только за последние годы по совместным с Министерством культруры Израиля проектам и при содействии Посольства Украины проведено шесть фестивалей украинской культуры с замечательными гала-концертами при участии израильских и украинских артистов.

При поддержке Посольства Украины издается художественно-публицистический журнал «Відлуння» («Эхо») на украинском языке.

Прочные контакты с Посольством Украины в Израиле обеспечивают связь между Израилем и Украиной на уровне народной дипломатии; совместно с Посольством Объединение проводит «Дни Украины» и встречи с дипломатами в городах Израиля, оказывает содействие выходцам из Украины в получении консульских услуг, для чего по инициативе Объединения совместно с Посольством Украины в Израиле проводятся регулярные выездные консульские приемы в городах. Посол и дипломаты Посольства Украины регулярно участвуют во многих мероприятиях, проводимых Объединением и нашими отделениями.

Члены Объединения принимают активное участие в работе Украинского культурного центра в г. Бат-Ям.

По инициативе Объединения создан украино-израильский культурный Центр науки, культуры и образования на базе Уманского государственного педагогического университета им. П. Тычины, с которым осуществляются планы совместной деятельности. Возглавляет Центр профессор Наталья Цымбал. Она же является официальным представителем Объединения в Украине.

Объединение не остается в стороне от происходящих в обществе процессов. По важнейшим вопросам и проблемам, связанным с общими для всех репатриантов интересами, мы работаем в постоянном контакте с нашими белорусскими, российскими коллегами, с выходцами из Казахстана и Центральной Азии, с Союзом ветеранов Второй мировой войны и другими организациями. По нашей инициативе в свое время был создан Координационный Совет пяти крупнейших общинных объединений.

Объединение активно сотрудничает с Глобал Форумом «Рука помощи Израилю», а также является составной частью движения «За достойное будущее». Мы совместно лоббируем решение всех важных

для репатриантов социальных проблем, в том числе социального жилья, израильских пенсий, поддержки репатриантов, живущих в арендуемом жилье и других проблем.

С этой целью участвуем в мероприятиях Кнессета, во встречах с министрами, депутатами Кнессета; сотрудничаем с государственными и муниципальными структурами.

Авторами – членами Объединения издан ряд художественно-публицистических книг. В частности, по истории паломничества из Украины на Святую Землю; по истории партизанского движения в Украине в период Второй мировой войны; сборник воспоминаний беженцев Катастрофы – выходцев из Украины.

В целях содействия развитию туризма и культурного обмена между Украиной и Израилем по инициативе Объединения и при поддержке Посольства Украины в Государстве Израиль разработан и издан впервые в мире оригинальный «Украинско-ивритский разговорник», одобренный Министерством культуры и туризма Украины, а также красочно иллюстрированный букварь украинского языка «Абетка». Издан также русско-ивритский разговорник.

При содействии и непосредственном участии актива Объединения 2363 гражданам Украины присвоено почетное звание «Праведник мира».

Руководство деятельностью Объединения выходцев из Украины осуществляет Правление во главе с председателем Объединения. Работа с репатриантами проводится исключительно волонтерами на общественных началах, начиная с председателя Объединения и кончая руководителями и активом городских отделений.

Объединение, созданное для увековечивания памяти о Холокосте, началом которого принято считать трагедию киевского Бабьего Яра, в 2017 году отметило своё сорокалетие.

Объединение и преемственность памяти о Холокосте

История создания Всеизраильского Объединения выходцев из Украины началась с образования Киевского землячества, когда группа киевлян – репатриантов алии 70-х гг, переживших Катастрофу, сочли своим долгом ежегодно отмечать трагедию Бабьего Яра, чтобы память о ней сохранить для потомков.

Бабий Яр стал символом Холокоста, символом Катастрофы всего европейского еврейства, когда нацистами и их пособниками во время 2-й мировой войны были уничтожены 6 миллионов евреев, в том числе полтора миллиона евреев Украины.

Кстати, шесть миллионов – это только та цифра, что была представлена международному трибуналу в Нюрнберге на основании документов Гестапо лишь по концлагерям этого ведомства. Но много документов по концлагерям было уничтожено. А ведь были еще лагеря СС и других нацистских ведомств, были массовые расстрелы на местах и массовые погромы по всей Европе.

Например, трагедия в Едвабне, где польские крестьяне еще до прихода немцев сожгли в сарае еврейских женщин, стариков и детей.

Согласно последним архивным данным, опубликованным в интернете, нацистами и их пособниками разных национальностей были растерзаны, изнасилованы, отравлены газом, повешены, расстреляны в ярах, закопаны и сожжены заживо более 12 миллионов стариков, женщин и детей – только за то, что они были евреями.

В сентябре 1941 года накануне Судного дня по приказу германских властей было собрано всё еврейское население Киева, оккупированного нацистами. (По переписи населения 1939 года в Киеве проживало 900 тысяч человек. Из них 230 тысяч были евреи.)

Только за последние два дня того черного сентября были зверски уничтожены 33.771 человек, в основном женщин, стариков, детей, только за то, что они были евреями.

Об этом нельзя вспоминать и говорить без содрогания.

Прошло почти восемь десятилетий, а эта щемящая боль неизбывна.

И Бабий Яр – как сгусток нервов,
Как боль, зажатая в тиски.
И то, что было в 41-м,
Сегодня давит на виски.

Бабий Яр – не единственное место, где нацисты осуществляли так называемое «окончательное решение еврейского вопроса». Кроме Бабьего Яра были Дробицкий Яр, Богдановка, было еще много яров, ям и шахт. Кромешный ад был в Одессе, Каменец-Подольском, в других местах. Нацисты превратили оккупированную Украину в сплошной Бабий Яр.

Но именно Киевский Бабий Яр стал первым античеловеческим опытом массового уничтожения евреев и получил особый статус одного из самых трагических мест в истории Холокоста, став символом Шоа – Катастрофы украинского и всего европейского еврейства.

В «Еврейском Калейдоскопе» за 26 сентября 2008 года Алан Слепой рассказал о своей встрече в Сан-Франциско в 1988 году с бывшем членом зондеркоманды Виктором Трилем (полу-поляк, полу-немец), который принимал участие в изуверской акции уничтожения евреев в Бабьем

Яру. Отсидев по приговору советского суда в общей сложности 21 год, он, в отличие от своих жертв, выжил.

Виктор наблюдал доставку очередной группы мужчин, женщин и детей к Бабьему Яру. «В отдельных местах они оставляли одежду, обувь, дамские сумки, медикаменты; ювелирные изделия сбрасывали в деревянные коробки под охраной немецких солдат. В отдельном ворохе быстро скапливались различные бумаги и документы. Кто двигался, по мнению охраны, недостаточно подвижно, получал удары плетью. Процесс происходил четко и быстро. Виктор считает, что с момента начала раздевания до его окончания проходило не более одной минуты для каждого человека, без разделения на мужчин, женщин и детей.

Раздетых в темпе гнали ко рву длиной примерно метров сто пятьдесят, около тридцати метров шириной и не менее пятнадцати метров глубиной. Три узких прохода вели к месту казни. После расстрела от пятисот до тысячи человек в ров спускались несколько десятков пьяных «шуцполицаев», которые растаскивали и аккуратными слоями и укладывали трупы. Главное – скорость и эффективность работы пулемётов».

Уничтожение людей было поставлено на конвейер...

Виктор рассказывал, что на «конвейере» Бабьего Яра работали только два пулемёта. Пока очередная группа раздевалась, «марксман» проходил вдоль рва, где шевелились живые, и достреливал их с высоты. Впрочем, эта работа не требовала тщательности. Ясно было, что из яра возврата нет.

Треск пулеметных очередей и крики тех, кто только подошел ко рву и в последнее мгновение своей жизни увидел трупы на дне яра, были так оглушительны, что жители ближайших посёлков, расположенных на расстоянии нескольких километров, оставляли свои дома. Убийцы позаботились о сохранении хоть какой-нибудь секретности своей работы и доставили к месту расстрела громко ревущие мощные двигатели – глушители.

Некоторые жертвы, особенно мужчины, оказывали сопротивление. Особенно часто это происходило при раздевании. Это, однако, продолжалось недолго. Один или два «шуцполицая» у каждого вороха были снабжены оружием, которое применялось немедленно, даже просто при не очень быстром подчинении жертвы.

Катастрофа оставила свой кровавый незаживающий след почти в каждой еврейской семье. Память о трагедии – это память о войне, ее жертвах, ее чудовищной бесчеловечности. Но евреи не были лишь жертвами палачей. Катастрофа и героизм шли рядом. Евреи героически сражались с нацистами не только на фронтах и в партизанских отрядах, но и в группах сопротивления, в гетто и в концлагерях, и даже

под пулеметными очередями в Бабьем Яру. Как хотелось бы знать имя героя, который, уже будучи обреченным, выхватил из рук полицая оружие и, прежде чем погибнуть самому, размозжил череп своему врагу и застрелил еще одного. Виктор видел, как молодая женщина ногтями разорвала в кровь лицо полицаю, когда тот вырвал из её рук ребенка за то, что малыша недостаточно быстро раздевали.

Не случайно главный нацистский идеолог Геббельс уже в марте 1942 года писал в своем дневнике, что борьба в восставшем гетто "показывает то, чего можно ожидать от евреев, когда в их руки попадает оружие". 750 повстанцев Варшавского гетто выстояли на своих позициях три недели – дольше, чем некоторые европейские страны.

Евреи Украины героически сражались на фронтах и в партизанских отрядах. Не могу не привести еще одну цитату Геббельса, который 16 марта 1942 года писал в своем дневнике: «Активность партизан в последние недели заметно возросла. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну: в первых рядах этого движения идут политкомиссары и особенно евреи.

Живой пример этому – член Правления Объединения, легендарный командир десантного партизанского отряда им. Пожарского, почетный гражданин ряда городов в Украине, Польше, Чехии, Словакии, человек исключительного мужества и железной воли – Леонид Ефимович Беренштейн.

На боевом счету его отряда – десятки взорванных немецких эшелонов с живой силой и техникой, мостов, железных дорог, в том числе уничтоженных им лично. Возглавляемый им отряд провел немало успешных операций, направленных на уничтожение сверхсекретного испытательного полигона немецких ракет «ФАУ-1» и «ФАУ-2». Эта операция была настолько важной, что её отметили в своей переписке Черчилль и Сталин.

И сегодня, в свои 97 лет, несмотря на все приобретенные во время войны ранения и недуги, он остается в строю, он с нами! Поэтому сегодня мы не только скорбим о погибших, но и помним о еврейском сопротивлении нацизму в годы Второй мировой войны.

Объединением проведена первая научно-практическая конференция, посвященная участию евреев в партизанском движении в Украине в годы Второй мировой войны. Сохранение корней, исторической памяти нашего народа и обеспечение её преемственности являются важнейшим идеологическим направлением в деятельности Объединения.

По инициативе и при непосредственном участии Объединения в Иерусалиме, в Мемориальном Комплексе Яд ва-Шем ежегодно вот уже на протяжении десятков лет проводится Церемония Памяти евреев, погибших

в Украине в годы нацистской оккупации, и Митинг протеста против антисемитизма и антиизраилизма. Церемония, как правило, проводится в канун Судного Дня по еврейскому календарю. И это не случайно.

Именно в Судный День, 29 сентября 1941 года нацисты начали свою чудовищную массовую акцию по уничтожению еврейского населения Киева. Именно Киевский Бабий Яр стал первым античеловеческим опытом массового уничтожения евреев и получил особый статус одного из самых трагических мест в истории Холокоста, став символом Катастрофы. Поэтому по зову сердца, по многолетней традиции представители полумиллионной общины выходцев из Украины собираются в святом городе Иерусалиме, в священном для нас месте – в Яд ва-Шем для поминовения евреев – жертв Холокоста, жертв нацистского геноцида евреев в Украине.

Вместе с нами в торжественно-траурной церемонии принимают участие члены Правительства Израиля, депутаты Кнессета, Посольство Украины, руководители и представители муниципалитетов, руководители общеизраильских общественных организаций, гости из-за рубежа, представители городов Израиля. Церемония состоит из двух частей: поминальной и Митинга Памяти. Поминальная Церемония проводится в Шатре Поминовения, где член Правительства и бывший узник гетто или концлагеря зажигают Вечный огонь памяти и возлагаются венки на могильный камень, под которым покоится прах уничтоженных евреев, доставленный из лагерей смерти. Возлагаются венки от Правительства Израиля, от Посольства Украины, от музея Яд ва-Шем, от Еврейского Агентства «Сохнут», от международных и всеизраильских общественных организаций, от городов Израиля. Завершается Церемония поминовения чтением молитвы.

Митинг Памяти проходит в Аудиториуме Яд ва-Шем. На Митинге выступают член Правительства Израиля (министр), Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины, руководитель Яд ва-Шем, руководитель Еврейского Агентства («Сохнут») и председатель Всеизраильского Объединения выходцев из Украины.

Затем вниманию участников Митинга Памяти, митинга протеста против антисемитизма и антиизраилизма представляется литературно-музыкальная композиция, посвященная памяти полутора миллионов евреев Украины, уничтоженных нацистами. Завершается Митинг Гимном Израиля «А-Тиква» («Надежда»).

К сожалению, носителей памяти тех грозных и героических лет остаётся с каждым годом всё меньше и меньше.

Через участников Митинга мы обращаемся к их детям и внукам:

«Смотрите! Слушайте! Помните! И потомкам своим передайте эстафету памяти!» Ибо неведение о расстрелянных в ярах – это отличная среда для будущих преступлений. Расстрелянные в Бабьем Яру, в гетто и концлагерях не успели дожить до того светлого дня, когда было воссоздано Государство Израиль. Помнить их, замученных и расстрелянных, сохранять эту Память для последующих поколений – наш святой долг. Это особенно важно сейчас, когда в мире, и особенно в Европе, становится всё больше тех, кто отрицает Катастрофу. И чем их больше – тем опаснее. И не только для евреев.

В последние годы, когда мир настолько близок к новой Катастрофе, трагедия Бабьего Яра приобретает особое значение. Бабий Яр должен стать предупреждением всему человечеству. Мы говорим «Нет!» антисемитизму, «Нет!» антиизраилизму! Мы не допустим повторения Катастрофы. Гарантией этому – наше еврейское государство, Залогом – наша общая непримиримость к забвению Катастрофы.

К.И. Козак

Минское гетто и его исторические парадигмы

Козак Кузьма Иванович – доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, к. и. н.

Общее положение

С установлением идеологии национал-социализма Германии в отношении еврейского населения с 1933 г. была установлена политика насилия. Начали действовать концентрационные лагеря, приняты законы лишающих евреев гражданского статуса, организованы антиеврейские акции. Особым проявлением послужила «Хрустальная ночь» (9–10.11.1938), где были осквернены и сожжены синагоги, убиты десятки, перемещены в концлагеря тысячи евреев. В спасении многие покинули территорию третьего рейха. На восточных территориях, где традиционно проживало наибольшее число евреев, с первых дней Второй мировой войны были применены наиболее жесткие формы оккупационной политики. Она сводилась к расовой «*мировоззренческой войне*», как войне на уничтожение, с помощью которой раз и навсегда будет разрушен так называемый еврейский большевизм, ликвидированы неполноценные расы, а для немецкого народа завоевано давно обещанное жизненное пространство. Пропаганда «*недочеловеков*» (Untermensch) стала основой в деятельности СС, спецслужб и привлекаемых ими коллаборационистов из населения для борьбы против подстрекателей, саботажников и евреев. Так, в ряду около 40 тыс. мест принудительного содержания на оккупированной территории Европы формируются для евреев крупнейшие гетто вблизи Беларуси: в Варшаве – около 500 тыс., Лодзи – 160 тыс., Львове – более 100 тыс.[1]

Аппарат оккупации и принуждения

С момента оккупации Беларуси германским военным и полицейским службам предстояло на ее территории уничтожить проживавших в довоенное время 940 тыс. евреев. Однако к этому времени 150–180 тыс. из них было эвакуировано или мобилизовано в Красную армию, а более 700 тыс.,

[1] См.:Козак К. И. Некоторые аспекты германской правовой концепции ведения войны на Востоке // Гісторыя Беларусі: Новае ў даследаванні і выкладанні. Мінск, 1999. С. 147–149.

в том числе около 70 тыс. евреев в Минске, с июня по июль 1941 г. попали в зону оккупации и деятельности войск вермахта, айнзатцгрупп Б (B) и Ц (C). Образованные полевые (ПК) и местные (МК) комендатуры представлялись своеобразными идеологическими центрами в еврейском вопросе. Уже 7 июля 1941 г. распоряжением вермахта были сформулированы основные требования: обязательная регистрация, установление порядка и положения еврейского населения. К осуществлению данного были подключены не менее 515 различных мест принудительного содержания населения, в том числе 256 гетто, 68 тюрем, 191 лагерь. Проводимые акции депортаций и уничтожения евреев позволили с июня по декабрь 1941 г., от западного района Беловежской пущи до ее восточных границ, полностью решить еврейский вопрос в не менее 35 созданных ими специальных районах (зоны, гетто)[1].

Основные функции контроля по еврейскому вопросу взяли на себя формирования вермахта, службы полиции безопасности и СД. В Минске действовали штаб вермахта группы армий «Центр» (позднее тыла группы армий «Центр»), 812-я главная ПК **(ком. Шлегельхофер),** затем 184-я ПК и городская МК, транспортная комендатура. Решения и приказы исходили от коменданта полиции порядка (Минск), командования 707-й ПД, Корюк 580, координатора лагерей для военнопленных, а также особых подразделений – зондеркоманд (ЗК) 7а и 7б, спецгруппы Артура Небе, 1-й, 703-й групп тайной полевой полиции (ГФП), 103-й абверкоманды (АК) и 215-й абвергруппы (АГ). Контроль за порядок в городе обеспечивали главный и окружной жандармские посты, моторизированный жандармский взвод № 6. Выполнение оперативных задач обеспечивало хозяйственно-транспортное управление «Остланд», Генеральное транспортно-вагонное управление «Центр», административные и технические резервы шталага 352, охранных пунктов аэродромов вблизи городской черты в Лошице, Слепянке, Мочулищах. Только минский гарнизон составлял 3–5 тыс. солдат вермахта, полиции, а его резервом служили около 3 тыс. служащих оккупационных органов, не менее 2 тыс. лиц из состава военно-экономических формирований. При необходимости создавались дополнительные структуры. Например, специальная гражданская комиссия выявляла евреев по внешнему виду. «Специалисты» выявляли еврейских

[1]BA-MA. RH 26 /221–21. BL. 303;Иоффе Э. Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм, 1941–1945. Минск, 2003. С. 362; Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. Минск, 1998. С. 10–65. *Включая Белостокскую область. *Прим.: – К. К.*

детей и отправляли для быстрейшего уничтожения, или же в лучшем случае назад, в гетто. Для активизации сил вермахта из Литвы в Минск были передислоцированы каунасская команда СД, 2-й литовский охранный батальон (с ноября 1941 г. 12-й, ком. Антанас Импулявичюс) в составе 23 офицеров, 464 унтер-офицеров и рядовых[1].

При установлении контроля в Минске одним из первых распоряжений 184-й ПК стало установление комендантского часа (30.06.1941). Военными и полицейскими структурами были взяты под охрану склады, лазареты и больницы, лагеря, административные здания. Установлены нормы поведения для городского и еврейского населения. Еврейский ресурс при выполнении оперативных задач получил на первом этапе распространение в производственных, сельско-хозяйственных, бытовых вопросах. Так, в гражданском секторе, но под военным управлением с 1941 г. действовало около 40 промышленных предприятий (3,5 тыс. рабочих мест), а на начало 1943 г. – 140–150 промышленных объектов (35–41 тыс. рабочих), 180 военных и гражданских учреждений городского управления. В итоге из 105 тыс. жителей половина, или 56 тыс. взяты как трудоспособные. Евреи в большей части были востребованы как специалисты и профессиональные служащие. Тем не менее, политика убийства евреев заметно активизировалась, особенно после посещения Минска высших руководителей СС и полиции безопасности и СД: рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, оберфюрера, начальника айнзатцгруппы В Артура Небе, одного из ответственных за окончательное решение еврейского вопроса оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана. Так, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер 15 августа 1941 г. санкционировал показательное зверское убийство 100 евреев в лагере на Широкой. В итоге – культура массового убийства была усовершенствована применением специальных машин (газваген), разработкой новых мест уничтожения, расширением карательных полномочий для военных и гражданских административных органов. В симбиозе военной и гражданской доктрины Генеральным комиссаром Рейхскомиссариата «Остланд» Хинрихом Лозе в «Предварительных директивах по обращению с евреями» от 18 августа 1941 г. была сформулирована основная цель – «*Территория должна быть очищена от евреев*». В сентябре 1941 г. Минск, который стал центром Генерального округа Белорутения (Белоруссия) на части территории Беларуси с гражданским управлением, решением

[1]Козак К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги. Минск, 2012. – 374 с.;

из Берлина был определен его новый статус – место уничтожения не только местных, но и евреев из стран Европы[1].

Минское гетто в системе управления

В первые дни оккупации для учета и селекции недалеко от Минска в Дроздах был создан лагерь для гражданского населения. Это позволило на 7–8 июля 1941 г. германскому руководству определить три группы: более 100 тыс. не евреев, которым будет позволено проживание в городе; более 70 тыс. евреев должны быть изолированы, а для их переселения 12 июля формируется еврейский совет (юденрат, председатель Илья Мушкин) с отделами труда, снабжения, опеки, а также паспортный, пожарный отделы. Третья часть – около 100 тыс. военнопленных, после приказа от 17 июля 1941 г. о разделении по их национальным группам, были размещены в шталаге 352 (лесной лагерь вблизи д. Масюковщина) и бывших пушкинских казармах города. Евреи отправлены в лагерь на Широкой, который был размещен на окраине Минска. Совещание в Минске 19 июля 1941 г., с участием командующего тылом группы армий «Центр» генерала Макса фон Шенкендорфа и высшего начальника СС и полиции генерального округа «Белоруссия» бригаденфюрера СС Карла Ценнера, утвердила такое положение. Комендантом 812-й ПК было подписано распоряжение «Об образовании еврейского жилого района в г. Минске» (гетто). В обнародованном 20 июля 1941 г. документе сообщалось о выделении для проживания евреев района на 39 улицах и переулках. К августу 1941 г. предусматривалось перемещение туда 70 тыс. евреев, создание еврейской службы порядка для выполнения распоряжений и указаний немецких учреждений и органов городского управления и текущих организационных, оперативных и сторожевых задач. Решением полиции безопасности и СД от 24 июля 1941 г. в подчинение еврейскому совету старейшин долно поступить около 200 человек из числа узников гетто с белыми или желтыми повязки на рукаве и вооруженными дубинками или палками[2].

---

[1] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 978. Л. 183; Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 937. Л. 6–7; Ех. 943. Л. 93; Ф. 359. Оп. 1. ЕХ. 8. Л. 1–2;Кнатько Г. Д. Гибель Минского гетто. Минск, 1999. С. 7; Иоффе Э. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории советской Белоруссии в годы Второй мировой войны // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. Минск, 2005. С. 83–84. Хеер Г. Вермахт и Холокост // Трагедия евреев в Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944): сборник материалов и документов. Минск, 1995. С. 34.

[2] НАРБ. Ф. 408. Оп. 1. ЕХ. 1. Л. 10–13;Иоффе Э. Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003. С. 81–82, 84; Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. Минск, 1999. С. 54.

Этапы организации

Первый этап – июль–октябрь 1941. К 1 августа гетто расположилось в районе Юбилейной площади и включало наиболее заселенную евреями ул. Островского и почитаемого ими еврейского городского кладбища. Территория было ограждена забором из колючей проволоки. Входы в зону установлены по ул. Республиканской (угол Республиканской – Шорной, Островской – Опанского. Ворота охранялись, в основном, немецкими, украинскими и белорусскими полицейскими. С августа 1941 г. для производственных потребностей вермахта началось формирование так называемого «малого гетто» в районе завода им. Молотова. Небольшая часть евреев также была перемещена на бывшую кожгалантерейную фабрику им. Куйбышева (кон. 1941 – 03.1942). В сентябре 1941 г. в гетто на учете состояло около 55 тыс., а их имущество постановлением от 13 октября 1941 г. было конфисковано и передано в собственность Германии. Приказом комиссара Минского округа Бернхарда Кайзера от 14 октября 1941 г. евреям запрещалось менять место жительство. К трудовой повинности отделом по еврейским делам при Минском городском комиссариате привлекались мужчины в возрасте 14–60, женщины 16–50 лет. По поручению городских и районных комиссаров биржей труда передавались заказчикам (предприятиям либо частным хозяевам) требуемое количество рабочей силы. При этом, денежные выплаты за это не предусматривались. Скудный недельный рацион питания мог для евреев состоять: из хлеба – 875 г, молока – 109 г, крупы – 75 г, картошка – по необходимости, мяса, жира – не предусматривалось[1].

Второй этап – ноябрь 1941 – март 1942. Для размещения на территории гетто евреев из Германии, Австрии и Чехии было создано особое «зондергетто». Прибывший 11 ноября 1941 г. эшелон из Гамбурга, а за ним и последующие из Дюссельдорфа, Франкфурта на Майне, Берлина, Брно, Гамбурга/Бремена и Вены позволили разместить в районе улиц Сухая, Обувная, Республиканская и Немига около 7 тыс. депортированных евреев Германии, Австрии и Чехии. Для этого предварительно были проведены акции массового уничтожения в ноябре 1941 г. белорусских, а марте 1942 г. и европейских евреев[2].

---

[1]НАРБ. Ф. 372. Оп. 1. ЕХ. 24. Л. 2–5; НАРБ. Ф. 409. Оп. 1. ЕХ. 1. Л. 14, 70–71; ЕХ. 2. Л. 22; Иоффе Э. Минское гетто: основные этапы истории // Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць: [Матэрыялы міжнар. навук. канф. 24 кастр. 2003 г., Мінск. Мінск, 2004. С. 49;Иоффе Э. Г. Белорусские евреи. С. 61.

[2]Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtsshafts – und Vernichtungs – politik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 747–761.

Третий этап – май 1942 – октябрь 1943. С появлением в 11 км от Минска трудового лагеря вблизи д. Малый Тростенец для использования в качестве рабочей силы части депортированных евреев и в урочище Благовщина места для массового уничтожения с мая 1942 г. уничтожение депортированных евреев из Германии и Австрии и Чехии возобновляется. Благовщина становится основным местом уничтожения евреев из Минска. Интенсивное использование душегубок (газваген) с декабря 1941 г. позволили с помощью 3–4 таких транспортов ежедневно из Минска доводить количество убийств до 500 человек (максимально 0,7–1 тыс. жертв). Организация еще одной акции 28–30 июля 1942 г., когда было уничтожено около 20 тыс., позволило до октября 1942 г. иметь в гетто только 273 дома с количеством немногим более 15 тыс. человек. В итоге количество работающих с 1942 г. на начало 1943 г. сократилось в два раза. Завершающая акция 21–23 октября 1943 г. явилась ликвидацией Минского гетто[1].

Четвертый этап – октябрь 1943 г.– июнь 1944. Ликвидация нацистами следов преступлений на территории Минского гетто и лагеря Тростенец, особенно на месте массового уничтожения в Благовщине, осуществлялась в рамках операции 1005. Силами зондеркоманды вскрывались захоронения, а тела убитых сжигались, все материалы и документация уничтожалась. Убийства продолжались для части евреев, которые находились в лагере Тростенеце, в урочище Шашковка с октября 1943 г. Существование малого гетто, как важного экономического ресурса для нужд вермахта, продолжалось до 30 июня 1944 г. Последние 26 узников гетто, оставшиеся на территории Минского гетто, оставались до освобождения Минска в оборудованном для этого подвале (схроне) дома вблизи еврейского кладбища[2].

Места уничтожения

Согласно документальным источникам первые свидетельства убийств евреев в Минске представлены в донесении айнзатцкоманды Ц

[1]Rentrop P. Tatorte der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez. Berlin, 2011. S. 99–152; Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти: материалы международной конференции, 21 24 марта 2013 г., г. Минск. Минск, 2013. – 64 с.

[2]Тукало С. М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.) Аўтарэф. дыс. на саісканне вучонай ступені канд. гіст. навук Мінск, 2010. С. 16; Rentrop P. Tatorte der «Endlösung». 185–212;Новікаў С. Я. Мінскае гета і Малы Трасцянец: новае даследаванне // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 3. С. 25–33.

от 9 июля 1941 г. в форме общего учета жертв. В сводках от 12 июля говорится о ликвидации части евреев. Немногим позже, в лагере Дрозды, более точно или 1030 евреев (13.07), а к 19 июля силами айнзатцгруппы Б было ликвидировано 7620 евреев. В итоге, еще до начала образования гетто в Минске была ликвидирована наиболее опасная для идеологии национал-социализма еврейская интеллигенция (учителя, профессора, адвокаты и другие категории, исключая медицинских работников)[1].

Основными формами ликвидации евреев стали спланированные акции массового уничтожения. Анализ зафиксированных 5 дневных и 6 ночных акций позволяет конкретизировать места убийств и захоронений, представить формы, методы и динамику убийств. В их определении, кроме официальных документальных источников, нередко присутствуют послевоенные свидетельские показания для Комиссий по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Таким образом, не менее 11 мест можно квалифицировать как наиболее крупные места уничтожения жертв Минского гетто.

1. Лагерь Тростенец: в урочище Благовщина для расстрела вывезено, в большей части доставлена душегубками, более 40 тыс., в том числе более 3 тыс. европейских евреев из зондергетто; Сожжено в специально оборудованной печи (кремационная печь) урочища Шашковка, хозяйственном сарае в Малом Тростенце – 300 евреев.

2. Еврейское кладбище с 1941 г. использовалось для одиночных акций убийств и захоронения умерших и убитых 5–5,5 тыс., в том числе около 1 тыс. из зондергетто

3. Урочище Тучинка, как основное место массового убийства евреев 7–8 и 20 ноября 1941 г., стало местом для захоронения 12–18 тыс. евреев Минского гетто.

4. «Яма» в границах гетто стала местом захоронения 1,6–5 тыс. (2.02; 04.1942).

5. В концлагере на Широкой было убито около 3 тыс. Небольшая часть вывезена за пределы Беларуси в лагеря смерти и концентрационные лагеря.

6. В Койдановo (Минская обл.) вывезено из Минского гетто и убито 3412 евреев, в том числе из зондергетто.

7. В лагере Дрозды расстреляно более 1 тыс. (06–07.1941). Около д. Дрозды – около 0,5 тыс. чел. (2–3.03.1942).

[1]НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 943. Л. 93; Свидетельствуют палачи: уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: документы и материалы. Минск, 2009. 12–13; Кнатько Г. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даслед.: У памяць ахвяр Трасцянца. Мінск, 2003. С. 40.

8. В шталаге 352 в ходе селекции было уничтожено около 1 тыс. ереев.

9. В городской тюрьме на Володарской с 1941 г. по 1944 г. убито около 0,5 тыс.

10. Из Минского гетто депортировано в другие лагеря смерти: Майданек, Аушвитц, Собибор – около 0,5 тыс. человек.

Таким образом, из 10 мест захоронения большинство или 8 находятся за пределами гетто. Наиболее крупным местом захоронения является Благовщина, где, как и на еврейском кладбище, покоятся белорусские и европейские евреи. Всего жертвами Минского гетто стали более 60–70 тыс., еще около 7 тыс. из зондерогетто. Только немногие или 3–8 тыс. сохранили жизнь, а из зондергетто – 48 евреев (10 – Гамбурга, 4 – Дзюсельдорф, 8 – Франкфурт на Майне, 4 – Берлин, 13– Брно, 6 – Бремен/Гамбург, 3 – Вена)[1].

Тем не менее, места проживания и принудительного труда для многих становились местами превентивного уничтожения через воспитание непосильным трудом. В такой группе риска наибольшее количество жертв занимали дети, женщины и пожилые за 65 лет. Более слабыми оказались грудные дети, которые от холода и болезней умирали. Из-за частых облав, акций уничтожения, постоянных опасных ситуаций некоторые матери стремились брать их с собой на работу вне гетто. Часть из них, в поисках пропитания и поддержки, рискуя, пробиралась в «русский район» для попрошайничества. Они или попадались в руки полицейским или же при угрозе жизни возвращались назад в гетто. В итоге из 22 тыс. погибших детей еврейские дети составили более 18 тыс. (89 %). Только около 2 тыс., большинство которых находилось в партизанских зонах остались живыми (11 %). Места детских и взрослых захоронений в основном совпадают. Зафиксированы убийства детей на еврейском кладбище (02.1942), а в апреле 1943 г., в том числе дети-сироты зондергетто, с помощью душегубок умерщвлены в Благовщине[2].

Основными местами спасения в городе были действующие детские дома и приюты, которые смогли легализовать еврейских детей через изменение их данных о рождении. Среди них, детский дом № 7 (35 детей, заведующая Вера Спарнинг), детский дом № 2 (около 30 детей, заведующая

[1] Rentrop P. Tatorte der „Endlösung“. S. 151, 184. См.: Gerlach C. Kalkulierte Morde. S. 741.

[2] Кнатько Г. Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). Мінск, 2003. С. 56–57; Rosenberg H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage. Göttingen, 1985. S. 34, 37, 49; Loewenstein K. Minsk. Im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961. S. 42.

Мария Воронич), детский дом № 3 (около 30 детей, работница Анна Величко). Значимое число спасенных детей было в детских приютах г. Минска (около 300 детей, сотрудник Минской городской управы Василий Орлов). Уникальным примером массового спасения служат действия жителей д. Поречье, которые приняли в свои дома 39 детей из Минского гетто. Они с октября 1943 г. по июль 1944 г. обеспечили им защиту и жизнь[1].

Формы сопротивления

Формы организованного сопротивления в Минском гетто приобрели специфические черты с начал его деятельности. Организация подпольного движения через формируемые тройки в гетто, районные организации в городе, партизанские, в том числе семейные формирования группы и отряды в лесных массивах. Их организаторами стали Яков Киркоешто, Натан Вайнгауз и Григорий Смоляр. С образованием подпольных районных организаций в г. Минске Михаил Гебелев стал секретарем Тельмановского подпольного райкома КП (б) Б г. Минска, руководителем подполья в Минском гетто, объединявшем с августа 1941 г. деятельность 22 подпольных групп (десяток) во главе с Матвеем Прусли ным, Залманом Окунем, Вульфом Лосиком, Хасей Пруслиной, Владимиром Кравчинским, Розой Липским и другими. Это фактически была первая организованная попытка сопротивления в масштабах города. Координацию с подпольем гетто осуществлял секретарь (по другим данным – член) Минского подпольного горкома партии Исай Казинец (удостоен посмертно звания Героя Советского Союза)[2].

С сентября 1941 г. Минское гетто установило связь с партизанскими отрядами, с Минским нелегальным горкомом партии, Военным советом партизанского движения. Это способствовало выработке и осуществлению следующих задач: подготовка и уход в партизанские отряды; вывод из гетто наиболее квалифицированных специалистов, военнопленных, медицинских работников; передача медицинских товаров и препаратов;

---

[1] Козак К. И. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны // Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси: сборник статей и материалов. Минск, 2009. С. 13–54.

[2] Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто, 1941–1943 гг. Минск, 2011. – 105 с.; Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии. Минск, 2014. – 169 с.; Тукало С. М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.). С. 15.

сбор разведывательных сведений; участие в организации и проведении саботажей; оказание экономической и финансовой помощи центрам подпольного и партизанского движения, а также изготовление и переправление через пропускные пункты документов для подпольщиков; распространение через выпуск и распространение газет и листовок информации о положении в тылу, настроениях в Минске. В итоге удалось от 3–5 тыс. бывших узников вывести в более безопасные (партизанские) зоны. С их пополнением удалось сформировать не менее девяти партизанских отрядов и одного партизанского батальона. О таком значимом и массовом характере борьбы свидетельствуют данные спецслужб оккупационных органов, которые уже к началу октября 1941 г. определили в системе своей безопасности – еврей и партизан понятие идентично. Проводимые им спецоперации позволили на протяжении 1942 г. провести массовые аресты, расстрелы, ликвидацию подпольных центров в Минске[1].

Другой, не менее значимой, но малоисследованной формой сопротивления, явилась массовая пассивная борьба с нацистским порядком. В ее основе совместные усилия евреев и не евреев, оказание в помощи и содействии подпольным организациям, участникам антифашистского движения:

- отказ в сотрудничестве с оккупационными органами;
- полное или частичное невыполнение директив и решений;
- отсутствии националистических настроений по отношению к евреям;
- сокрытие фактов об антигерманском настроении;
- непредставление информации о нахождении евреев;
- передислокация в безопасные места групп или одиночек;
- оказание практической помощи в еде, одежде;
- обустройство временного или постоянного укрытия в собственном жилище.

В качестве примера борьбы за жизнь можно привести нахождение 26 узников гетто в подвале (схроне) в доме на Сухой. Обеспечивая через знакомых продуктами питания, сохраняя убежище в тайне, им, на протяжении 9 месяцев (10.1943 – 06.1944) удалось в подземелье выжить и сохранить 13 жизней[2].

---

[1] Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947. С. 20–21; Heer H., Naumann K. (dir.) Vernichtungskrieg, Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1997. S. 67; Timm C. Richter. Die Wehrmacht und der Partisanenkrieg in den besetzen Gebieten der Sowjetunion // Die Wehrmacht: Mythos und Realität. München, 1999. S. 846.

[2] Левкова Е. Девять месяцев под землей // Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Мінск, 2003. С. 186–193; Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто. Минск, 2008. –166 с.

Большинство сочувствующих жертвам жили с опасностью *быть расстрелянными, лишиться имущества. Они подвергали риску своих близких и родных, а сами рисковали попасть в списки неблагонадежных и быть отправленными в тюрьму или на принудительные работы в страны Третьего рейха. Тем не менее, в Минске абсолютное большинство жителей сопереживало, стремилось помочь, а* около 100 жителей Минска, рискуя собственной и жизнью родных и близких, спасли более 100 евреев. При анализе 47 случаев спасения из Минского гетто, в 27 из них использовались связи со знакомыми и соседями, которые прибегали к подготовке новых документов или паспортов, крещению, когда в церковные книги вносились новые имена и национальность. Чаще всего женщины брали на себя ответственность при укрытии и спасении евреев. Они и составили большинство минских Праведников (65 женщин и 22 мужчины). Проявления гуманности имелись и со стороны отдельной части германских лиц. Так, капитан вермахта Вилли Шульца смог спасти не только Ильзу Штайн – молодую еврейку из Франкфурта на Майне, но и еще 24 узника гетто (30.03.1943). Среди спасителей значатся имена немецкого офицера Герхарда Крюгера, оберста Заиндлера, ефрейторов Ганса Вольфа, Ганса Фоцега, Уле, солдата Отто и других. Среди противников политики массового убийства – солдаты и полицейские, не выдержавшие страданий и мучений над жертвами и совершившие суицид после массовых расстрелов в Минске[1].

Культура памяти: советский, белорусский и европейский контекст истории Холокоста

Во время германской оккупации не менее 3 млн. граждан Беларуси было убито или пропало без вести. Около 800 тыс. из них были евреи. В освобожденном 3 июля 1944 г. Минске из 250 тыс. довоенного населения находилось около 50 тыс. (08.1944). При этом его стали жертвами стало около 400 тыс. в лагерях Тростенца и Широкой, шталаге Масюковщины, городской тюрьме на Володарского и Минском гетто. Таким образом, в системе германской нацисткой политики Минск обозначен

[1]Козак К. И. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны;Виница Г. Р. Спасение евреев Праведниками на оккупированной территории Восточной Беларуси // Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси: сборник статей и материалов. Минск, 2009. С. 13–54, 68–72; Краснапёрка Г. Пісьмы маёй маці: непрыдуманная аповесць. Мінск, 1984. С. 52–53, 57, 84, 91, 111.

наибольшим уничтожением белорусских и европейских евреев, военнопленных, партизан и подпольщиков, гражданского населения.

Тем не менее, в силу политических и идеологических обстоятельств и причин, история о трагедии в Минске долгое время не была известна не только в Европе, СССР, но и Беларуси. Первые сообщения о трагедии в Минском гетто появляются в 1946–1947 гг. благодаря известным еврейским писателям Василию Гроссману и Илье Эренбургу, бывшему узнику, подпольщику и партизану Гирше Смоляру. В 1947 г. на месте массового захоронения евреев в Минске – Яме был открыт необычный для того времени памятник с надписью на русском и идиш «Евреям – жертвам фашизма». Собираясь у него 2 марта – в день массового уничтожения 5 тыс. евреев, выжившие бывшие узники практически создали первое общественное объединение бывших узников гетто. Даже с конца 1940-х годов, начала антисемитизма в СССР, бывшие узники свято отмечали день скорби 2 марта. Спасенные в Израиле с 1965 г. инициировали присвоение белорусам, спасавшим евреев, диплома Праведника народов мира. Лишь в 1990-е годы тема Холокоста и Минского гетто в Беларуси получила огласку. В 1992 г., благодаря инициативам еврейской общины и Дортмундского и Минского международных образовательных центров, была установлена на одном из домов бывшей территории зондергетто памятная доска о депортациях бременских евреев в Минск. В 1993 г. на бывшем еврейском кладбище был установлен первый Камень Памяти из Гамбурга. В 2000 г. памятник на Яме был дополнен скульптурной группой и аллей Праведников народов мира (11 имен). Спасенные бывшие узники гетто установили первый на территории Беларуси памятник Праведникам – жителям деревни Поречье (2001)[1].

Получило признание со стороны государственных органов подпольная деятельность подпольщиков Минского гетто. Одна из улиц Минска названа именем руководителя подпольного райкома Михаила Гебелева. На месте казни подпольщиков, среди которых была еврейка Маша Брускина, установлен памятник. Совместными усилиями общественности государственных органов на здании бывшей инфекционной больницы, где проводили заседания подпольщики Минского гетто установлен памятный знак. Признанию «Ямы», как центральное место Холокоста в Беларуси, послужило посещение места Президентом республики Беларусь (1997,

[1] Смоляр Г. Мстители гетто / Перевод с еврейского М. Шамбадала. М., 1947. – 128 с.; Крапина М. Мы вместе – Праведники и спасенные // Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси. С. 232–236. *Всего 9 Камней памяти из Германии, Австрии и Чехии, 2019. *Прим.: – К. К.*

2000, 2008). Определяющим послужило выступление в дни 65-летия трагедии Минского гетто и открытие в Минске 4 памятников памяти жертв Холокоста. Как продолжение в 2015 г. открыта первая очередь мемориала в Тростенце, вторая – в Благовщине (2018)[1].

Этап научно-практической разработки истории Минского гетто был обозначен небольшими публикациями историков и публицистов[2], свидетельскими представлениями о борьбе и трагедии Минского гетто[3]. Первые Международные научно-практические конференции о Минском гетто и лагере Тростенец, Праведниках народов мира были сконцентрированы на вопросах истории, организации и деятельности[4]. Одновременно с этим в Беларуси стал известен ряд зарубежных публикаций

[1] Гебелева С. М. Долгий путь к заветной улице. Минск, 2010. – 162 с.

[2] Купрэева Г. Мінскае гета: схаваная праўда // Беларуская мінуўшчына. 1993. – № 2, 3, 4. С. 46–51, 62–68; «Нацистское золото» из Беларуси: Док. и материалы. Минск, 1998. – 413 с.; Кнатько Г. Д. Гибель Минского гетто. Минск, 1999. – 90 с.; Кнацько Г. Дз. Мінскае гета (ліпень 1941 – кастрычнік 1943) // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4-я. Мінск, 2005. С. 97–103;Козак К. И. Депортированные евреи Германии, Австрии и Чехии в Минском гетто: практика германского нацизма в Беларуси 1941–1944 гг. // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005. С. 109–164; Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. /[Авт-сост. Р. А. Черноглазова]. – Минск, 1999. – 395 с.

[3] Марголина, С. М. Остаться жить. Минск, 1997. – 67 с.; Давыдова Г. Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть. Минск, 2000. – 232 с.; Гальбурт А. Выживший в аду: Незабываемое. Минск, 2003. – 139 с.; Трейстер Михаил. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Bublikationen Отв. ред. К. И. Козак. Минск, 2007. – 242 с. Левина-Крапина М. И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Минск, 2008. – 148 с.; Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии. Минск, 2010. – 135 с.; Рубинштейн Л. М. Нельзя забыть. Минск, 2011. – 128 с.; Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто, 1941–1943 гг. Минск, 2011. – 105 с.; Грайфер И. Короткий рассказ о длинной жизни: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто, 1941–1944 гг. Минск, 2012. – 107 с.

[4] Мінскае гета. 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24 каст. 2003 г. – Мінск, 2003;. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси: сборник статей и материалов. Минск, 2009. – 291 с.; Лагер смерці Трасцянец, 1941–1944: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі: [матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 10 лістапада 2004 года, Мінск. Мінск, 2009. – 315 с.; Генацыд у Другой сусветнай вайне: Праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25–27 крас. 2002 г., Мінск. Мінск, 2003. – 278 с. *В ноябре 2018 г. в Московском государственном университете *с участием историков и специалистов*

как свидетелей, так и публицистов о зондергетто[1], а в Германии, США и Израиля в начале 2000-х годов появились первые монографические работы по истории Минского гетто и Тростенца[2].

Новым направлением в культуре памяти Минского гетто стало развитие белорусского кинематографа. Серия фильмов о Минском гетто: «Яма. Я родом из детства» (1999), «Список Гиммлера: Минское гетто» (2008), «Хроника Минского гетто» (2014), «Хроника Минского гетто-2. За честь и свободу» (2015), «Хроника Минского гетто-3. Рожденные дважды» (2017), «Хроника Минского гетто-4. Зондергетто» (2018), «Тростенец. Мы должны им память» (2015) стали известны за рубежом. Фрагментарно и эпизодически в публичном пространстве выставлены серии офортов «Минское гетто», созданных в 1962–1972 гг., бывшим узником Минского гетто Лазарем Раном. Их публичная демонстрация состоялась лишь в 1991 г. (2005, 2014). В системе образования первые методические пособия по теме Холокоста были представлены Минским международным образовательным центром имени Й. Рау в 2010 г.[3]

из России, Беларуси и Израиля состоялся первый тематический Международный круглый стол «*Минское гетто: 75 лет спустя*». Прим.: – К.К.

[1] Loewenstein K. Minsk – im Lager der deutschen Juden // Beilage zur Wochenzeitschrift "Das Parlament". B. 45/46. 7.11.1956, S. 706–711; Loewenstein K. Minsk, im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961; Rosenberg H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage. Göttingen, 1985. Kohl P. Schöne Grüße aus Minsk. München, 2001; Коль П. Найлепшыя прывітанні з Мінск. Мінск., 2007. – 489 с.; Kohl P. Der Jude, der Nazi und seiner Mörderin. Historischer Roman nach einer wahren Begebenheit. 2018. – 352 s.; Руднер Б. Дневник из Минского гетто (ноябрь 1941 – июнь 1942); Записки из Минского гетто. Памяти Марты Крон, умершей 26 января 1942 года в 18 часов в Минском гетто. Рассказ о последних трех месяцах жизни (12.11.1941 – 26.1.1942) // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Мінск, 2005. С.202–219, 220–225.

[2] Gartenschläger U. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941–1944). Dortmund, 2001; "Existiert das Ghetto noch?"Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 2003. – 319 s.; Epstein B. The Minsk ghetto: 1941–1943; Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkeley, 2008. – 351 s.; Rentrop P. Tatorte der „Endlösung". Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez. Berlin, 2011. – 256 s.; Рубенчик А. Правда о Минском гетто. Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. Тель-Авив, 1999. – 191 с.; Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. – 432 с.; Вайц И. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 2000; Родзинский Г. Дети гетто. Тель-Авив, 2004; Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007. – 154 с.

[3] Лазарь Ран. Минское гетто: графика, скульптура, живопись. Альбом. Сост. Инна Герасимова, Андрей Скребков. Минск, 2008; Спасенная жизнь: жизнь

Остается практически без изменения положение о восстановлении имен жертв Минского гетто. Большая их часть зафиксирован в Яд Вашем и насчитывает немногим более 5 тыс. фамилий[1].

Таким образом, история Минского гетто представляет собой разные перспективы как в культурной, научной, образовательной, так и социальной области. Белорусский исторический нарратив памяти в силу слабой разработанности корпуса отечественных и зарубежных документов остается в круге представлений немецких историков и специалистов как дополнительный информационный ресурс. Более значимая работа наблюдается по мемориализации трагедии Минского гетто с формированием мемориальных комплексов в Минске «Яма» (2000), Малом Тростенце (2015), Благовщине (2018). Это значительно активизирует исследовательскую работу, укрепляет международное сотрудничество[2].

и выживание в Минском гетто: пособие для учителей при проведении факультатива «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Минск, 2010. – 101 с.

[1]Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4. Мінск, 2005. С. 332–394; Памяць Беларусі: 1941–1945: рэспубліканская кніга. Мінск, 2005. С. 73.

[2]*Подготовленная диссертация белорусского историка Александра Тукало «Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.)» (2010) не была утверждена ВАК. См.:Тукало С. М. Генацыд і барацьба яўрэяў у Мінскім гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.) Аўтарэф. дыс. на саісканне вучонай ступені канд. гіст. навук Мінск, 2010. – 26 с.

Г.Л. Левина

Мемориализация Холокоста в Беларуси

Левина Галина Леонидовна – архитектор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь

Позвольте поблагодарить инициаторов и организаторов проведения Международного круглого стола «Минское гетто: 75 лет спустя».

Минское гетто, ограниченное пространство оккупированного Минска в годы войны, трагическая история более 100 000 его узников, каждого из них, со своими судьбами довоенной жизни и последними минутами жизни в гетто и Тростенце, с борьбой в подполье, с историями спасения, стало частью нашей общей памяти о жертвах Холокоста.

Минское гетто было создано 19 июля 1941 года (Приказ Полевого Коменданта г. Минска 19 июля 1941).

Гетто занимало территорию в центр г. Минска и в него входило 36 улиц на момент его создания: по переулку Колхозному, реке Свислочь, улицы – Островского, Республиканская, Шорная, Коллекторная, Мебельный переулок, улица Низовая, Еврейское кладбище, Обувная улица, 2-ой Опанский переулок и Заславская улица. Территория была огорожена колючей проволокой. Вход и выход осуществлялся через проходные на улицах Опанского и Островского. Говоря о мемориализации Минского гетто, событий, имен, исторического пространства, важными документами являются планы территории гетто. Они позволяют при установке мемориальных знаков, создания музеев и экспозиций определять места памяти и делать их доступными для изучения.

Из графических изображений границ территории Минского гетто следует отметить:

– План города Минска (НАРБ, Ф. 4683, Оп. 3Д980, в книге «Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского Гетто», Мн., «Асобны Дах», 1999г.);

– План, составленный бывшим узником Минского гетто Л. Меломедом.

– План М. Трейстера приведен в его книге «Проблески памяти» (Минск, 2007 г.). После каждой акции уничтожения евреев, территория и границы гетто изменялись. Об этом говорил в своих воспоминаниях Михаил Трейстер бывший узник Минского гетто. Ему было 14 лет, когда началась война. В ней он обозначает первоначальные границы гетто, кварталы, отрезанные от гетто после ноябрьских погромов 1941 г., границу гетто на лето 1943 года.

Свою схематичную карту улиц Минского гетто приводит и Абрам Рубенчик (узник гетто, был в партизанском отряде им. Кирова) в книге «Правда о Минском гетто», Тель-Авив, 1999 г.

Несмотря на развитие генплана послевоенного Минска с учетом разрушений в годы войны и современное градостроительное развитие города, территория бывшего Минского гетто «читаема». Созданные мемориальные комплексы, памятники и мемориальные доски позволяют изучить историю Холокоста, историю Минского гетто на историческом месте.

После освобождения Минска и окончания войны по инициативе тех, кто вернулся с фронта, кто чудом выжил, в 1947 г. был установлен обелиск с текстами на идиш и русском (фото 1) на месте бывшего карьера г. Минска, одном из мест уничтожения. Гранитный памятник установлен на ступенчатом пьедестале, характерном для этого времени.

Автор текста Хаим Мальтийски. Автор памятника – каменотес Мордух Спришен. История создания этого памятника, одного из первых на территории Беларуси в память о погибших евреях в гетто, о днях оккупации, история судеб его создателей стали хрестоматийным примером увековечивания жертв Холокоста.

Среди первых памятных знаков, установленных в послевоенное

Фото 1

Фото 2

время (к. 1940-х – нач. 1950-х) в Беларуси, с тексами на идиш и русском, следует назвать памятники в дер. Погост (Солигорский р-н) два места уничтожения – два знака; в г. п. Узда, Дзержинск (б. Койданово) (фото 2) и др.

Автором памятника в Дзержинске (1949) является Спришен, о чем свидетельствует его авторское клеймо, с боковой стороны гранитного памятника.

1950-е – 1980-е гг.

В этот период установлено множество памятных знаков на местах уничтожения евреев. Они были включены в Список памятников архитектуры. В надписях отсутствовало упоминание того, что на этом месте были убиты евреи.

После периода «памяти с маркером», известном своей формулировкой «мирные жители» на памятниках на местах уничтожения евреев СССР, в том числе и Беларуси, наступает время больших изменений в мемориализации жертв Холокоста.

1980-е г. по настоящее время.

Период, с конца 1980-х по настоящее время, не изучен глубоко. Как правило, описание мемориализации фиксируется только фактом установки памятного знака, местом уничтожения и количеством погибших.

Но каждый знак создавался в определенном контексте, благодаря или вопреки обстоятельствам указанного периода. Каждый знак – это определенная история его создания, связанная с историей места, авторов, жителей того или иного города или поселка.

С первых дней создания еврейской общины Беларуси (к. 1980-х – нач. 1990-х) – основной деятельностью стала работа по выявлению мест уничтожения евреев и установки мемориальных знаков. Большая роль в этом отводилась Музею истории и культуры евреев Беларуси, созданному при еврейской общине. Эта работа продолжается и сейчас.

И, конечно, особое внимание было направлено на установку памятника жертвам Минского гетто.

В 1993 году архитектор Леонид Левин, с первых дней создания возглавивший Союз Белорусских еврейских общественных организаций и общин, представляет архитектурно-градостроительному совету г. Минска архитектурно-планировочное решение реконструкции памятника жертвам Минского гетто. Совет одобряет проект и отмечает «историко-культурную значимость объекта».

Проект включал в себя скульптуру «Идущие на смерть», Аллею праведников народов мира, мемориальные знаки в память о погромах в Минском гетто (даты) и мемориальные знаки в память о каждом гетто,

созданном в Беларуси. Началась большая работа по реализации проекта. Существующий обелиск (1947 г.) стал частью нового мемориального комплекса. Был сохранен абрис «Ямы». Особое значение имела скульптура. Прорисованная рукой архитектора Леонида Левина – она должна была затрагивать чувства и следовать еврейской традиции.

Леонид Левин, являясь одним из авторов мемориального ансамбля «Хатынь», ведущим в творческом плане в монументальном искусстве, много работал со скульпторами Беларуси, России, Узбекистана, Украины. Он искал скульптора, который мог бы исполнить задуманную и нарисованную им идею памятника.

Л. Левин обратил внимание на работы скульптора Эльзы Поллак, живущей в Израиле. Ее работы есть в Музее Лохамей Хагатаот (Музей борцов гетто).

Состоялась встреча дома у скульптора, о которой Л. Левин пишет:

«...Привез Эльзе свои задумки, рисунки,
Увез в Минск маленький макет
Своей идеи, лимоны с деревьев у дома,
Стоящего на холме,
И ее желание принять
Участие в проекте.
Сама она прошла нацистские лагеря,
Еле выжила,
Оставшись очень больной,
С желанием
Все пережитое передать людям...
В Минске я привлек к
Работе скульптора Александра Финского.
Так появилась скульптурная композиция –
«Идущие на смерть». /1/

Открытие Мемориала жертвам Холокоста состоялось 20 июля 2000 года (фото 3, 4). Эти годы, прошедшие от идеи, создания до открытия стали первым примером международного сотрудничества по мемориализации жертв Холокоста в Беларуси.

В то время в нее были вовлечены организации узников Минского гетто, узников гетто и концлагерей, ветеранские организации, ассоциации выходцев из Беларуси в Израиле и США, дипломатический корпус, общественные организации.

В эти же годы была заложена идея по сохранению памяти жертв Холокоста, совместно Беларуси и Израиля, Беларуси и Германии, Беларуси и других государств.

Фото 3

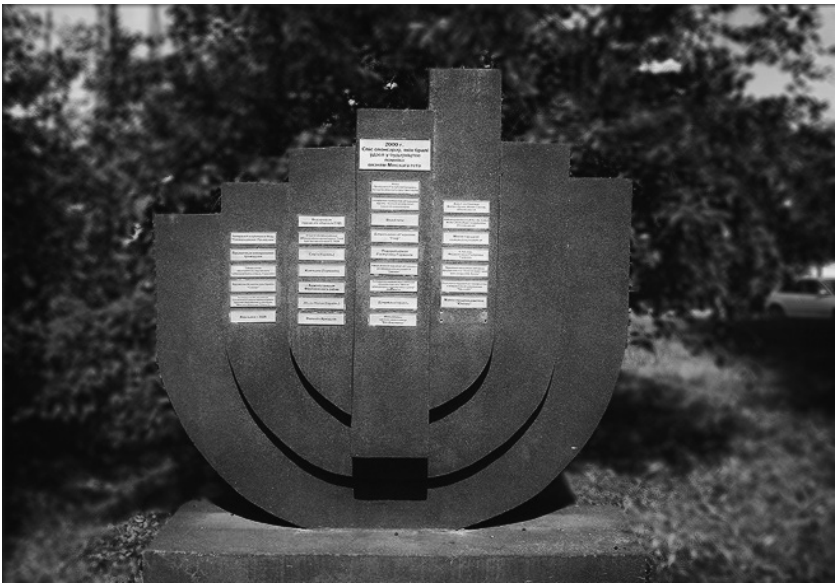


Фото 4

Эти шаги по общей культуре памяти привели к открытию в 2003 году Исторической мастерской Минского международного образовательного центра, совместного белорусско-германского проекта по изучению Минского гетто и лагеря смерти «Малый Тростенец», событий войны и судеб ее свидетелей.

Первым мемориализованным фактом депортации западноевропейских евреев в Минское гетто и Тростенец стала установка мемориальной доски в память о депортированных евреях Бремена в начале 1990-х годов. Доска была установлена по инициативе немецкой стороны на углу здания, на месте которого находилась граница т. н. «зондергетто».

В 1994 году начинается установка мемориальных знаков в память о депортированных и уничтоженных в Минском гетто и лагере смерти «Малый Тростенец» западноевропейских евреях. Этот «Пантеон Памяти» был создан по проекту Л. Левина. После 2014 года установка мемориальных знаков выполнялась по проекту и авторскому надзору архитектора Г. Левиной.

Тексты написаны на трех языках: на идиш, на белорусском/русском, немецком и чешском. Указаны – город, дата, количество убитых евреев.

На сегодняшний день установлены следующие знаки из городов (фото 5):

1. Гамбург 1995
2. Дюссельдорф 1998
3. Бремен 2002
4. Кёльн, Бонн 2008
5. Вена 2009
6. Берлин 2009
7. Франкфурт-на-Майне 2012
8. Кёнигсберг (Калининград) 2015
9. Терезенштат-Брно 2015

Фото 5

Мемориал создан в центральной части г. Минска на территории бывшего еврейского кладбища, которое было закрыто в 1960-х годах. Эта часть города с 19 века связанная с еврейской историей (ул. Еврейская, еврейское кладбище, жилая застройка) в Минском гетто стало местом захоронений 5 тысяч евреев на бывшее кладбище. Местом, где проходила граница гетто.

В 2008 году на территории бывшего еврейского кладбища по ул. Сухая установлен Памятник «Стол и стул» (фото 6). Автор идеи архитектор Л. Левин, скульптор М. Петруль.

Леонид Левин вместе с бывшими узниками Минского гетто: М. Трейстером, Л. Рубинштейном, М. Крапиной и другими, восстановили место, связанное с гибелью 5 тысяч евреев гетто. Открытие состоялось – ноябрь 2008 года.

14 тысяч узников Минского гетто были уничтожены в урочище Тучинка (сейчас это территория г. Минска).

Памятник (автор идеи: архитектор Л. Левин, скульпторы: Е. Хараберуш и А. Гакульницкий) расположен по ул. Кальварийская (фото 7).

«Идея памятника:

Два огромных блока сдавливают

попавших в безвыходное положение людей» Л. Левин. */1/*

Открыт в 2008 г. в год 65-летия уничтожения Минского гетто. Оба памятника созданы при финансовой поддержке Минского исполнительного комитета.

Международное сотрудничество при создании мемориалов «Яма», «Камни Памяти» стали началом в Международной культуре памяти жертв и героизма Минского гетто.

С 2003 года начинает активную работу «Историческая мастерская» Минского международного образовательного центра. Уникальным является здание и место, где оно расположено. Историческая мастерская разместилась в постройке 19 века на бывшей еврейской улице. В годы войны здание было в черте гетто и в нем находились узники гетто. Цель изучения – Минское гетто и лагерь смерти «Тростенец». В центре внимания – судьбы бывших узников Минского гетто, свидетелей, праведников народов Мира. Издания, публикации Исторической мастерской с 2003 г. стали частью мемориализации Минского гетто.

Историческая мастерская открыла новые возможности в сотрудничестве белорусских и немецких историков, обмена студенческими группами.

В 2005 году состоялось открытие мемориальной доски Михаилу Гебелеву (погиб в 1942 году), одного из организаторов Минского антифашистского подполья Минском гетто, секретарем районной

Фото 6

Фото 7

Фото 8

Фото 9

подпольной организации на территории гетто. По инициативе дочки Гебелева – Светланы Гебелевой (США) была установлена мемориальная доска (архитектор Л. Левин, скульптор А. Дранец) на доме по ул. Гебелева в г. Минске.

О своей работе архитектор Л. Левин писал:

«Портрет героя
За колючей проволокой
На фоне круга
(Образец латы, которую носили на одежде в гетто)» /1/ (фото 8).

В этом же году на Юбилейной площади Минска установлен Камень Памяти (фото 9). На этом месте был центр гетто. Рядом находилось здание Юденрата.

На камне надпись на белорусском, английском и иврите:

«Ахвярам нацызму. На гэтым месцы ў 1941–1943 гг. нямецка-фашыцкія захопнікі стварылі гэта для яўрэяў Мінска і яго ваколіц. У ім знаходзіліся звыш 100 000 чалавек. У тым ліку яўрэі з многіх краін Еўропы. Амаль усе яны за гэты час у пагромах былі растраляны ў лагеры смерці «Малы Трасцянец».

Это пример типового камня, которые по эскизу Л. Левина, а с 2014 г. – Г. Левиной, устанавливаются по всей Беларуси в местах уничтожения евреев. Он является совместным проектом Еврейской общины Беларуси и Фонда Лазарусов (Великобритания). Установлено более 110 камней.

Особое место в истории Минского гетто занимает лагерь смерти «Тростенец». Он был расположен в 7 км от центра Минска. В настоящее время его территория – в черте города. В 2–2,5 км от территории самого лагеря находились в урочище Благовщина – места массовых уничтожений.

Здесь были уничтожены евреи Минского гетто, Германии, Австрии, в то время Чехословакии и др. стран, мирные жители, участники партизанского движения, военнопленные.

В 2002 году около территории мест уничтожений (в урочище Благовщина) был установлен небольшой памятный знак – камень.

В 2014 году состоялась закладка камня на месте бывшего лагеря смерти «Тростенец» со списками погибших.

В 2015 году состоялось открытие 1-й очереди мемориального комплекса «Тростенец» на территории бывшего лагеря.

Места массовых уничтожений в Благовщине.

В 2013 году архитектор Л. Левин представляет проект мемориального комплекса в Благовщине (фото 10). Это был шаг по мемориализации 150 000 жертв, большинство из которых были евреи.

История Минского гетто неразрывно связана с местами уничтожения в урочище Благовщина. Это место упоминается в воспоминаниях бывших узников гетто и в архивных документах.

В 2016 г. Национальный архив Республики Беларусь публикует сборник документов Тростенец. */2/* Это уже второе, расширенное издание. В нем так же собраны документы по мемориализации жертв Тростенца 206 500 человек.

29 июня 2018 года состоялось открытие мемориала в Благовщине.

Была реализована идея архитектора Левина Л. М. (в состав творческой группы вошли архитекторы: Г. Левина – главный архитектор проекта (с 2014 г.), ГИП, архитектор – А. Копылов; скульпторы: К. Селиханов, М. Петруль, А. Шаппо). при активном участии и инициативе Минского и Дортмундского Международных образовательных центров. Проект разработан и осуществлен авторский надзор УП «Творческая мастерская архитектора Левина Л. М.» (фото 11, 12).

Проект «Последний Путь» – это последние 800 м проходимые 150 000.

Места уничтожения, называемые «Кладбищем» – проект в Благовщине института «Минскпроект».

Реализация данного проекта – это результат белорусско-германского сотрудничества по сохранению памяти о жертвах Холокоста.

Важным являлось посещение городов, из которых осуществлялась депортация евреев в Минское гетто и Тростенец. Встреча с городскими общинами.

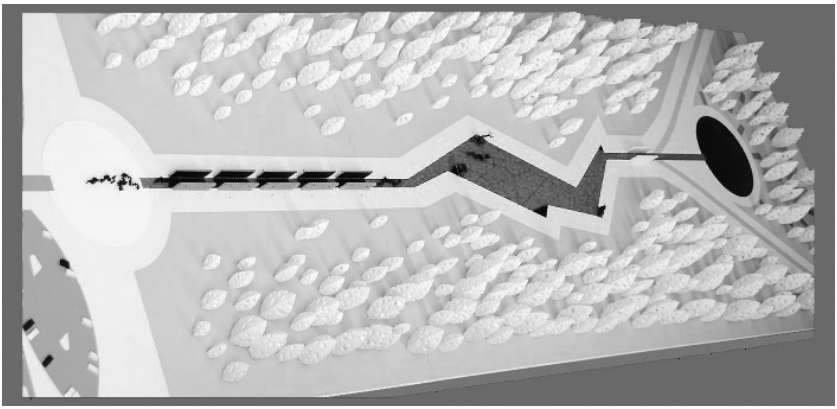


Фото 10

Фото 11

После 75 лет уничтожения в 1943 году – на месте уничтожения евреев Минского гетто, евреев Западной Европы, был установлен мемориал, рассказывающий о трагедии на этом месте. Еще предстоит установка скульптур на «Площади Жизни» и на «Площади Парадокса».

Так же в планах Мингорисполкома создание информационного центра.

История Минского гетто связана и с городом Дзержинском (бывшее Койданово), что находится в 30 км от Минска.

Имеются документы, что в 1942 г. евреи Минского гетто были вывезены для уничтожения в Койданово (современный Дзержинск).

В самом Дзержинске было создано гетто. 21 октября 1941 г. 1990 человек в течение 2,5 часов были уничтожены.

В настоящее время Творческая мастерская архитектора Левина Л. М. разработала проектную документацию по реконструкции памятника на месте уничтожения евреев Дзержинского гетто (архитекторы Г. Левина, А. Копылов, скульптор А. Шаппо). Памятный камень, установленный в 1949 году (автор Спришен) станет частью современного мемориала.

Деревня Поречье

Целая деревня, спасшая жизни сбежавшим детям из Минского гетто.

По инициативе бывших детей – узников гетто Майи Крапиной и Фриды Рейзман в дер. Поречье был установлен памятный знак. Несколько человек получили звание Праведников народовв Мира.

История и мемориализация Минского гетто выполнена не только в границах бывшего гетто, а отражена в городах Беларуси, Израиля, Германии, США. В этом уникальность Мемориализации Минского гетто.

Созданные памятные знаки и мемориалы являются эмоциональной и научной основой для изучения, событий в исторической среде с историческими фактами (фото 13).

Визуальное восприятие пространства: зданий, улиц, усиливает и расшифровывает факты Холокоста, потрясающие современного человека.

Многие факты истории Минского гетто, указанные в документах или рассказанные бывшими узниками, могут быть рассказаны языком монументального искусства.

Леонид Левин «Хатынь». Автобиографическая повесть, Минск, «Асобны Дах», 2005 г.

Л.А. Терушкин

Фрагменты истории Минского гетто. Поиски в семейных и личных архивах

Терушкин Леонид Абрамович – заведующий Архивным отделом Научно-просветительного Центра «Холокост»

В современных границах России и в зарубежных государствах остались и живут многие минчане, многие евреи из Беларуси, которым посчастливилось пережить Холокост и Великую Отечественную войну. И бывшие узники, и фронтовики и те, кому удалось уехать летом 1941 года в эвакуацию. Многие из них потом не вернулись в Беларусь и возвращаться уже было некуда, все родные убиты, дома сожжены оставалось только поставить памятник (если это удавалось) и уехать из этих мест в другой город, где зачастую легче было начать новую жизнь и не так сильно довлела память. Уезжали в Москву, Ленинград, Новосибирск и другие города СССР. Потомки этих людей живут практически на всей территории России и НПЦ «Холокост» старается поддерживать контакты с ними или с их потомками.

Кроме государственных архивов в России, Беларуси. Украины, Латвии, Литвы, Израиля, США остались частные и семейные архивы, в которых имеются колоссальные массивы интереснейших документов. Они остались там, ибо тема Холокоста государство не интересовала и десятки лет люди считали это своим частным делом, своей личной трагедией. Точно так же, как хранили «похоронки» с фронта – зачастую единственное, что осталось от тех, кто не вернулся с войны, так хранили и эти документы: какие-то последние предвоенные письма из Минска (недавно мы нашли такое письмо, датированное 15 июня 1941 года с приглашением приехать погостить на лето в Минск – все, что осталось от этой семьи); переписку военных лет и воспоминания тех, кто выжил и уцелел – друзей и знакомых. Из таких фрагментов складывалась картина больших исторических событий, складывалась и продолжает пополняться история Минского гетто, история Холокоста.

Архив Центра «Холокост» (далее – НПЦ) не занимался узко специально историей Минского гетто как таковой, хотя истории Минского, Смоленского, Виленского, Рижского и других гетто, созданных нацистами, нашли свое отражение в семейных и личных архивах. Многие из них представляют собой мини-трагедии, по которым можно снимать фильмы, писать книги. Десять лет назад вышла книга «История одной

еврейской семьи» – о судьбе минской семьи Костелянец»[1]. Она была издана на основе больших воспоминаний, которые поступили в Архив НПЦ «Холокост» из Санкт-Петербурга от дочери узников Минского гетто -Абрама и Галины Костелянец, которым удалось из гетто бежать осенью 1942 года. Абрам Костелянец погиб в марте 1943 года в бою при одной из карательных операций оккупантов против партизан бригады имени Чапаева.

Помог семье выйти из гетто германский солдат Антон Шмидт, который потом был расстрелян за помощь узникам гетто. Сохранились и фотографии. Кстати, на одной из фотографий удалось опознать и некоторых партизан и автора снимка. Ведь на фото партизан, ремонтирующих оружие, автор не указан. Автором этой фотографии является Михаил Трахман – советский военный корреспондент, специальный корреспондент Совинформбюро по партизанскому движению. Это был один из его рейдов вместе с минским партизанским соединением, когда в октябре 1943 года он посещал этих партизан и сделал много фотографий. К сожалению, традиция многих музеев Советского Союза и современных российских и белорусских – не указывать авторство фотографий. Во время этого рейда он делал рабочие записи-дневники, в которых М. А. Трахман рассказывает и о конкретных партизанах, и о боевых операциях. Он писал с большим юмором: «специально для меня соединение решило взять большой город, чтобы я мог это сфотографировать. На крупный город мы бы конечно не потянули, но небольшой Давид-городок мы взяли»[2]. Действительно, это была операция 1943 года, когда соединение на несколько часов захватило Давид-городок, разогнало полицию и тогда несколько скрывавшихся евреев присоединились к соединению. В его записях оставались фамилии и имена этих партизан и их потомки или они сами, кому посчастливилось дожить, узнавали себя на этих фотографиях.

На протяжении более 25 лет НПЦ «Холокост» занимается поиском и изучением, изданием переписки евреев периода Второй мировой войны и Холокоста. Впрочем, мы никогда не ограничивались сугубо национальными рамками этой переписки и постепенно стараемся рассматривать всю переписку того периода, которую удается найти в личных и семейных архивах в России, Украине, Беларуси, Латвии, Израиле, США, Канаде. Внимание исследователей к военным письмам и дневникам

[1] Костелянец Г. От Украины до Белоруссии. История одной еврейской семьи. – Днепропетровск: Центр «Ткума»; «Музей истории и культуры евреев Беларуси»; 2009

[2] Архив НПЦ «Холокост». Личный фонд М. А. Трахмана. Ф. 32, Оп. 1, Ед. хр. 55, Л. 12

за последние 70 лет в отечественной историографии не ослабевает. И зарубежная историография также проявляет к подобным источникам все больший интерес. Однако, при особо внимательном отношении к «фронтовой» переписке, только в последние 5–8 лет исследователи стали обращаться и к так называемой «тыловой» переписке – из эвакуации, из освобожденных районов, госпиталей. Авторами этих писем в большинстве своем являются представители гражданского населения.

Хочется сразу вспомнить известную «Черную книгу»[1] материалы, которой разбиты на три категории: 1. Письма, дневники, показания свидетелей и очевидцев, переданные в редакцию. 2. Очерки советских писателей на основе писем, дневников и рассказов, которые были отредактированы и литературно обработаны. 3. Официальные материалы ЧГК («Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»). Однако материалы, которые рассматриваем мы, не только не подвергались никакой литературной обработке (они, собственно, никогда не готовились к печати и не были обнародованы). Можно сказать, что не только «советские евреи писали И. Эренбургу», но и представители других национальностей писали знакомым евреям в первую очередь о том, что мы называем сегодня Холокостом. Эти свидетельства оставались на протяжении почти 80-ти лет печальными семейными реликвиями и подтверждением гибели родственников, друзей, близких. В отличие от подавляющего большинства корреспондентов «Черной книги», авторы этих свидетельств (писем) русские, украинцы, белорусы. Они и не могли знать о том, что идет работа над созданием «Черной книги». Во-первых, потому, что некоторые их свидетельства предоставлены ранее, чем стало широко известно о деятельности В. С. Гроссмана и И. Г. Эренбурга по сбору свидетельств об уничтожении евреев, то есть в 1942–1943 гг. Во-вторых, эти свидетельства датируются буквально первыми месяцами или даже неделями после освобождения конкретных населенных пунктов. В это время на освобожденных территориях еще только восстанавливалась работа почты, радио, туда только начинали поступать советские газеты, ЧГК еще не начала работать в этих населенных пунктах, да и не было у комиссии возможности и задачи учесть подробности гибели каждой еврейской семьи, имя каждой жертвы нацизма. Тем более, что в большинстве случаев из этих семей никого не осталось.

[1] Черная книга / Под. ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015.

Первоначально эта переписка носила сугубо личный характер. Но за каждым из этих писем скрывались подробности конкретных трагедий еврейских семей, впрочем, не только еврейских. Поток подобной переписки постепенно нарастал по мере освобождения Красной Армией оккупированных германскими войсками районов СССР. С осени 1943 года таких писем становилось все больше. Кстати, встречаются они и в первые послевоенные месяцы 1945 г.

Сегодня мы, конечно, имеем дело лишь с уцелевшими в семейных архивах свидетельствами. Хочется отметить, что эти письма не относятся к непосредственно фронтовой переписке, это не письма евреев-воинов Красной Армии своим родным с известиями о гибели близких. Именно во фронтовой переписке мы чаще всего находим упоминания о преследовании евреев, как о конкретных друзьях, родственников, знакомых, так и о евреях на оккупированных территориях вообще.

Но данная группа писем имеет целый ряд своих особенностей. Часть переписка инициировалась письмами-запросами родственников из тыловых районов СССР, из эвакуации, иногда с фронта в освобожденные районы на имя тех нееврейских соседей (односельчан, знакомых, сослуживцев), которых знали по довоенной жизни, а также в адрес местных органов власти. Авторы этих писем-запросов надеялись, что восстановленные органы Советской власти смогут им чем-то помочь, а соседи, которые не эвакуировались, пережили оккупацию, возможно, остались в живых, знают что-то о судьбах их родственников. Очень часто ответы написаны даже на обороте запросов, потому что в освобожденных районах катастрофически не хватало бумаги.

Несколько лет назад москвичка А. Л. Губерниева предоставила нам обширную семейную переписку и дополнила ее воспоминаниями – своими и родителей. Родители А. Губерниевой – мать Галина Абелевна Шпринц (1920–2006) и отец Лев Борисович Лундин (1919–2006) учились в Минске в параллельных классах и дружили со школы. Создали семью в конце Великой Отечественной войны.

Г. А. Шпринц успела покинуть Минск 24 июня 1941 года. Во время бомбежки Минска она была ранена и лишившись двух пальцев, уже беременная в то время, шла пешком из Минска. Она потеряла своего первого мужа мужа и больше его не нашла. Видимо, он погиб в дороге, так же пытаясь покинуть Минск. Сохранились воспоминания о том, как она выживала, как она спаслась, как осенью 1943 года ее друзья-минчане, вытащили ее в Москву с маленьким, уже родившимся ребенком и как потом она встретила Л. Лундина. который еще до войны уехал из Минска и в годы войны работал в оборонной промышленности.

Здесь, я позволю себе несколько нарушить хронологическую последовательность.

10 января 1945 года Льву Лундину пришло письмо из Минска от Елены Рубенчик, в котором рассказывалось о том, что творилось в Минске в годы оккупации.

«Как ни тяжела истина, я Вам, Лева, сообщу, ибо такова воля погибших. Я действительно свидетель многих трагедий. Наша квартира осталась в районе так называемого гетто, Ваши родители жили у нас. Я рассказывала не только об отце и о матери Вашему родственнику Борису». Дальше перечисляются очень многие родственники, соседи, друзья, кто где жил, кто чем занимался. «Я ушла из гетто 1 мая 1942 года, пережила три погрома. Вам, очевидно, не понятны эти слова, но их значение я растолкую когда-нибудь при встрече. Помню, 2 марта 1942 года немцы бушевали в гетто. Насытившись кровью, они устроили тризну на площади, шампанское и вина лились ручьем, яства не поддаются описанию. За четыре дня до этого у Вашего отца начался тиф, с температурой в 40 градусов он поднялся с постели и ушел в так называемый Еврейский комитет, думая, что там будет спокойно. Увы! Нигде не было спасения. Так он и был захвачен и еще с тысячами людей должен был погибнуть. Мы все сидели в подземелье, выкопанном нами под полом дома и слышали, что наверху немцы громят квартиру через час узнали, что из Комитета все погибли, считая погибшим и Вашего отца. Но он явился неожиданно домой, вырвался от немцев, потом слег, перенесенное сотрясение, предшествующее ему истощение организма болезнью – все это окончательно подорвало силы и через 4 дня он скончался на моих руках. Мы с ним все время были в дружбе, он имел возможность материально помогать партизанам и подпольщикам, а я была связной. Мы видели смысл жизни только в том, чтобы чем-то напакостить немцу-кровопийцу. Длинными зимними вечерами мы подолгу мечтали о том, до чего я все-таки дожила, а он нет. То, что он умер своей смертью, считалось тогда великим счастьем. Мать Ваша рыдала, благодарила Бога за это. Мы похоронили его как человека и теперь я знаю, где могила. Через 2 месяца я ушла из гетто и оставила всех еще живых. У нас жила еще семья Розенбергов, Ваших родственников. У них были две дочки, Фаня и Римочка. Моя мать погибла в августе 1943 года, я успела с ней встретиться до августа 1943 года, он говорила, что все пока живы. И поэтому я склонна думать, что мать и тетя погибли тогда же, их постигла ужасная участь. Они были или задушены в машине-душегубки, а тела, наверное, сожжены в нескольких километрах от Минска в деревне Тростянец. Брата Вашего не было в гетто. Отец часто просил рассказать Вам

и брату, как все происходило. Вот се, что можно написать. Может быть в марте месяце я буду ехать в Ленинград на постоянное место жительство, обязательно буду в Москве, если будет возможность встретиться с Вами, расскажу подробнее. С приветом, Елена Рубенчик». Псевдоним Елены Рубенчик – Ольга Корсик. Как она пишет в конце письма: «Все, я больше не Корсик, это кошмарное прошлое, я Рубенчик»[1].

Благодаря сохранившимся воспоминаниям удалось уточнить подробности о судьбах многих людей, упомянутых в переписке семьи Лундиных -Шринц. В этой переписке 1942–1944 гг. упоминаются многие общие минские знакомые, друзья, родственники с совершенно разными судьбами, разбросанные войной по всей территории СССР. Их судьбы тесно переплелись, сохранились их фотографии в семейном альбоме А. Губерниевой.

Родители Л. Лундина сели в поезд, увозивший людей из Минска на восток, но отец обнаружил в кармане пиджака ключи от склада, которым заведовал. Решив, что склад не смогут открыть без ключей, они сошли с поезда и пришли домой. А дальше ждала неминуемая гибель в гетто.

Первый раз Боруху (Борису) Абрамовичу Лундину удалось вырваться из толпы, которую немцы уничтожали, благодаря одному знакомому, который был в еврейской полиции и выхватил его из толпы в сторону. После этого он смог вернуться к жене. В гетто Б. Лундин заведовал вещевым складом и через Лену Рубенчик передавал одежду партизанам.

У Г. Шпринц родители тоже погибли в гетто, вернее, отец, сводный братик Феликс, которому тогда было 8 лет и мачеха Стерна.

У Г. Шпринц ближайшей подругой была Соня Идельсон, они вместе готовились к урокам. После школы Соня училась в медицинском институте. Она была феноменально способной. У нее уже были научные труды. На второй день войны, 23 июня, Галя встретила Соню, которая успела выбраться из Западной Белоруссии, где проходила практику. Они обсудили большие очереди в сберкассы и расстались Во время войны гитлеровцы бросали раненых военнопленных в общежитие, находившееся на территории Политехнического института в Минске. Несмотря на ужасные условия, это место фашисты называли лазаретом. В этом госпитале работала Соня, приходя на работу из гетто. Были там и другие врачи из гетто. Соня приносила многие медикаменты с собой, так как ее отец работал провизором в аптеке на улице Островского и накануне оккупации спрятал лекарства. Поправлявшихся раненых подпольная

[1] «Сохрани мои письма…». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4. /Сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. М., 2016, С. 180.

организация госпиталя переправляла к партизанам. Работали врачи под присмотром немцев, так что нужна была большая осторожность. Немцы схватили очередного выздоровевшего при переходе, и вскрылась подпольная работа патриотов. Весь медицинский персонал был повешен, а госпиталь уничтожен. Это произошло в октябре 1941 года, Соне было тогда 22 года. Все ее семья, родители и младший брат погибли в гетто, а старшие братья – на фронтах в рядах Красной Армии[1].

Г. Шпринц ночевала вторую военную ночь у подруги по Белорусскому педагогическому институту (ныне – БГПУ) Симе Самойловны Шустерман-Добролюбовой. С. Добролюбова сохранила эти письма, привезя их позже из эвакуации, из Казахстана. Вот ниже отрывок из письма ей Г. Шпринц о первых днях войны.

«12 августа 1942 года.

[...] Я постараюсь быть последовательной, и хотя бы вкратце передать тебе свои злоключения.

Последнее, что сохранилось у меня в памяти – это ты, стоящая несколько расставив ноги, а затем толчок, твое падение вместе с полом, мои висящие оторванные пальцы правой руки (большой и указательный), текущая кровь, рушившиеся стены, звон битого стекла и звуки летящих снарядов. Когда я опомнилась после потрясения, то увидела себя, сидящей на диванчике в столовой, закрыла глаза и ждала смерти. Даже помню, как вслух сказала: «это конец», а в голове пронеслось «и как нелепо». Но так как смерть не пришла, я решила спасаться. Единственно сохранившейся комнатой оказалась спальня. Я бросилась туда, схватила с кровати наволочку, завернула свою окровавленную руку и решила прыгать с балкона. Потом решила, что убьюсь, и вернулась в столовую. Там все изменилось до неузнаваемости. Единственное отверстие, через которое можно было спастись, это отверстие в полу. Внизу раздавались отчаянные крики, стоны, мужские голоса, но, сколько я ни просила помочь мне сойти, никто не обратил на меня внимания. Тогда я решила прыгать в отверстие. Я сейчас не понимаю, как я уцелела от этого прыжка. Так или иначе, я очутилась внизу, по пути потеряла босоножки. И вот, в одних носках, без сумки (она осталась вместе с пальцами), я очутилась во дворе и затем побежала в дом напротив, где в скором времени меня на машине отправили во 2-ю советскую больницу.

Там мне ампутировали 2 пальца, а затем я дала о себе знать домой. Ко мне приходил Петя (первый муж Г. Шпринц, отец ее сына

[1] Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории СССР». Воспоминания Г. А. Шпринц. Ф. 15, Оп. 1, Ед. хр. 199, ЛЛ. 11–12

Валерия – Л. Т.), но ни меня, ни его ко мне не пропустили. В больнице я пробыла до 11 часов вечера. Кругом уже все горело, по-страшному кричали сумасшедшие. Оставаться дольше в больнице было безумием и я, накинув на себя белый мед. халат, босиком, в одной рубашке под халатом и байковым одеялом на плечах пошла по направлению к центру. Однако зайти домой я не могла, а т. к. все люди шли за город, как они говорили «переночевать в лесу», я пошла по течению. Но больше в Минск я уже не вернулась. Шла я по Могилевскому шоссе км 50, а затем меня подобрала машина минского обкома партии и довезла до Могилева, где меня спустили в ночь на 26-е на одной из отдаленных улиц. Представь, дорогая, мое положение. Ночью одна в незнакомом городе, без денег, документов, полуодетая, растерянная, да ко всему еще и раненая. Я кое-как добралась до облисполкома, а назавтра утром села в один из эшелонов, формировавшихся на станции. Не все ли равно, куда ехать?»[1].

Вот подобных писем сохранилось немало. Многие из них касаются Беларуси, это единственная реликвия, касающаяся судьбы близких. Мы говорили о восстановлении имен погибших – вот здесь эти остались вот эти письма. Таких писем обнаруживаем сравнительно много (если говорить о всей территории СССР, подвергшейся оккупации), они встречаются в очень многих еврейских семьях (или там, где, можно найти какие-то еврейские корни). Подобных много поступало с освобожденной территории Советского Союза в 1944–1945 гг. И письма выживших, и письма друзей и соседей, которые пишут по своей инициативе, зная довоенные адреса родственников, или они пишут по запросу, когда такой приходит от родственников.

Вот еще письмо. Его передал нам Л. А. Пасманик (1930–2008). *Перед войной жил с родителями в Минске. В 1941 г. семья эвакуировалась в г. Абакан Красноярского края (ныне – Хакасия). Из белорусской Уллы в Минск, затем так же в Абакан успели эвакуироваться сестры отца – А. Пасманика — Броня и Эмма (Этя). В деревне Борковичи Витебской обл. в оккупации осталась их сестра Берта (Паша) Пасманик с детьми – Яковоми Машей и мужем Кастрель Бейликом. Они погибли в 1942 г. Письмо А. Мартиновой адресовано Эмме Моисеевне и Броне Моисеевне Пасманик. В 1944 г. они вернулись в освобожденный Минск и пытались узнать о судьбе родственников.*

[1] «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4. /Сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. М., 2016, С.161–162

«1 августа 1944г.

Тов. Пасманик!

Вы просите сообщить судьбу Ваших родных. То, что Вы слышали о зверствах немцев, так это правда, но слышать легче, чем пережить все эти ужасы.

Ваши родные: Паша и племянники Яша и Машенька расстреляны 23 февраля 41 г. [так в тексте, правильно – 1942 г. – *Л. Т.*]. Кастрель пытался с несколькими другими мужчинами бежать, но где-то за Дерновичами поймали, привели в Дриссу и там свершили свое подлое дело.

Когда забирали [евреев – зачеркнуто. – *Л. Т.*] Пашу с детьми и со всеми остальными евреями, то Кастрель был в другом доме и моя сестра спросила у Паши – бежать ли ему или оставаться вместе? Она дала знак, махнула головой, чтобы Бейлик бежал, а он сидел в это время у Курочкина в доме.

Не думайте, не все были враги [слово вставлено. – *Л. Т.*]. Много было и друзей, но помочь никто не мог. Последние дни жизни были очень тяжелы. Паша приходила очень часто к нам, прощались за несколько дней до смерти, потому что знали, что скоро начнется расправа и в Барковичах.

В первых числах января 41 г. [так в тексте, правильно. – 1942 г. – *Л. Т.*] я ездила в Бешенковичи искать своих родных и по просьбе Шапиро и Паши я заезжала в Уллу. Узнала, что Соню и Фирой постигла та же участь, что и всех, а Вы уехали. Шапирам я правды не сказала, а сказала, что Соня тоже уехала, но Паша мне не верила, она говорила, что я ее жалею, а поэтому правды не говорю. Я ее уверяла, как могла, но она очень плакала.

Мою сестру Марию Вас. 17 августа 42г. расстреляли немцы за связь с партизанами.

Ну пока. Бывайте здоровы.

А. Мартинова»[1].

Письма, как правило, весьма эмоциональны, учитывая, что большинство авторов женщины. Нужно учитывать, что авторы этих писем по два – три года жизни в оккупации не имели никакой возможности для общения (переписки) ни с кем из-за линии фронта. Поэтому в этих письмах явно прослеживается желание высказаться, поделиться всем пережитым, не упустить мелкие подробности, выплеснуть накопившиеся чувства и эмоции. Жители оккупированных районов, особенно сельских, практически не имели никакой достоверной информации о том, что происходит на фронте, а уж тем более в советском

[1] Там же, С. 262

тылу. Кажется, авторов писем из освобожденных районов буквально переполняло желание обо всем рассказать и как можно больше узнать. Письма написаны порой людьми не очень грамотными, плохо владеющими русским языком.

Безусловно, такие письма -небольшой процент колоссального потока переписки периода 1941–1945 гг. Но в ряду свидетельств о Холокосте, на мой взгляд, они должны занимать особое место. Прежде всего, потому что написаны буквально по «горячим и кровавым следам» и поэтому содержат вполне достоверную информацию вплоть до мелких деталей, которые были утрачены или забыты спустя десятилетия. Идеологические установки тоже еще не успели оказать свое влияние на создание подобных свидетельств. Кроме того, повторюсь, в письмах сохранились имена погибших, спасшихся и тех, кто им помогал спастись. Давно уже нет в живых авторов этих писем, но их свидетельства продолжают храниться у потомков адресатов наряду с уцелевшими фотографиями. Семейная история и сопутствующая ей переписка долгое время была почти единственным источником фиксации памяти о фактах и местах уничтожения евреев, особенно для потомков – тех, кто в 1940–1950-е гг. были еще детьми. Важно успеть не только собрать и изучить подобные письма, оцифровать их (бумага не вечна), но записать комментарии, пояснения, т. е. фактически «вторичные воспоминания» (со слов детей и внуков адресатов) позволяющие понять о ком идет речь в письмах.

Восстановить имена очень сложно, но Российский Еврейский конгресс и НПЦ «Холокост» в последние несколько лет установили мемориальные доски под Смоленском, где были расстреляны узники Смоленского гетто. В г. Почепе Брянской области тоже недавно установили такие мемориальные плиты, в Ростове-на-Дону восстановлены 4000 из 15000 имен. Кстати, при этом изучалась сохранившаяся переписка из освобожденного в феврале 1943 г. Ростова-на-Дону.

НПЦ «Холокост» в серии «Сохрани мои письма… Письма и дневники евреев периода Великой Отечественной войны» (2007–2019, 5 выпусков) уже публиковал ряд подобных свидетельств, а многие использовал при создании выставок «Вторая мировая война и Холокост на территории СССР» (2013г.), «Дети-жертвы Холокоста» (2014г.) «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение» (2016–2019 гг., кстати, на многих языках). Эти источники надо стремиться активно использовать в публикациях, музейных экспозициях, образовательных программах и пособиях. Поэтому, такая семейная переписка представляет очень большей интерес и может быть осталась последняя возможность ее сохранить, оцифровать, использовать.

Здесь упоминался нацистский лагерь уничтожения Собибор в Польше. Совсем недавно, 4 октября тоже исполнилось 75 лет восстанию заключенных в этом лагере. А совсем недавно исполнилось 110 лет со дня рождения руководителя восстания-Александра Ароновича Печерского (1909–2019).

История Собибора и Минска в 1943 г. поразительно переплелись.

Именно в Собибор был отправлен эшелон из Минска в сентябре 1943 года, там были и узники Минского гетто и советские военнопленные-евреи. Военнопленных там было человек 150 из Арбайтс-лагеря («рабочего лагеря») СС на улице Широкой. Там в лагере вместе работали советские военнопленные-евреи и евреи -узники Минского гетто, в основном рабочих профессий. Но среди узников Минского гетто и «рабочего лагеря» и были не только минские евреи. Один из активных участников восстания в Собиборе, погибший при побеге, был варшавским евреем – Шломо Лейтманом, который в 1939 году покинул Варшаву, жил в Минске и оказался в Минском гетто. Общались узники Минского гетто с узниками Арбайтс-лагеря, но по некоторым воспоминаниям в Арбайтс-лагере были также немецкие евреи. Но это еще нужно уточнить. Еще один активный участник восстания в Собиборе – минчанин Борис Табаринский, который считается советским военнопленным, но он не попал в плен как командир РККА. Он отслужил в Красной армии до войны, вернулся в Минск, летом 1941 года он пытался покинуть Минск, но не успел. Немцы вернули его обратно и вместе с семьей он оказался в гетто. Но в Арбайтс-лагере СС он фигурировал как советский военнопленный – лейтенант запаса. Как раз в Минске, в Арбайтс-лагере, уже начала формироваться группа из евреев-военнопленных под руководством А. Печерского.

Это были, кроме уже упомянутых выше, – Семен Розенфельд (ныне живущий в Израиле последний участник восстания), Аркадий Вайспапир, Борис Цибульский, Александр Шубаев и другие. Все они прибыли в лагерь на ул. Широкой в 1942–1943 гг. из различных лагерей для советских военнопленных, будучи опознанными, как евреи. В частности, А. Печерский попал туда из шталага № 352 у д. Масюковщина, куда был переведен в мае 1942 г. после неудачной попытки бегства[1].

Эти люди как раз и стали основой боевой группы, которая сыграла решающую роль при восстании в Собиборе. А. Печерский, А. Вайспапир и С. Розенфельд в своих воспоминаниях (письменных и устных) очень много внимания уделили Арбайтс-лагерю. В последней версии воспоминаний А. Печерского 1972 г. есть даже целая глава «Минский лагерь

[1] Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки. Сборник материалов/ Под ред. Л. А. Терушкина, К. А. Пахалюка. М., 2018, С. 154

на Широкой». И очень много внимания в этой версии своих воспоминаний он уделяет Минскому гетто. Примечательно, что А. Печерский пишет и об упомянутом выше Абраме Костелянце, а так же много пишет о руководителе группы сопротивления в лагере – Блятмане, который погиб позже, в Собиборе[1].

Из воспоминаний А. М. Вайспапира:

«Арбайтлагерь. В этом лагере были бараки, в них жили пленные, евреи. Был барак для русских – «красные латы». Были мастерские: сапожная, портняжная, столярная. Работали в них в основном евреи из гетто, гражданские. Они имели с гетто даже связь какую-то. Санчасть была. Проходная была с начальником лагеря. Сначала нас охраняли литовцы, потом латыши, потом всё время украинские батальоны. Рядом с нами расположились два украинских батальона. Полицаи, предатели – они осуществляли охрану. В Собиборе тоже охраняли украинские батальоны... В лагере были только мужчины. По-разному обращались, но вообще очень плохо. Собаками травили. Были латыши – так они издевались ночью, когда идёшь в туалет. Ловили, заставляли ползти, в общем, веселились.»

«[...] В этом лагере (я узнал потом от Печерского) был свой повстанческий комитет. Я не участвовал. А руководил им Блятман – один из «капо», что я рассказывал. Он из гетто попал в лагерь, не из числа пленных. А сам он был польский еврей, этот Блатман. Он боксёр был, красивый, здоровый. Пользовался авторитетом у всех. Но, видно, их кто-то выдал, или как-то узнали, и его вместе с комендантом барака и ещё нескольких перед отправкой Собибор арестовали и увезли в тюрьму в город. Потом, когда мы прибыли в Собибор, оказалось, что они с нами. Они были со связанными руками. Но они, конечно, попали в газовые камеры»[2].

Разумеется, здесь нет возможности достаточно подробно рассказать о Минском периоде жизни А. Печерского и его товарищей. Об этом можно прочесть в изданном в конце 2018 года сборнике материалов «Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки». В его подготовке принимал участие большой творческий, международный коллектив, в том числе и учащиеся ряда учебных заведений Москвы.

Уверен, что сотрудничество НПЦ «Холокост» с МГУ должно развиваться, студенты и исследователи всегда могут прийти в архив НПЦ «Холокост». Мы готовы делиться нашими материалами и многие молодые люди могли бы принять участие в публикации переписок из семейных и личных архивов.

---

[1] Там же, С. 162–163

[2] Там же, С. 301–302

В.И. Кошман

Урочище Благовщина в системе лагеря Малый Тростенец как одно из мест уничтожения узников Минского гетто: взгляд археолога

Кошман Вадим Иванович – заведующий отделом археологии Средних веков и Нового времени Института истории Национальной академии наук Беларуси, к. и. н., доцент

Лагерь Малый Тростенец со своей инфраструктурой является самым крупным местом уничтожения советских граждан и депортированного из стран Западной Европы еврейского населения на территории Беларуси. В настоящее время, в массовом сознании, к сожалению, произошло слияние всей инфраструктуры лагеря в единый «лагерь смерти» или «концлагерь» Малый Тростенец, тем самым фактически ставя знак равенства между лагерем Малый Тростенец и «фабриками смерти» Освенцим, Майданек, Треблинка и др.

Собственно, Малый Тростенец – это достаточно сложное образование, включающее в себя т. н. трудовой лагерь (лагерь принудительного труда), который был создан весной 1942 г. на базе бывшего колхоза им. К. Маркса и вобравший в себя уже имеющуюся инфраструктуру бывшего помещичьего имения помещицы Юрловой и колхозные строения[1]. Инициатива создания трудового лагеря, как считается, принадлежит минской полиции безопасности и СД, а одной из целей создания лагеря было налаживание производства сельскохозяйственной продукции и функционирование различного рода мастерских для обеспечения нужд немецкой администрации. Этот трудовой лагерь функционировал до конца июня 1944 г. на землях довоенного колхоза им. Карла Маркса. На этой территории размещался собственно сам концлагерь, обнесённый колючей проволокой (судя по схематическому плану июля 1944 г. включавший в себя один большой барак, окружённый тремя рядами колючей проволоки) с расположенным поблизости блиндажом охраны; «жилая зона», где находились бараки заключённых/работников лагеря, помещения/блиндажи охраны; «админи-

[1]Кошман В. И. Лагерь Малый Тростенец и его инфраструктура по материалам археологических работ 2014–2015 гг. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. – Мн., «Беларуская навука», 2016. – С. 215–227

стративная» зона лагеря с домом коменданта, бывший помещичий домом (имение конца XVIII – начала XIX вв.) и, видимо, еще рядом строений; «хозяйственная» зона лагеря с водонапорной башней, лесопилкой, слесарной, столярной мастерскими, теплицами, амбаром, свинарником, коровником, с/х полями, кухней, баней, лазаретом и т. д. К сожалению, информация о количестве людей, которые содержались в самом лагере или были задействованы в той или иной мере в работах на территории лагеря, отсутствует. Высказывается предположение, что в лагере находилось в разное время от 200 до 900 заключённых, в большинстве своём евреев (квалифицированные рабочие, ремесленники, крестьяне)[1]. Если говорить о «наполняемости» трудового лагеря, то считается, что с каждого транспорта, прибывающего с депортированными евреями Западной Европы в период мая – октября 1942 г., в лагере оставлялось от 50 до 100 человек, то математически получается цифра до 1800 человек[2]. Безусловно, эта цифра крайне условна и не учитывает людей, которые дополнительно были заняты на работах в лагере или были по каким-то причинам помещены в него из Минска или его округи. Из-за отсутствия информации мы не можем судить и какой-то «динамике» уничтожения людей, как, впрочем, и убыли вследствие смертей от побоев, болезней, недоедания и т. п. Примечательно то, что начальник полиции порядка генерального округа «Беларусь» Э. Герф в своих показаниях засвидетельствовал, что через каждый из трёх минских лагерей «прошло» около 1500 человек [12, с. 150–151]. Однако справедливости ради отметим, что подсудимый напрямую не указал на Тростенецкий лагерь. К сожалению, точных данных мы так и не получим, как не получим и данных о фамилиях и именах жертв лагерей и тюрем г. Минска. И это в большей степени относится к советским гражданам (без учёта их национальности) – невозможно установить данные жертв облав в г. Минске, заключённых тюрем по ул. Широкой и Володарского и т. д. Следует думать, что архив (картотека) заключённых погибла или была намеренно уничтожена в конце июня – начале июля 1944 г. На её существование имеется прямое указание ведущего подобной картотеки «... Фридл был назначен работать в 5-й уголовный отдел, где он работал на картотеке по учёту арестованных, содержавшихся в лагерях Тростенец и по ул. Широкая в Минске»; «...*Вопрос:* В период работы Фридла

[1] Лагерь смерти Тростенец. История и память. Каталог выставки. с. 87

[2] Документы свидетельствуют о прибытии в мае – октябре 1942 г. 18 железнодорожных транспортов. Прибытие ещё 5 транспортов остаётся «под вопросом».

на картотеке учёта лиц, содержавшихся в рабочем лагере, выезжал ли он в Тростенец и на ул. Широкая? *Ответ:* Так как Фридл имел списки всех содержавшихся в лагерях, то он там бывал»[1].

Следует признать, что фактически единственным сохранившимся источником информации о узниках и жертвах Малого Тростенца являются т. н. транспортные списки депортируемых евреев из стран Западной Европы[2]. Для установления особенностей функционирования Малого Тростенца, кроме материалов следствия 1944–1960-х гг., большое значение имеет и устная история. Так, значительная работа была проведена членами «исторической мастерской», которая осуществила проект по опросу жителей г. Минска, д. Малый Тростенец и д. Большой Тростенец. Итоги данного изучения фиксировались посредством аудиозаписей и далее на бумаге (всего было собрано 46 воспоминаний (более 120 часов записи) у респондентов 1923–1942 гг. рождения). Ряд материалов нашли своё отражение в т. н. «белорусском архиве устной истории»[3].

Создание и функционирование трудового лагеря, как видим, ставило своей целью не физическое уничтожение людей, а, в первую очередь, их физическую эксплуатацию. Собственно, на его территории не была создана соответствующая инфраструктура для массового уничтожения людей (крематорий, расстрельный полигон, больница для медицинских экспериментов и т. п.). Но это не означает, что на территории лагеря не осуществлялись убийства заключённых, они наоборот были, подтверждением чему являются многочисленные воспоминания. Основная трагедия лагеря разыгралась в конце июня 1944 г., когда перед освобождением Минска, ликвидировалась основная часть заключённых лагеря и расстреливались привозимые из тюрем Минска люди. Основным место этой трагедии стали бараки/землянки, башня (водонапорная башня?), огромный амбар и территория вокруг него[4]. Согласно заключительному акту Минской областной комиссии Чрезвычайной государст-

---

[1] Лагерь смерти «Тростенец». Документы и материалы. / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2003. – 292 с. – Мн., 2003. С. 139–140.

[2] http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/content/digitalizirovannye-spiski-deportirovannyh-iz-terezienshtadta-v-minsk-i-malyy-trostenec (дата доступа 15.11.2018)

[3] http://gwminsk.com/news/u-poshukah-pamyaci-pra-gistoryyu-minskaga-geta-i-maloga-trascyanca (дата доступа: 11.01.2019)

[4] Лагерь смерти «Тростенец». Документы и материалы. / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2003. – 292 с. – Мн., 2003. С. 173–176, 180–182

венной комиссии (ЧГК) СССР от 13 августа 1944 года, количество жертв в амбаре и на брёвнах было определено в 6500 человек.

Места массового уничтожения людей, которые существовали в период мая 1942 – декабря 1943 г. (урочище Благовщина) и декабря 1943/января 1944 г. (?) – конец июня 1944 г. (урочище Шашковка), находились за основным периметром трудового лагеря. Так, урочище Благовщина находилась на отдалении от лагеря около 3,2–3,4 км, а урочище Шашковка в 0,4–0,45 км от трудового лагеря. Примечательно и то, что люди, обречённые на смерть (депортированные евреи, евреи минского гетто, подпольщики, партизаны, заложники, заключённые тюрем Минска и т. п.) в абсолютном большинстве попадали в эти места минуя лагерь. Осуществлялась их прямая транспортировка грузовыми машинами на место убийства или же использовались машины-душегубки.

Заключительный акт Минской областной комиссии ЧГК СССР от 13 августа 1944 года определил количество жертв Благовщины до 150000 человек, Шашковки в 50000 человек. Следует сказать, что в ряде современных исследований представлены и альтернативные взгляды на количество жертв Малого Тростенца. К сожалению, некорректность методологического подхода Минской областной комиссии ЧГК СССР к подсчёту количества жертв, действительно вызывает большие вопросы.

На настоящий момент, в той или иной мере установлена очередность прихода железнодорожных эшелонов мая – октября 1942 г. с депортированным еврейским населением из Вены, Кёльна, *Терезиенштадта,* Кенигсберга, также последовательное их уничтожение в урочище Благовщина, вместе с евреями минского гетто (+ евреи из Вены, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Гамбурга, Брно, депортированные в минское гетто в ноябре 1941 г.) и советскими гражданами (партизанами, подпольщиками, попавших под подозрение или захваченных в качестве заложников во время облав в г. Минске).

На 9-м километре Могилевского шоссе располагался дорожно-строительный участок. Сюда приходили эшелоны с людьми, их разгружали, переписывали ценные вещи, выдавали копии квитанций. До последнего момента поддерживалась видимость переселения массы людей на новое место жительства и работы. С дорожно-строительного участка людей перевозили в Благовщину на автомашинах с плотно закрытым кузовом. Периодически использовались машины-душегубки. Расстреливали у заранее приготовленных длинных рвов, трупы закапывали. Уничтожение людей в Благовщине не прекратилось после прекращения прихода эшелонов с Западной Европы с октября 1942 г. и данный расстрельный

полигон продолжал активно использоваться как место уничтожения части евреев минского гетто, а также подпольщиков, партизан, заложников. Примечательным является то, что прекращение функционирования Благовщины совпадает с временем уничтожения минского гетто, что даёт основание говорить о том, что Благовщина изначально выбиралась как место массового уничтожения именно еврейского населения, депортированного в мае – октябре 1942 г. с последующим «прицелом» использования этого места для убийства части евреев минского гетто, а также подпольщиков, партизан, заложников. И в этом отношении урочище Шашковка (расстрельная яма с примитивным крематорием), функционировавшая зимой – летом 1944 г., коренным образом отличается от Благовщины составом жертв и где, безусловно, были представлены уже преимущественно советские граждане. В отношении жертв, обнаруженных в подожжённом амбаре и заготовленном лесе возле него, есть однозначные свидетельства, что это люди, привезённые из тюрем Минска. Т. к. минское гетто уже к этому моменту ликвидировано, привезённые партии людей преимущественно могли состоять из жителей Минска и округи. В то же время, параллельно происходила и ликвидация лагеря, когда часть заключённых была расстреляна прямо в бараках, водонапорной башне[1]. Судя по тому, что при осмотре лагеря нигде не упоминается о выявлении тел жертв, следует думать, что они были впоследствии перемещены в амбар. Что касается этих расстрелянных жертв, то подавляющее их количество могли быть евреями, которые использовались в качестве рабочей силы в мастерских и сельскохозяйственных работах. Об уничтожении именно евреев при ликвидации лагеря указывают участники этой акции и выжившие работники лагеря[2].

Осенью 1943 года особая команда Главного управления имперской безопасности «1005-Центр», при использовании труда заключенных минской тюрьмы, приступила к раскапыванию и сожжению в ноябре – декабре 1943 года трупов расстрелянных в урочище Благовщина[3]. Причём во время этой работы продолжалась доставка партиями и уничтожение людей из Минска.

---

[1] Лагерь смерти «Тростенец». Документы и материалы. / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2003. – 292 с. – Мн., 2003. С. 105, 173–174, 176

[2] Там же. С. 173–176, 180–181, 193

[3] Хоффман Йенс «Операция 1005» – уничтожение немцами следов массовых преступлений в Малом Тростенце // Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти. Материалы международной конференции 21–24 марта 2013 г. г. Минск. – Мн., 2013. – С. 20–29

В июле – августе 1944 года Минская областная комиссия содействия в работе ЧГК провела расследование преступлений немецко-фашистских захватчиков в Благовщине, где и были обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветками. На поверхности траншей найдено большое количество человеческих костей, пепел, носовые платки, человеческие волосы с головы, куски женских гребенок, обгорелые котелки, миски, портсигары, перочинные ножи, столовые ложки, вилки, пуговицы, остатки обгоревшей бумаги, фотографии, детские и дамские чулки, детская нижняя рубашка[1]. Следует только сожалеть, что не проанализированы такие важнейшие, на наш взгляд, свидетельства как «остатки обгоревшей бумаги» и «фотографии», которые могли указывать на их владельцев. Показания свидетелей также показывают, что после освобождения территории Беларуси на поляне в лесу Благовщина видели пепел, недогоревшие человеческие кости, обрывки одежды, недогоревшие брёвна[2]. Схематический план расположения траншей-могил был зарисован чертежником В. Ф. Володько. В 2017 г. именно этот план и был положен в основу проекта мемориализации урочища Благовщина (объект «Мемориальный комплекс „Тростенец“. 2-я очередь строительства. 1-й этап строительства»).

Протокол осмотра мест уничтожения людей в окрестностях деревни Малый Тростенец (14–21 июля 1944 г.) и описание 5 небольших шурфов в пределах траншей-могил, даёт представление об особенностях объекта и способе сокрытия преступлений[3].

№ траншеи	Длина / м	Ширина / м	Глубина / м
1	50	5	5
2	27	4,5	5
3	42	5	4,5
4	50	5	5
5	38	5	5
6	24	5	5
7	58	5	5
8	57	5	5

[1] Лагерь смерти «Тростенец». Документы и материалы. / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2003. – 292 с. – Мн., 2003. С. 59–60.
[2] Там же. С. 168–170.
[3] Там же. С. 59–61.

№ траншеи	Длина / м	Ширина / м	Глубина / м
9	53	5	5
10	45	5	5
11	51	5	5
12	50	5	4,5
13	50	5	4,5
14	45	5	5
15	9	2	5
16	35	5	5
17	30	6	5
18	27	5	6
19	69	5	5
20	5	3	5
21	27	5	5
22	27	5	5
23	30	5	5
24	15	5	5
25	6	4	5
26	10	5	5
27	6	4	5
28	6	4	5
29	6	4	5
30	6	5	5
31	6	5	5
32	50	5	5
33	36	5	5
34	**36**	**5**	**5**

«При раскопке траншей обнаружено:

В траншее № 1 на глубине 3 метра идет слой пепла с остатками несгоревших человеческих костей, толщиной 0,7 м. В этом пепле обнаружен пустой кожаный бумажник, дамский кошелёк, гребенка. На этой же глубине вдоль траншеи лежит пять рельсов, под которыми в пепле лежат разложившие[ся] трупы.

В траншее № 3 на глубине 0,5 метра идет слой в один метр пепла с обгоревшими мелкими костями. В этой же траншее на глубине 2 метра лежит множество разложившихся человеческих трупов, которые издают зловонный запах. Там же лежит несколько обугливших сосновых

деревьев толщиной от 10 до 20 см и ветви хвороста. Обгоревшие 3 котелка, оправа от очков.

В яме № 6 на глубине 3 метра идет слой пепла с костями толщиной 50 см, в котором обнаружены: обгоревшая дамская галоша, куски материи, обгоревший котелок, коробка, перочинный нож, столовая вилка, ложка, дамская туфля, бумажник и много хвороста.

В траншее № 11 на глубине 2 метра идет слой в 60 см пепла с костями, накрытый сосновыми ветвями.

В траншее № 34 на глубине 2 метра имеется слой пепла с костями и хворост.

Вокруг этих траншей в различных местах на площади снят дёрн.

Во время осмотра сделано 65 фотоснимков, составлено 4 плана расположения места, все это приобщается к настоящему протоколу».

Свидетельство о внешнем облике урочища имеется в следственном эксперименте 1955 г. («...выехали на Могилевское шоссе, по которому проехали 11–12 километров. После чего повернули в левую сторону на проселочную дорогу, по которой проехали примерно с полкилометра в направлении хвойного леса, и выехали на небольшую поляну, примерно 300 на 400 метров, рядом с которой проходила проселочная дорога, вокруг ее растут хвойные деревья»[1]. В показаниях 1968 г. имеется «немецкое» описание урочища Благовщина («...Обходя посты, я мог с различных позиций видеть, как идет работа в траншеях, заполненных трупами. Они имели значительную длину и находились в двух параллельных рядах. Комплекс этих захоронений образовывал большой прямоугольник, размеры которого я затрудняюсь назвать»)[2].

С момента начала земляных и строительных работ (август 2017 г.) на объекте «Мемориальный комплекс „Тростенец“. 2-я очередь строительства. 1-й этап строительства» в урочище Благовщина осуществлялось археологическое сопровождение всего комплекса земляных и строительных работ. Следует отметить, что такого рода археологические работы пока не характерны для белорусской археологической науки. В настоящий момент на законодательном уровне закреплён «срок давности» археологического объекта и археологического артефакта в 120 лет. Однако, за последние несколько десятилетий, белорусские археологи стали активней участвовать в археолого-эксгумационных работах в местах политических репрессий 1930-х – начала 1940-х гг. и результаты, полученные в соответствии со строгой методикой обработки материала

[1] Там же. С. 164.
[2] Там же. С. 200–201.

и последующей интерпретацией, отличаются высокой ступенью убедительности. Кроме того, археология Новейшего времени сейчас получает новый импульс развития, активно переходя к изучению военной археологии, археологии конфликтов, археологии жертв периода XIX–XX вв. Следуя в русле этой тенденции, находим это направление крайне необходимым и воспринимаем его как полноценное фундаментальное научное направление.

Проект по мемориализации траншей-могил в Благовщине предусматривал достаточно масштабные работы, которые, по нашему мнению, привели к значительному изменению сложившегося ландшафта, в котором на дневной поверхности фиксировались остатки траншей-могил октября – декабря 1943 г. В определённом смысле чётко узнавалось место преступления со следами его сокрытия. В археологическом отношении данное место визуально фиксировалось западинами могил, а на дневной поверхности, в грунте вывороченых пней, в «закопушках» «черных копателей» встречались отдельные фрагменты личных вещей жертв (расчёски, гребни, фрагменты посуды) и кальцинированные кости.

Подготовительные и земляные работы заключались в следующем:

– В связи со значительной залесенностью урочища Благовщина подрядными организациями была осуществлена таксация деревьев и вырезка кустарниковой растительности;

– Фактически на всей территории урочища Благовщина тяжёлой техникой был снят дерновый (моховый) верхний слой. Часть этого грунта складировалась на пространстве между траншеями-могилами № 4 и № 5;

– Траншеи разрабатывались механизированным способом (бульдозер, экскаватор, погрузчик). В большинстве случаев грунт разрабатывался на всей площади траншей-могил (выемка грунта на глубину до 0,6–0,7 м). В отдельных случаях грунт разрабатывался исключительно в границах будущего ленточного фундамента также на глубину до 0,6–0,7 м;

– Снятый грунт грузился на самосвалы и «перемещался» исключительно в границах урочища Благовщина и складировался для последующей засыпки.

Методика археологических работ:

– Территория всего урочища Благовщина, отвалы грунта (включая локализуемые траншеи-могилы, межтраншейное пространство, создаваемые пешеходные дорожки, траншеи инженерных коммуникаций) тщательно просматривались с целью поиска археологических артефактов (личные бытовые вещи уничтоженных людей, гильзы и пули). Мониторингу подвергались все земляные работы, связанные

с перемещением снятого ранее с поверхности урочища грунта, складированного в несколько огромных куч. Использование его на подсыпку и дальнейшее разравнивание постоянно приводило в выявлению новых археологических артефактов. При работе использовались металлодетекторы XP Deus и Minelab Explorer;

– На всей территории историко-культурной ценности проводился сбор подъёмного материала (бытовые и личные вещи (миски, тарелки, котелки, термосы, ложки, вилки, столовые и перочинные ножи, ножницы, зубные щётки, тюбики зубной пасты, очки, футляры от очков, аптечная посуда, лекарства, монеты, украшения, награды, расчёски, фрагменты обуви и т. д.). «Привязка» данных артефактов производилась к конкретной траншее-могиле. Их «привязка» к конкретному месту обнаружения в траншее-могиле выглядела совершенно нецелесообразно, т. к. масштабная эксгумация могил осенью – зимой 1943 г., дальнейшее сожжение тел и перемещение останков в новые траншеи-могилы, безусловно привело к значительным перемещениям грунта с сопровождающими их вещами. Кроме того, совершенно очевидно, что личные вещи и их фрагменты встречались абсолютно везде (как в заполнении траншей-могил, так и в «межтраншейном» пространстве). В ряде мест урочища нам удалось зафиксировать «аномально» большое количество личных предметов, что возможно объяснить их намеренной утилизацией (складированием?);

– Производилась фото-фиксация общей панорамы работы, траншей-могил, профилей стен траншей и велось описание наличия/отсутствия культурного слоя и стратиграфии;

– Производился сбор костного антропологического материала, представленного разрозненными костными останками скелета (черепа и их фрагменты, бедренные кости, лучевые кости, позвонки, ребра и т. д.). Их привязка на территории урочища также осуществлялась к конкретной траншее-могиле;

Наблюдение за земляными работами показало:

– Культурные напластования[1] отсутствуют, что говорит об незаселённости данного места;

[1]Понятие «культурный слой» в отношении «археологии катастроф» и «военной археологии» понятие достаточно условное и не соответствующее классическим археологическим стандартам. На расстрельном полигоне, где не было проживания, хозяйственной деятельности и т. п., классического культурного слоя с соответствующей специфической окраской и консистенцией сформироваться, естественно, не могло. В нашем случае речь может идти исключительно об отдельных артефактах, которые «выпали» в окружающую природную среду

– Повсеместно по площади урочища Благовщина присутствуют кальцинированные человеческие кости, которые являются прямым свидетельством операции зондеркоманды «1005 – Центр» по эксгумации и сжиганию тел в октябре – декабре 1943 г. В то же время, не выявлена бетонная площадка, которая использовалась для «перемалывания» костных останков с целью поиска золотых и серебрянных изделий, которая упоминается в документах («Находясь в оцеплении, я видел, как заключенные советские граждане из больших траншей металлическими крючьями вытаскивали трупы. Эти трупы они складывали в большие штабеля вперемежку с дровами, обливали штабеля горючей жидкостью и поджигали. Здесь же была бетонированная площадка, на которой обуглившиеся кости дробили. Этой работой по складыванию трупов в штабеля и сжиганию их занималось примерно пятьдесят заключенных)[1].

Не исключено, что здесь есть небольшое заблуждение, связанное со значительным периодом времени между данными событиями (осень 1943 г. и допросом обвиняемого 1974 г.), т. к. в других допросах бетонная площадка не фигурирует, а сожжение извлечённых трупов происходило не только на поверхности, но и на дне траншей «....После того, как могилы были разрыты, оттуда железными крюками вытягивались трупы, которые складывались на носилки и доставлялись к костру. Там трупы были уложены в штабеля таким образом, чтобы на один слой дров клался один слой трупов, поверх него снова шёл пласт дров, а затем снова – слой трупов. Костры находились в ямах глубиной около 5 м. Пока Гардер руководил подразделением, костры заливались сверху бензином, а позднее чёрной горючей смесью, которая доставлялась военной авиацией. Костры поджигали переводчики, которые были проинструктированы Гардером. Сначала прах разбивался на куски молотком для того, чтобы не оставались остатки костей, а потом выбрасывался в открытые ямы. Затем ямы засыпались землёй...»[2]. По нашему мнению, возникает практический вопрос перемещения сожжённых останков обратно в вырытые заново (?) траншеи-могилы. Не исключено, что здесь также

или искусственно сокрытых тем или иным образом при чрезвычайных обстоятельствах. Данные артефакты демонстрируют собственно процесс археологизации, который хронологически соответствует состоявшемуся событию (в нашем случае – периоду мая 1942 – декабря 1943 гг.)

[1] Лагерь смерти «Тростенец». Документы и материалы. / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. Е. Калесник, В. Д. Селеменев, Н. А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн.: НАРБ, 2003. – 292 с. – Мн., 2003. С. 179.

[2] Там же. С. 183.

могла использоваться техника (бульдозер?), который мог переместить значительную массу сожжённых (полусожжённых) деревьев (углей) вперемежку с сожженными (полусожжёнными) телами. Факт использования тяжёлой техники для отрытия траншей не отражен в письменных источниках, в то время как имеется упоминание о последующей трамбовке тяжёлой техникой территории траншей-могил («...В урочище Благовщина, 1 км от Тростенца по шоссе в направлении Могилева, немцы вырыли силами заключенных в лагере ямы, размером 30х15 м (таких ям здесь было 25–30), куда «черные вороны» возили мирное население со всех областей, и, когда ямы были наполнены, их утрамбовывали дорожными катками и трактором, заравнивали и закладывали дерном», «...Я лично видел, как немцы трупы расстрелянных в ямах утрамбовывали гусеничным трактором, затем вновь накладывали трупы и так утрамбовку производили доверху»[1]. При археологическом наблюдении при разработке грунта в районе траншей-могил № 19 и № 17 выявлены небольшие траки, которые были определены как траки от советской танкетки Т-27. Не исключено, что данная советская танкетка (переделанная?) могла использоваться при трамбовке тел в траншеях-могилах[2] и была принята свидетелями (?) за бульдозер. Показанию данных свидетелей, по нашему мнению, можно доверять, хотя, не совсем понятен источник их информации, тем более сомнение вызывает «лично видел...», учитывая особенности организации охраны периметра урочища Благовщина во время проведения акций уничтожения. По нашему мнению, трамбовка тел в траншеях-могилах действительно происходила, на что указывает и множество сильно деформированной посуды;

– Кальцинированные останки также были отмечены и за основным периметров известных траншей-могил (например к северу от траншей № 26, 27 после таксации деревьев). Данный факт может свидетельствовать о том, что масив могил (мест сожжений?) может быть гораздо большим, чем отмеченный на плане ЧГК июля 1944 г., который положен в основу проекта;

Выявление костных останков в процессе археологического сопровождения земляных работ осени-зимы 2017 г. демонстрирует тот факт, что, вероятно, не все тела подвергались сжиганию в штабелях дров. Описание шурфов ЧГК июля 1944 г. также говорит о том, что встречались

[1] Там же. С. 54, 95–96, 103.

[2] В то же время, нельзя исключать и того, что данные траки были утеряны еще на этой территории в бытность здесь советского полигона (?). Хотя нахождение траков в заполнении траншей-могил и вместе с личными вещами, склоняет нас к первой версии.

и просто разложившиеся трупы (например, траншеи № 1 и № 3). Антропологическое определение костных останков, проведённое Емельянчик О. А., показало, что среди них можно выделить останки не менее 41-го человека, из которых 24 взрослых, 5 подростков, 12 детей (самый младший из которых в возрасте 4–5 лет). В 10-ти случаях, когда было возможным определение возраста, 6 индивидов были в возрасте старше 50 лет, 3 индивида – в возрасте 20–30 лет и один индивид – в возрасте 30–40 лет. В большинстве случаев пол сложно было определить из-за фрагментарности останков, при этом во всех случаях, когда определение пола было возможно, останки принадлежали женщинам. Средняя длина тела взрослых оставила 162,4 см, при этом минимальная длина тела составила 155 см, максимальная – 177 см. На 4-х нижних челюстях были зафиксированы пломбы (из них в двух случаях – на детских челюстях). В ряде случаев на суставных поверхностях длинных трубчатых костей костях были зафиксированы ряды параллельных насечек, нанесенных, скорее всего, посмертно. По нашему мнению, данные повреждения – свидетельство изъятия тел с помощью железных крюков из могил в период октября – декабря 1943 г.;

– Примечателен факт обнаружения железнодорожных рельс, которые, видимо, также играли свою роль в методике уничтожения и дальнейшего сокрытия следов массовых убийств 1942–1943 гг. Их встречаемость отражена в отчёте ЧГК ("...в траншее № 1 на глубине 3 метра .... вдоль траншеи лежит пять рельсов, под которыми в пепле лежат разложившие[ся] трупы»). Странно, что факт их использования рельсов никак не отражен в материалах следствия и воспоминаниях. Возможно это объясняется эпизодическим их использованием. В 2017 г. при разработке котлованов для устройства траншей-могил № 3, 4 (в их восточной части, на глубинах 0,5–0,7 м) выявлены железнодорожные рельсы. Длина этих рельс колебалась от 1,5 до 4,0 м. По нашему предложению, часть этих рельс была извлечена, а проектирующей организации (УП «Минскпроект») было направлено письмо с предложением найти решение дальнейшего применения данных рельс, как непосредственно относящихся к методике уничтожения и дальнейшего сокрытия жертв 1942–1943 гг. Следует только сожалеть, что рельсы так и не нашли своего применения в экспонировании и мемориализации;

– Характер расположения артефактов свидетельствуют, что они расположены неравномерно на всей площади урочища Благовщина. Отмечается их концентрация в районе траншей-могил, а также в восточной части урочища. Примечательно то, что они встречаются на всех глубинах (от дневной поверхности до 0,7–0,8 м / т. е. на глубину ведения

земляных работ 2017 г.). Данный факт может свидетельствовать о том, что встречаемость вещей не прекратится и глубже;

– Совершенно очевидно, что выявленные артефакты находятся в переотложеном состоянии, а учитывая факт неоднократного перекапывания урочища, это влекло за собой перемещения как грунта, так и вещей;

– Исключительно высокая встречаемость гильз в районе природного возвышения в западной части урочища Благовщина (между траншеями № 4–6) может косвенно свидетельствовать, что выявлено «расстрельное место» или, по крайне мере, одно из первых расстрельных мест. Именно к этому месту ведёт дорожка[1], показанная на плане В. Ф. Володько пунктирной линией. Топографически данное место господствовало над всем урочищем Благовщина приблизительно на 2,0–3,0 м;

– Самыми «массовыми» гильзами, которые встречаются в Благовщине являются гильзы калибра 7,65 мм, которые могли принадлежать пистолету системы "Walther PPK" или "Browning M1900" (клейма «GECO», «RWS», «* F N», «В «DWM B 47 9A" и др.); 9 мм, которые могли принадлежать пистолету "Walter P38", "Parabellum / Borchardt-Luger" или пистолету-пулемёту «MP 38/40» (клейма «...**41**» «*/1/**41**ОХО», «*23/**38**/P», «67/19/**41**/Кам», «*/3/**41**/ dnh», «...**39** ...», «3 **41** dnh», «P * 23 **38**», «67/17/**40**/kam» и др.); гильзы патрона 7,92х57 мм от винтовки Mauser 98k (наиболее массовое стрелковое оружие вермахта) (клейма «S*/8/**39**/P131», «IX/W/1/61/**39**/P370» и др.); винтовочные гильзы 7,62 х 54 мм (от винтовки системы Мосина) (клейма «ЗВ **39**», «...**38**», «17 **38**», «ЗВ **38**», «...**28**», «17 **35**», «Л 27», "188..", «17 **38**», «54 **38**» и др.). Превалирование пистолетных гильз свидетельствует о расстрелах с близкого расстояния;

- собранный материал имеет датировку от конца XIX в. до 40-х гг. XX вв., а сама коллекция собранных изделий составляет на данный момент несколько тысяч единиц. Основное их количество – это бытовые и личные вещи (миски, тарелки, котелки, термосы, ложки, вилки, столовые и перочинные ножи, ножницы, зубные щётки, тюбики зубной пасты, очки, футляры от очков, аптечная посуда, лекарства, монеты, украшения, награды, расчёски, фрагменты обуви и т. д.);

– подавляющее количество артефактов имеет западноевропейское происхождение (Германия, Австрия, Чехословакия) (эмалированная посуда с клеймами производителей, термосы, фляги, тюбики зубной пасты с остатками надписей, зубные щётки, расчёски с клеймами, ложки

[1]Вероятно, именно по этой лесной дорожке и заводили партии людей для последующего убийства от места остановки машин у пересечения лесных дорог.

и вилки с клеймами, аптечная посуда и лекарства с клеймами, остатки документов, монеты Германии, Австрии, Богемии и Моравии, Чехословакии, Швейцарии, обувные суппинаторы, губные помады, пудреницы, очки, зажигалки портсигары, наручные и карманные часы, броши, станки для бритья, ножницы, пластмассовые зубные протезы, а также зубные коронки и «мосты» как из нержавеющего сплава, и с драгоценного металла и т. д.), что убедительно маркирует уничтоженное депортированное население. Кроме того, встречаются и артефакты советского происхождения, что маркируется находками монет, аллюминевых ложек, эмалированных кружек, подошвами из автомобильной резины, галошами фабрики «Красный Большевик», что показывает и значительное присутствие уничтоженного советского населения, а также и евреев минского гетто. Значительная диспропорция в количестве артефактов «западноевропейского» и «советского» происхождения объясняется, в том числе, и особенностями «попадания» людей на расстрельный полигон. Естественно, что люди, готовившиеся к переселению на новое место и люди, схваченные во время облав в гетто и на улицах Минска или привезённые из тюрем города, будут иметь разный по представительности набор предметов.

Крайне важными, по нашему мнению, являются остатки документов, от т. н. «Kennkarte» (паспорт, идентификационный номер, удостоверение личности) – основного документа, который удостоверял личность гражданина Германии и введён в Германии 22 июля 1938 года. "Kennkarte" выдавался в отделении полиции по месту жительства. С 1938-го по 1940 год его получали только мужчины, достигшие 18 лет, но с началом войны документ стал обязателен для всех граждан старше 15 лет. Внутренний разворот "Kennkarte" вмещал основную информацию о ее владельце. Три печати на одной странице "Kennkarte" были обязательными. Одна из них ставилась поверх отпечатка пальца, вторая – на левый нижний угол фотографии, третья – на традиционное место рядом с подписью визировавшего лица. Это была своего рода страховка от подделок. Большинство фотографий надежно фиксировались с помощью двух канцелярских колец из-за чего на фото и самом документе от такого крепежа оставались небольшие круглые отверстия. В собранной коллекции имеется около десятка обложек от Kennkarte, но, к сожалению, только в 3-х просматриваются остатки сотлевшей бумаги с данными владельцев.

На нескольких выявленных предметах имеются процарапанные буквы, которые также пока невозможно интерпретировать в фамилии или имена («АРХП» – на алюминевой ложке (вилке?) (могила № 33) и зубной щётке ("IE") (могила № 32), дверной табличке (?) (KLUGER);

– среди массово выявленных артефактов присутствует несколько десятков металлических лопат, которыми собственно и выкапывались траншеи-могилы. В то же время, по нашему мнению, разработка траншей длиной до 50 м, глубиной 4–5 м и шириной 4–5 м крайне проблематично исключительно ручным способом. При таких масштабах земляных работ неизбежно остро стал бы вопрос о проблеме выброса и складирования таких объёмов выкопанного грунта. Как показывает практика поисковых работ, вкупе с данными свидетелей, глубина «расстрельных ям» обычно колебалась между 2,0 и 2,5 м при ширине до 2,5–3,0 м. В связи с этим можно предполагать, что расчёт количества уничтоженных людей основанный на параметрах траншей и площади, которую может занимать одно тело, является недостаточно методически обоснованным. Не исключено, что глубина и ширина данных траншей-могил, указанная в заключении ЧГК 1944 г., завышена. Нужно также понимать, что зафиксированные в июле 1944 г. 34 траншеи-могилы являются следствием работы зондеркоманды 1005. Количество траншей, которые уже существовали к октябрю 1943 г., неизвестно.

К сожалению, формат статьи не позволяет в полном объёме остановиться на развёрнутой характеристике выявленных артефактов. Авторские же выводы полученные в результате археологической интерпретации нахожения артефактов, расположения траншей, общего восприятия урочища Благовщина как места масштабного уничтожения людей в период мая 1942 – декабря 1943 гг., в некоторой степени противоречат общепринятой трактовке, в связи с чем готовится монографическое исследовани, где и будет представлена новая картина урочища Благовщина, какой она предстаёт через новый вид источников – личные вещи жертв, которые находились в последнем использовании людей.

П.Ф. Рагимова

Собибор – символ победы над нацизмом

Рагимова Периханум Ферезуллаевна – доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к. и. н., доцент

Из огромного количества, созданных нацистами, концентрационных лагерей во время Второй мировой войны одержать как минимум моральную победу удалось лишь узникам лагеря «Собибор», созданного на юго-востоке Польши в мае 1942 года. В лагерь свозили евреев со всей Европы: Польши, Франции, Нидерландов, СССР. За время существования «Собибора» – с мая 1942 года по ноябрь 1943 года – нацистами было уничтожено, по разным данным, от 150 до 250 тысяч человек. Остановить бесконечную «машину смерти» удалось восставшим и замученным узникам лагеря. Безусловно, восстание не имело бы того размаха, которое оно имело, без тщательной подготовки всех организаторов восстания. Однако, не будь идейного вдохновителя, в лице Александра Ароновича Печерского, оно бы не произошло.

В «Собибор» он попал при следующих обстоятельствах.

Сразу после начала войны Печерский, как и многие призванные в армию солдаты, был брошен в зону самых страшных боевых действий. Оказавшись в «вяземском котле», попав в окружение, Печерский оказывается в плену. Там, после неудачного побега, был отправлен в числе других беглецов в штрафной лагерь в Борисове, а оттуда – в Минск.

До «Собибора» Печерскому пришлось испытать в полной мере все лишения и тяготы, физические и моральные, которые мог испытать человек, оказавшись в нечеловеческих условиях. Так он попадает в «Лесной лагерь» в Минске. Здесь, во время медицинского осмотра, охранникам удалось выяснить его еврейское происхождение. После чего он был посажен в подвал, называемый «еврейским погребом». Там, в течение десяти дней, он просидел в полной темноте.

Оттуда в августе 1942 года он был отправлен в минский «рабочий лагерь» СС на улице Широкой, в котором находились евреи из минского гетто и евреи военнопленные. В минском «рабочем лагере» он находился до сентября 1943 г. В сентябре 1943 г. Печерский был отправлен в концетрационный лагерь «Собибор». Если для многих узников лагеря «Собибор» был первой и последней «адской машиной», то для Печерского это была очередная «машина смерти» и, быть

может, этот факт способствовал тому, что он стал идейным вдохновителем восстания в Собиборе.

После очередных издевательств над заключенными, Печерский и его единомышленники решились на отчаянный шаг — на массовый побег. 14 октября 1943 года узникам лагеря смерти удается поднять восстание. Согласно плану Печерского, заключённые должны были тайно и поодиночке ликвидировать персонал лагеря, а затем, завладев оружием, находившимся на складе лагеря, перебить охрану. План удался лишь частично — восставшие смогли убить 12 эсэсовцев из персонала лагеря, но завладеть оружейным складом не удалось. Охрана открыла огонь по заключённым и они вынуждены были прорываться из лагеря через минные поля.

Из почти 550 заключённых лагеря 130 не приняли участие в восстании (остались в лагере), около 80 погибли при побеге, ещё 170 были пойманы немцами в ходе широкомасштабных поисков. Часть восставших погибло от рук враждебно настроенного местного населения.

Все оставшиеся в лагере и пойманные после побега были убиты нацистами. До конца войны дожили лишь 53 участника восстания.

Восемь евреев, из числа бывших советских военнопленных, Печерский привёл в Белоруссию, здесь они вступили в партизанский отряд, воевали взрывниками до лета 1944 года, пока партизанские отряды не соединились с Красной Армией. Однако, Печерскому еще предстояло доказать, что он не предатель, ведь воннослужащий, попавщий в плен, в СССР считался изменником Родины. Вскоре Печерский оказался в штурмовом батальоне, сформированном из числа офицеров Красной Армии, попавших в плен или на оккупированную территорию, что-то вроде штрафбата. Разница была лишь в том, что срок пребывания в штурмбате составлял два месяца, а в штрафбате — до трех.

Согласно картотеке Центрального Архива Министерства обороны РФ «Печерский Александр Аронович, стрелок, бывш. техн. инт. 2-го ранга, 1909 г. р., <...> прибыл из спецлагеря НКВД № 174». Спецлагерь НКВД № 174 (его еще называли «чистилищем Смерша») располагался в Подольске. Таким образом, Печерскому удалось пройти все проверки советской контрразведки. О восстании в Собиборе он рассказал командиру батальона майору Андрееву. Майор настолько был потрясен рассказом, что, вопреки запрету покидать расположение батальона, разрешил Печерскому поехать в Москву, в «Комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников».

Прибыв в Москву, Печерский по рекомендации майора Андреева рассказал о случившемся «Комиссии по расследованию злодеяний

немецко-фашистских захватчиков и их пособников». В Комиссии рассказ Печерского выслушали писатели Павел Антокольский и Вениамин Каверин, которые на основе рассказанного в апреле 1945 г. опубликовали очерк «Восстание в Собиборе». После войны очерк вошёл во всемирно известный сборник «Чёрная книга». С 1947 г. сборник находился под запретом и долгие годы в России не издавался.

К сожалению, власть не испытывала желание по достоинству оценить заслуги Печерского. Лишь 19 мая 1949 года Александр Печерский был представлен к награждению за проявленную храбрость в бою орденом Отечественной войны II степени, однако, 10 июня 1949 года ростовский облвоенком генерал-майор Сафонов изменил награду на медаль «За боевые заслуги». Жизнь продолжала испытывать Печерского, в 1948 г. он был обвинен в космополитизме, за что лишился работы и в течение пяти лет никуда не мог устроиться. Только после смерти Сталина Печерский смог в 1954 году устроиться на работу, на завод «Ростметиз» мастером багетного цеха.

Так долгие годы без признания и всяких почестей жил человек, сумевший вдохновить и повести за собой десятки безоружных, обезумевщих от страха людей. Лишь спустя десятилетия, в шестидесятые годы, ему дали возможность ездить со своими воспоминаниями по школам, библиотекам, иногда что-то из его воспоминаний появлялось в печатных изданиях. Его имя на долгие годы было забыто. Даже какие-то попытки с его стороны воссоздать события тех лет, никак не поддерживались властью. К примеру, чтобы сохранить память, Печерский в начале шестидесятых годов собственными руками соорудил макет лагеря. Он какое-то время простоял в экспозиции ростовского музея. А потом был выброшен на свалку. Тем не менее, Печерский неустанно, насколько это было возможно при той советской реальности, делал все, чтобы подрастающее поколение знало и помнило ужас, творившийся нацистами. В 1946 году им была издана книга воспоминаний на идише – «Дэр уфштанд ин Собибур» («Восстание в Собиборе»), другой вариант воспоминаний был напечатан в московском журнале «Советиш геймланд», № 12, 1973. В 1963 году Александр Печерский выступил свидетелем обвинения на процессе одиннадцати охранников лагеря «Собибор». Вёл активную переписку с участниками восстания, журналистами, историками. В 1987 году в Великобритании (при участии Югославии) режиссёр Джек Голд (англ.) снял блокбастер «Побег из Собибора» по книге Ричарда Рашке. Главную роль – Александра Печерского – сыграл Рутгер Хауэр. Хауэр за роль солдата Саши получил «Золотой глобус». Самого Печерского на премьере фильма не было. Александр Аронович Печерский

умер 19 января 1990 года. Похоронен на Северном кладбище Ростова-на-Дону. Только спустя много десятилетий широкая общественность узнала о героизме Печерского и его единомышленников.

С 2007 года в доме, где жил Печерский в Ростове-на-Дону, появилась мемориальная доска в память о нем. В Израиле в городе Цфат названа одна из улиц его именем. Именем Печерского названы улицы в Москве, в Ростове-на-Дону, в Кременчуге. В 2016 г. Указом Президента России Владимира Владимировича Путина Печерский посмертно награжден орденом Мужества.

Восстание, организованное Печерским и заключенными лагеря, легло в основу фильма, снятого Константином Хабенским, «Собибор». 3 мая 2018 г. состоялась премьера фильма в России. Фильм с аншлагом прошел в Польше, в Израиле, во Франции.

Хотелось бы подчеркнуть, что восстание в «Собиборе» не единственное восстание в лагерях смерти в истории Второй мировой войны. За несколько месяцев до событий в Собиборе, не менее героическое восстание произошло в польском Треблинке. В феврале 1945 года советские военнопленные совершили побег из «блока смерти» в Освенциме. Однако, «Собибор» относится к редкому исключению лагерей, который фашисты стерли с лица земли, как лагерь смерти, напоминающий о подвиге не сломленных морально и физически людей.

В.Г. Васенин

Расовая квалификация избирателей в США в XIX веке

Васенин Виталий Гаврилович – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Избирательное право в США определено и регулируется конституционно-нормативными документами и решениями судов высшей инстанции как федерального уровня, так и на уровне отдельных штатов – в данном контексте речь идёт об объективном избирательном праве. Вместе с тем множество факторов, воздействующих на индивида, его личностные качества определяют степень возможности воспользоваться этим правом, что составляет суть субъективного избирательного права. Оно субъективно в том смысле, что связано с человеком, принадлежит ему и зависит от его возможностей.

В работе рассматривается вопрос соответствия субъективного избирательного права чернокожих и коренных жителей североамериканских территорий статусу действительного участника избирательного процесса в США в условиях расовых квалификационных и других нормативно-правовых ограничений, как самих участников электорального процесса, так и их права голоса.

Исследование базируется на документах: 1) двухтомное издание «Федеральная Конституция и конституции штатов, колониальные Хартии и другие Основные законы Соединенных Штатов»[1]; 2) серийное издание «Государственные Уставы в целом»[2] – официальный источнике «Законов и постановлений, принятых Конгрессом с 1845 г., а также Устав включает в себя тексты Декларации независимости, Статей Конфедерации, Конституций, поправок к Конституциям, договоров с индейцами и иностранными народами, а также провозглашения президента».

В качестве вступления, предваряющего анализ в рамках предметной области исследования, рассмотрены базовые конституционные положения, исторически определившие ход избирательного процесса

[1] The federal and state constitutions, colonial charters, and other organic laws of the United States. Part 1. Second Ed. Compiled under an order of the United States Senate by B. P. Poore. Washington: Government Printing Office. 1787. P. 1019; Второй том (Part II) опубликован одновременно с первым, его объём составляет 1083 страницы.

[2] Public Statutes at Large of the United States of America / URL: https://memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwsl.html

и участия в нем коренных жителей Северной Америки и купленных на рынках и завезенных на континент темнокожих.

О конституционных истоках проблемы избирательного права североамериканских жителей и чернокожих. Регулирование электоральных прав жителей на осваиваемых территориях осуществлялось законами колоний, которые своим содержанием и формой следовали английскому праву. Война за независимость, а также последовавшие революционные события представляли собой энергию огромного потенциала, которая проявилась при формировании обособленных систем власти в Содружестве тринадцати государств. В большинстве конституций заметно раскрылись местные предубеждения и склонности, связанные, в том числе и с правами избирателей.

Создание и принятие Конституции США происходило в условиях жёстких противоречий по основополагающим принципам. Делегаты Филадельфийского конвента опасались излишеств демократии, содержащихся в конституциях отдельных штатов (в ряде случаев продолжали действовать колониальные Хартии) и предпочли оставить штатам деликатные вопросы регулирования избирательного права. Единственное положение о требованиях к избирателям депутатов в Конгресс, сроках, месте и порядке проведения выборов было определено Первой статьёй Конституции. Все дискуссии и эксперименты по дальнейшему расширению избирательного права проводились в границах штатов, за исключением, пожалуй, вопроса избирательного права темнокожих, который в силу итогов Гражданской войны оказался в поле общенациональной повестки.

Анализ содержания текста Конституции высвечивает истоки этой проблемы. Первыми словами «We, the People of the United States, ...» Основной закон вновь формируемого государства определил, что народ является источником конституционного права. Но в тексте отсутствует слово «демократия» и любые его производные; нет утверждения, что граждане страны имеют права голоса, однако, есть ограничения права голоса по возрасту, гражданству и оседлости. Прямые выборы членов Палаты представителей, которые должны осуществляться «народом отдельных штатов», до 1840-х гг. в штатах Новой Англии при отсутствии требуемого перевеса в числе голосов переносились в легислатуру. Принятие в 1844–45 гг. актов о повторных выборах позволило остановить практику подмены избрания членов Палаты представителей Конгресса США «народом отдельных штатов» на избрание/назначение представителей легислатурой штата.

Во время работы Конституционного конвента (1787) представители политической элиты уделили особое внимание порядку избрания президента страны, наделённого широкими полномочиями. Предлагались

различные способы избрания главы исполнительной власти – прямое голосование всего народа, выборы членами федерального конгресса, легислатурами штатов, специально отобранными для этой цели представителями населения – президентскими выборщиками. Вариант избрания президента законодательными собраниями штатов создавал угрозу ущемления полномочий федеральной власти в пользу штатов и вследствие этого был отклонен. Предложение о наделении Конгресса полномочиями в избрании президента почти сразу было отвергнуто на том основании, что такой способ создавал опасность нарушения баланса, созданного принципом разделения властей. Главным доводом противников прямого избрания было то, что рядовые граждане не обладают необходимыми знаниями достоинств выдвигаемых кандидатов в такой степени, чтобы сделать свой выбор осмысленно. В результате 4 сентября 1787 г. специально созданный «Комитет по разработке деталей Конституции» сумел достичь компромиссного решения[1]. С этого времени избрание президента США осуществляется коллегией выборщиков.

Способ избрания президента, когда «каждый штат назначает в порядке, указанном его законодательным собранием, выборщиков», породил от штата к штату разнообразие в процедуре формирования электоральной коллегии как института президентских выборщиков. Порядок избрания/назначения выборщиков изменялся даже в рамках одного штата от одних выборов к другим. Вплоть до президентских выборов 1800 г. выборщики «назначались» легислатурой штата, за исключением штатов Кентукки, Мериленда, Северной Каролины, Род-Айленда и Виргинии, где их избирали прямым голосованием по округам или в целом по штату. В Южной Каролине президентские выборщики, включая выборы 1836 г. назначались/избирались легислатурой штата, рядовые избиратели не участвовали в выборах. В разных штатах существовали и другие замысловатые методы формирования коллегии выборщиков[2]. Цепочку посредников при формировании электоральной коллегии, к примеру, в штате Теннеси, можно представить в виде: избиратель – выборщик – выборщик. В таком порядке отобранные представители штата голосовали за номинированных кокусами кандидатов в президенты. Результаты голосования в запечатанном виде от каждого штата передавались председателю Верхней палаты Конгресса, где происходил окончательный под-

[1] Guide to U. S. Elections. Congressional Quartely Inc. Washington, 1975. P.2011.
[2] Васенин В. Г. Методические проблемы источниковедческого анализа электоральной статистики США в 1-й половине XIX века // Компьютер открывает Америку. – Сборник статей ИВИ АН СССР. – Изд-во. ИВИ АН СССР, 1989. – С. 67.

счет голосов и определялся победитель. Конвент боялся наделить Конгресс правом выбора президента, но еще больше боялся дать это право народу. Косвенные выборы в два-три этапа были распространённой практикой. Таким образом, действие второй статьи Конституции США определившей косвенные, а не прямые выборы главы исполнительной власти, позволило отдалить рядового избирателя от кандидата в президенты на значительное расстояние.

Еще одной конституционной нормой, объектом дискриминационного воздействия которой были индейцы и рабы, был определен метод представительства штатов, а соответственно и их граждан/жителей в Нижней палате Конгресса США. Количество представителей от штата определялось пропорцией, зависящей от «числа свободных людей, включая находящихся во временном услужении, исключая индейцев, не подлежащих обложению налогами, – три пятых всех остальных»[1].

Такой подход, когда право участия в федеральных выборах имели те, кто в каждом конкретном штате был признан достойным этой чести, обеспечивал конституционную поддержку легислатурам штатов ограничивать избирательное право своих граждан. Этому способствовало и положение Конституции, согласно которому «Конгресс может в любое время по закону принять или изменить такие правила [порядок проведения выборов сенаторов и членов Палаты представителей]»[2].

***

Исследование вышеобозначенной проблемы предполагает поиск ответов в двух направлениях. Какими в действительности были возможности в осуществлении электорального права темнокожими жителями/гражданами, а также индейцами, являющимися коренными населением, рождёнными на данной территории? Для целостности восприятия процесса изменения субъективного избирательного права в отдельные периоды времени необходим ретроспективный взгляд на предысторию его возникновения.

«В то время как ранние американские колонизаторы поддерживали политическую философию, которая продвигала равенство, гражданские права и демократию для всех людей, они также решили, что негры будут служить рабами»[3], а индейцы, не желающие освободить земли и препятствующие экспансии колонистов на Запад – должны быть «выдавлены».

[1] The federal and state constitutions. Part I. Art.1, Sec.2. p.14
[2] The federal and state constitutions. Part I. Art.1, Sec.4. p.14.
[3] George M. Fredrickson, Racism: A Short History/ Scribe Publications, 2002. P.207

В колониальный период, когда территориальная экспансия, освоение и обустройство новых земель требовали ресурсной поддержки, «небелые» воспринимались европейскими колонистами, как внешней угрозой, так и дополнительной возможностью. «Индейцы Новой Англии так и не нашли своего места в рамках колониальной системы. Страх, недоверие и пренебрежение колонистов привели к тому, что попытки индейцев добиться равноправия, переняв веру и образ жизни колонистов, оказались совершенно безуспешными»[1]. На протяжении более двух столетий индейцы, никогда не ассимилировавшиеся в значительных количествах, неуклонно отодвигались на второй, а то и на третий план в политической жизни, как локальных сообществ, так и страны в целом.

В период администрации президента Эндрю Джексона, известный как джексоновская демократия (1829–1837), доминирующей политикой в отношениях с индейскими племенами было «удаление» их из населенных пунктов, которое часто приобретало форму физического уничтожения. Набор инструментов и способов был неограничен: от убийств в бою более совершенным оружием до отравления источников воды, раздачи зараженной оспой одежды и других. Выстраивая аграрную политику демократической партии, Э. Джексон видел в индейцах большое препятствие в доступе к земельному фонду белым поселенцам. Последовательный сторонник переселения индейцев, он находил поддержку среди белых южан, добивавшихся признания за собой земель «Пяти цивилизованных племён» – Чероки, Чикасо, Чокто, Крики и Семинолы. Жёсткая, порой жестокая, политика в отношении индейцев имела следствием уничтожение многих индейских племён и переселение других индейцев за реку Миссисипи. «Закон об удалении индейцев»[2], подписанный президентом 28 мая 1830 г., ввёл в правовое поле этнические чистки на индейских землях, разрешал перемещать племена восточных индейцев на западные территории. В сопровождении военных подразделений «несколько племен прошли мирно, но многие сопротивлялись политике переселения. Приблизительно 4000 человек племени Чероки погибли в результате этого вынужденного марша, который стал известен как «Дорога слез»[3].

---

[1] *Александров Г.В.* Проблема интеграции индейцев в колониальное сообщество Новой Англии XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 3. С. 46.

[2] An Act to provide for an exchange of lands with the Indians residing in any of the states or territories, and for their removal west of the river Mississippi/Public Statutes at Large of the United States of America, Vol. IV, 1846, p.411–412

[3] Indian Removal Act/ A Century of Lawmaking for a New Nation: U. S. Congressional Documents and Debates, 1774–1875.

Крупная демографическая катастрофа индейцев Великих равнин произошла в связи с коммерческим истреблением колонистами бизонов, начавшимся в 1830 – е гг., что уничтожило материальную базу и разрушило экономику племенного уклада. «В жизни и истории этих индейцев значительная роль принадлежала охоте на бизонов, мясо которых шло в пищу, шкуры – для покрытия палаток, изготовления одежды и обуви. <...> Бездумное, жестокое истребление величественных животных, которые были частью мира индейцев, нанесло им сильнейший психологический удар»[1]. Дальнейшая политика государства по установлению взаимоотношений с индейцами свелась к созданию множества резерваций на землях, неудобных для ведения сельского хозяйства.

Вопрос о правах индейцев с новой остротой проявился в первые годы периода Реконструкции в связи с проблемой гражданства. Будучи коренными жителями на территории США, они по-прежнему считались гражданами своих племенных общин, не имея гражданского статуса во вновь образовавшемся на их территориях государстве, и были по закону лишены права участия в выборах. С ратификацией в 1868 году XIV поправки к Конституции, гражданство США и штата проживания получили все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных штатах и подчиненные их юрисдикции. Затянувшаяся заминка с интерпретацией конституционной поправки разрешилась в 1870 году, когда Сенатский судебный комитет расследовал влияние четырнадцатой поправки на индейские племена. Комитет заявил, что Поправка призвана исключить фразу «три пятых всех других лиц», которая описывает рабов в Конституции и поэтому не меняет статус индейцев. Согласно Конституции и её толкованию Верховным судом индейские племена классифицировались как «внутренние зависимые нации», и поэтому индейцы являлись гражданами племени, а не гражданами США и, «XIV поправка к Конституции не влияет на статус индейских племен в пределах Соединенных Штатов», но «колеблющиеся индейцы» подпадают под юрисдикцию Соединенных Штатов». В своем решении комитет уравнивал «колеблющихся» с «облагаемыми налогом индейцами». Оценочные данные переписи населения показали, что в эту категорию вошли менее десяти процентов американских индейцев, которые имели право стать гражданами США и соответствовать квалификационному требованию гражданства на право участия в выборах, притом, что необходимо

[1] Солопова О. В. Единая и многоликая Северная Америка // Народоведение: Учебное пособие для 9–11 классов средней школы / Под ред. В. В. Пименова. – Издательский дом Этносфера, АО «Московские учебники» М, 2002. – 264 с.

было соответствие и остальным квалификационным цензам. Конституционная поправка в соответствующем её толковании не решила вопрос о гражданстве индейцев. Проблема гражданства ещё долго оставалась серьёзным препятствием для лиц небелой расы на их пути к избирательным урнам. Коренные жители без гражданства и прав на защиту пребывали на отчужденных землях – резервациях, некоторые племена сохраняли свои территории.

Дальнейшее стремление Конгресса найти решение давней и усиливающейся проблемы в сочетании с интересами крупных землевладельцев привели к осознанию необходимости расселения индейцев среди белых поселенцев. Новая парадигма отношений государства с индейскими племенными общинами, реализованная в законе Дауэса (Dawes Act of 1887)[1], известного как «Общий закон о распределении» земель, открыла возможность отказаться от принципа «договор или война» и перейти к ассимиляции индейцев в американское общество. Исполнение закона предписывало, что индеец передает в белое поселение личную долю собственности в племенной общине и отказывается от племенной принадлежности. Подобная манипуляция с индейскими землями позволила сократить их размер с 56 до 19 миллионов гектар, продав освободившиеся на рынке. Государство стремилось сделать индейцев гражданами – фермерами без племенных связей, что привело к еще более катастрофическим последствиям.

Однако, как не странно это звучит, но многие индейцы испытывали надежду стать гражданами страны, возникшей на их территории. В полной мере обрести гражданство США с «сохранением племенной или иной собственности» они смогли на основании «Закона о гражданстве индейцев» (Indian Citizenship Act of 1924)[2]. Документ гласил: «Вводится в действие Сенатом и Палатой представителей Соединенных Штатов Америки, что все неграждане индейцы, родившиеся в пределах территориальных границ Соединенных Штатов, объявлены гражданами Соединенных Штатов: при условии, что предоставление такого гражданства никоим образом не должно ущемлять или иным образом влиять на право любого индейца на племенную или иную собственность». Закон распространил на коренных жителей США действие XIV поправки к Конституции – это позволило индейцам преодолеть сдерживающую право голоса квалификацию гражданства, необходимую для получе-

[1] Dawes Act (1887) // National Archives and Records Administration.
[2] 20.Act of June 2, 1924, Public Law 68–175, 43 STAT 253, which authorized the Secretary of the Interior to issue certificates of citizenship to Indians.

ния электорального права, при условии соответствия и другим ограничительным цензам.

В развитие вопроса об избирательном праве, формировании внутриобщинных органов самоуправления для коренных народов США, важное место занимает подписанный в 1934 году президентом Ф. Д. Рузвельтом «Закон о реорганизации индейцев» (Wheeler – Howard Act)[1]. Документ, имеющий неофициальное название «Новый курс индейцев», регламентировал: снижение уровня федерального контроля, поощрение развития местного самоуправления, принятие письменных конституций, ограничение возможности передачи общинных земель, и допускал возможность кредитования программ покупки и возврата бывших земель племени. В итоге была остановлена насильственная ассимиляция, не регламентировано истечение срока общинно – племенного уклада, заложен потенциал возможностей развития местного самоуправления. Следует отметить, что последнее положение не получило должного развития.

Отбор избирателей в соответствии с цветом их кожи, каковым являлся расовый квалификационный ценз, ущемлял право голоса всего «цветного» населения. В текстах конституций штатов такие ограничения имели прямого адресата. Например, в штате Мэн «избирателем должен быть гражданин США мужского пола, <...> за исключением индийцев, не облагаемых налогом»[2]. Неоправданная селективность в позволении индейцам Миссисипи участвовать на выборах сводилась к тому, что «легислатура имеет право признать права и привилегии <...> индейцев племён Чокто (Choctaw) и Чикасо (Chickasaw), оставшихся в этом штате, на таких условиях, как законодательный орган время от времени сочтёт правильным»[3].

О субъективном избирательном праве чернокожих и его соответствии конституционным декларациям штата, устанавливающим и обеспечивающим право голоса. В процессе освоения новых территорий, создания фермерских поселений и строительства городов рождалось полиэтническое американское общество. В то же время «этот период истории характеризуется парадоксальным сосуществованием зарождающейся и динамично развивающейся демократии и общественно-исторической формации, в рамках которой одновременно присутствовали капиталистическая форма общественно – экономических отношений

[1] "Indian Reorganization Act of 1934" (73rd Congress, Sess.II. Chapt. 576, Public, No. 383. P. 984–988.
[2] The federal and state constitutions. Part I. p. 790.
[3] The federal and state constitutions. Part II. p. 1077.

и рабство»[1]. «Пуританские колонии Новой Англии традиционно принято считать родиной американской политической демократии. Именно там демократические начала самоуправления, основанные на принципах общественного договора, проявились в наибольшей мере: поселенцы сами избирали как членов магистрата, так и губернатора, и депутатов законодательных ассамблей. <...> Благодаря широкому распространению (по меркам XVII в.) избирательного права, рядовые фримены имели возможность достаточно активно участвовать в политической жизни колонии»[2]. Избрание представителей власти осуществлялось на основе конституционных законов и актов нормативно – правового регулирования[3]. Электоральное право в североамериканских колониях регулировалось колониальными Хартиями (Colonial Charters) и Основными законами (Organic Laws), а также Основополагающими приказами (Fundamental Orders) и Указами (Ordinance). Регулирование электорального процесса со времени образования в США осуществляется федеральной Конституцией и Верховным судом как органом конституционного контроля, конституциями отдельных штатов и их высшими судебными инстанциями. Таким образом, конституционное право гражданина получить избирательный бюллетень, заполнить его и опустить в урну ограничивалось различными квалификационными требованиями (electoral qualifications), набор и содержание которых в отдельных колониях/штатах были индивидуальны. Основными конституционными квалификациями избирательного права являлись: ограничение по социальному полу (gender qualifications); возрастной ценз (age qualification); ценз оседлости (residence qualifications); имущественный ценз во множестве модификаций (property qualifications); религиозный ценз (religious qualifications); моральный ценз на «обладание желаемой нравственностью, благочестием» и «непорочностью жизни» (“possessed the desired moral and piety qualifications”) и (“not vicious in life”); расовое

[1]Васенин В. Г. Источники электоральной статистики США первой половины XIX века: условия формирования, вопросы сопоставимости // Инновационные подходы в исторических исследованиях. – Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – Изд-во Московского университета, 2008.

[2]Хрулева И. Ю. У истоков американской демократии: политическая доктрина новоанглийского радикального пуританизма // США: Эволюция основных идейно-политических концепций (Памяти профессора Н. В. Сивачева). – Издательство Московского университета Москва, 2004. – С. 141.

[3]Васенин В. Г. Нормативно-правовые ограничения североамериканского избирателя до XX в // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 6. – С. 131–150

ограничение (race qualifications); квалификация гражданства (citizenship qualifications); профессиональная, статусная квалификация (professional qualifications); тесты на грамотность (literacy qualifications); налог на голосование (poll tax).

Анализ текстов колониальных хартий и конституций штатов, содержащих электоральные привилегии/права, показывает, что в их основе представлены две идеи – интересы штата или право голоса. Первая идея зримо представлена в электоральном статуте 1716 г. Южной Каролины – «чтобы только те люди, кто заинтересован в процветании этого штата, могли обладать правом избрания членов Палаты общин»[1]. Вторая идея утверждала право голоса лишь на основании того, что человек является гражданином (свободным человеком) или живет в определенной местности. Такой подход был следствием низкого уровня развития государственности, системы общественных отношений и в большей степени был характерен для колониального периода.

Однако, уже в этот период тексты колониальных хартий содержали квалификационные требования, которым должен соответствовать потенциальный избиратель. Некоторые цензы в позднеколониальный период носили универсальный характер, имели всеобщее понимание и воспринимались естественными. Модель мужского голосования не была обсуждаемым вопросом, поэтому лишь в Виргинии, единственной из колоний, законом запрещалось женское голосование. Возрастной ценз определяющий совершеннолетие в двадцать один год отсутствовал в законе о выборах лишь в штатах Мэриленд и Нью-Джерси. Квалификация гражданства, особенно в английских колониях, выглядела жестким, но естественным требованием, проблемы возникали крайне редко. Объяснением тому – традиции английского права, когда ни один иностранец не мог пользоваться политическими правами, и этот общий принцип был распространен на колонии. Исключением выглядели претензии иммигрантов из Европы, настаивающих на принятии факта их краткого проживания в штате в качестве исполнения требований натурализации. Тесты религиозный и благочестия были так же универсальными, но с большей требовательностью присутствовали в колониях Новой Англии. В Массачусетсе после 1664 г. свободным людям, при их соответствии другим электоральным квалификациям, требовалась справка, выданная церковным служителем, что они являются протестантами по своим убеждениям. Ограничения варьировали как по штатам, так и во времени, но вектор

[1] A.D. 1716/365 // The Statutes at Large of South Carolina. Vol.2. Columbia, S.C., 1837. P. 769.

квалификации избирателей по их религиозной принадлежности уже был определен. В середине семнадцатого века квакеры были объявлены вне закона во всех колониях от Виргинии до Массачусетса, за исключением Род-Айленда. Католики были лишены права голоса во всех колониях, кроме Мэриленда. В 1718 г. в Мэриленде, а в 1719 г. в Род-Айленде был завершен этот процесс. В 1759 году Южная Каролина ограничила своих избирателей теми, кто исповедовал протестантскую веру.

Расовая квалификация граждан в их праве участия в выборах варьировала во времени, была территориально неоднородной, по – разному проявлялась на дискриминируемых группах населения. Впервые запрет на участие в выборах чернокожим, мулатам и индейцам был введен в Северной Каролине в 1715 г., в Южной Каролине в 1717 г. и в Виргинии в 1723 г.

Параллельно, во второй половине XVII в. были приняты ряд актов, устанавливающих статус афроамериканцев. Акт[1] 1662 г. года устанавливал, что статус (раб или свободный) всех родившихся в стране детей зависит от статуса матери. Были и иные случаи их освобождения, например, выкуп хозяином собственных детей, находящихся в его повиновении. Другими актами регулировалось обращение рабов в христианскую веру[2] или признание ввозимых невольников рабами, если их происхождение и страна не являются христианскими[3].

В американской историографии становления электорального права широко представлена точка зрения, что негритянское избирательное право существовало и в этом «не может быть никаких сомнений. Во время ратификации Статей Конфедерации все свободные коренные жители штатов Нью-Хэмпшир, Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Джерси и Северная Каролина, хотя и произошли от африканских рабов, были не только гражданами этих штатов, но и те из них, кто имели другую необходимую квалификацию, обладали правом выбора на равных

[1] "Negro Womens Children to Serve According to the Condition of the Mother" (Акт XII, December 1662) / The Statutes at Large; Being a Collection of All the Laws of Virginia, from the First Session of the Legislature, in the Year 1619 / Ed. by W. W. Hening. Vol. 2: [1660–1682]. New York: R. & W. & G. Bartow, 1823. P.170.

[2] "An Act Declaring that Baptisme of Slaves Doth not Exempt Them from Bondage" / The Statutes at Large; Being a Collection of All the Laws of Virginia, from the First Session of the Legislature, in the Year 1619 / Ed. by W. W. Hening. Vol. 2: [1660–1682]. New York: R. & W. & G. Bartow, 1823. P.260.

[3] "An Act to Reaple Former Law Making Indians and Others Free" (Акт I, November 1682) / The Statutes at Large; Being a Collection of All the Laws of Virginia, from the First Session of the Legislature, in the Year 1619 / Ed. by W. W. Hening. Vol. 2: [1660–1682]. New York: R. & W. & G. Bartow, 1823. P. 490–492.

условиях с другими гражданами»[1]. Такая ситуация, когда принадлежность к небелой расе не являлась препятствием к участию в выборах, объяснялось тем, что электоральные законы предоставляли активное избирательное право «мужчинам»/«гражданам»/«жителям» при соответствии их другим квалификационным требованиям. Как результат, многие чернокожие пользовались избирательным правом вплоть до времени принятия первых конституций.

Ряд нормативно-правовых положений, определивших вектор становления и развития электоральной системы на начальном этапе, были приняты первыми конституциями штатов в ходе войны за независимость в 1775–1783 гг., другие, оставаясь правомочными, заимствовались из Хартий колониального периода[2]. За первые пятьдесят лет нация утроила свое население, в два раза увеличилась территория, из небольшой республики США преобразовались в государство, где начался процесс формирования демократии белого человека. Для чернокожих американцев этот же период был противоречивой смесью создания сообщества для свободных чернокожих и укоренившегося порабощения для тех, кто еще не был освобожден. В таких городах, как Филадельфия, свободные афроамериканцы стремились к равному участию в американском обществе, строя собственные церкви и школы, формируя общественные объединения и комитеты бдительности, чтобы защитить членов чёрного сообщества от враждебности и насилия.

Сразу после революции была некоторая надежда на то, что идеалы независимости и равенства распространятся на чернокожее население, но эта надежда умерла с изобретением хлопкоочистительной машины (Cotton Gin) в 1793 году. Внезапно хлопок стал прибыльной культурой, трансформировав южную экономику и изменив динамику рабства. Он стал основой для развития текстильной промышленности в Новой Англии, стимулировав промышленную революцию, которая изменила Америку в XIX веке. Выращивание и обработка хлопка стали основным источником денег для развивающейся страны. Хлопок доставлялся северными кораблями и финансировался северными страховыми компаниями. Торговля хлопком была основой кораблестроения, судоходства,

[1] Curtis, Benjamin Robbins. “Dred Scott v. Sandford, Curtis dissent” // Legal Information Institute at Cornell Law School. Archived from the original.
[2] Васенин В. Г. Кто голосовал в США в конце XVIII – начале XIX в.: проблема достоверности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции Москва, МГУ, 2 декабря 2011. – Т. 54 из Труды исторического факультета МГУ. – МГУ Москва, 2012. – С. 199.

морских предприятий, банковского дела, страхования, всех предприятий на Севере, а также хлопкообрабатывающих и текстильных фабрик. В таком круговороте были задействованы сотни тысяч северян, чьи средства к существованию напрямую зависели от рабства благодаря силе экономической важности хлопка. Первая федеральная перепись 1790 г, года насчитывала 697897 рабов; к 1810 году насчитывалось 1,2 миллиона рабов, что на семьдесят процентов больше.

Хлопковый бум и связанный с этим спрос на рабов принесли повышенную опасность для свободных чернокожих на севере – возможность быть похищенными и проданными в рабство на юге. Практика похищения получила широкое распространение. Закон о беглых рабах[1] 1793 года позволил любому белому человеку заявить, что черный человек скрывается от правосудия, если только другой белый не подтвердит иное. В соответствии с южным законодательством черным не разрешалось давать показания против белых в суде. Несмотря на то, что в 1808 г. противникам работорговли удалось добиться официального запрета Конгрессом международной работорговли, и она сократилась более чем на девяносто процентов, тысячу рабов продолжали незаконно ввозить в США ежегодно[2].

Проблема гражданских прав темнокожих, их участия в выборах усугубилась. Характерным, знаковым событием можно считать ратификацию конституции Пенсильвании 1838 г., статья III которой содержала новый пункт, включающий в себя «белых свободных» как единственных лиц, имеющих право голоса[3]. Почему это произошло? Как и Джорджия, это был штат с наиболее либеральной конституцией, в которой квалификация избирателя по расовому признаку вообще отсутствовала. В статье VII «Декларации прав жителей Пенсильвании» утверждалось, что «все выборы должны быть свободными; и что все свободные люди, имеющие достаточно очевидный общий интерес и привязанность к сообществу, имеют право избирать должностных лиц или быть избранными на должность»[4]. В других штатах – Коннектикуте[5] до 1818 г. и в Род-Айленде[6] до 1842 г. элек-

[1] Proceedings and Debates of the House of Representatives of the United States at the Second Session of the Second Congress, Begun at the City of Philadelphia, November 5, 1792., "Annals of Congress, 2nd Congress, 2nd Session (November 5, 1792 to March 2, 1793)," Pages 1414–15.
[2] David Head, "Slave Smuggling by Foreign Privateers: The Illegal Slave Trade and the Geopolitics of the Early Republic", Journal of the Early Republic (2013), 33#3 p. 538.
[3] The federal and state constitutions. Part II. P.1560
[4] The federal and state constitutions. Part II. p.1541
[5] The federal and state constitutions. Part II. p.258
[6] The federal and state constitutions. Part II. p.1603–1606

торальная квалификация преемствовала положения колониальных Хартий, основанные на принципе равенства всех людей независимо от расовой принадлежности. Это был штат, где доля рабов была всегда меньше, чем в других штатах/колониях. Даже на пике численности населения в 1750 г. рабов насчитывалось всего 6000 из 120000 жителей (в 1700 г. из 30000 жителей 1000 были рабы). Это был штат, где в 1688 г. в Джермантауне состоялся митинг протеста, на котором квакеры начали долгую борьбу против рабства, а в 1789 г. был принят Закон о постепенной отмене рабства – первый подобный законодательный акт в Америке. Утверждалось, что «каждый ребенок – негр и мулат, родившийся в штате после принятия Закона (1780), будет считаться слугой до тех пор, пока достигнет возраста двадцати восьми лет, в порядке и на условиях, при которых находятся слуги, заключенные в рамках четырехлетнего соглашения ...» [1]. Закон предписывал ряд и других мягких условий, например, порядок содержания слуги – ученика, включая досрочное его освобождение.

Таким образом «один из самых либеральных» штатов – Keystone State, не имеющий расовых ограничений в избирательном праве, на тридцать лет, до принятия в 1868 г. XIV Поправки к Конституции США, дисквалифицировал «цветных» и негров в их праве голоса. В действительности, это право было официально закреплено в конституции Пенсильвании 1873 г.[2] Одновременно были приняты «Черные коды»: рабам не разрешалось встречаться группами более четырех человек; им не разрешалось путешествовать более чем в десяти милях от места жительства своего «хозяина» без его разрешения; они не могли жениться на европейцах; не должны быть судимы присяжными заседателями. Что касается вопроса о черном избирательном праве, то филадельфийская газета «Pennsylvania» еще 20 января 1838 г. заявила: «Мы, по крайней мере, примерно уверены, что девять десятых населения Пенсильвании выступают против предоставления равных политических привилегий расе негров».

Произошедшая смена общественного настроения в Пенсильвании объяснялась отчасти усилением экономической конкуренции в индустриализирующемся обществе между растущей иммиграцией из Европы и северными рабочими. Третьей стороной здесь оказались чернокожие, включая освобожденных рабов и беженцев, спасающихся из южного рабства по «Подземной железной дороге» [3]. Американская историогра-

[1] An Act for the Gradual Abolition of Slavery – (Sec.4) / The President House in Philadelphia.
[2] The federal and state constitutions. Part II. p.1570
[3] The Underground Railroad /Africans in America/ Resource Bank/

фии северного рабства знает и другое определение этой социальной группы – «козлы отпущения». Близость Пенсильвании к рабской территории вызывала особую тревогу. «Белый труд боялся не только конкуренции негров на квалифицированных профессиях, но и потери социального статуса, вызванного их связью. <...> [и как итог] < ...> несмотря на некоторые заметные успехи, северный негр оставался в значительной степени лишенным гражданских прав, разделенным и экономически угнетенным»[1]. Но даже среди северных штатов Пенсильвания была не единственной в этом вопросе. К 1840 г. около девяносто трёх процентов северного свободного черного населения жили в штатах, которые либо полностью, либо практически исключали их из права голоса. Действия Пенсильвании по исключению негров из электорального процесса знаменуют собой поворотный момент в развитии спора об избирательном праве темнокожих. Это положило конец изменениям в ситуации избирательного права негров до принятия XIV Поправки.

На Юге расовые ограничения электората произошли раньше. Три рабовладельческих штата, которые первоначально разрешали голосование чёрным, внесли поправки в свои конституции, чтобы исключить его: Делавэр в 1792 г., Кентукки в 1799 г. и Мэриленд в1809 г.

В период джексоновской демократии или в так называемую «эпоху простого человека», когда были отменены очевидные экономические и ряд других цензов, люди из рабочего класса промышленных предприятий Севера получили права, которыми раньше не обладали, особенно право голоса. Стало возможным точнее классифицировать категории людей, исключённых из списка избирателей. Как правило, это были женщины, иммигранты, темнокожие, индейцы[2]. Но единственными, кто выиграл, были белые люди. Это было время прибытия большого числа иммигрантов из Европы. Многие из них сталкивались с дискриминацией и трудностями в своих странах. Но въехав в США, они стали частью привилегированной категории под названием «белые». Суть в том, что независимо от того, насколько они были бедны или унижены, они знали, что под ними был ещё один класс людей. Обедневшие белые считались превосходящими чернокожих, а также индейцев просто потому, что они белые. Из-за этого большинство отождествлялось с остальной белой расой и защищало институт рабства. Белые из рабочего класса

[1] Litwack, Leon F., North of Slavery: The Negro in the Free States, 1790–1860, Chicago, University of Chicago Press, 1961.

[2] Васенин В. Г. Проблема достоверности в оценке численности электората США (1770–1840-е гг) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2012. – № 3. – С. 25–47.

сделали это, хотя рабство не принесло им прямой выгоды и во многом противоречило их интересам. «Краеугольным камнем двухпартийной системы „демократы-виги“, окончательно сложившейся в США в средине 1830-х гг., являлся отказ от публичного обсуждения вопроса о рабстве»[1].

Будучи крупным плантатором и рабовладельцем, президент Э. Джексон выступал за сохранение рабства и в 1836 г. добился узаконения правила кляпа (the gag rule)[2], в соответствии с которым петиции об отмене рабства не подлежали обсуждению [«будут подаваться без прочтения, передачи или печати»] в Конгрессе США (действовало до 1844 г.)[3].

И лишь в Массачусетсе, Нью-Гемпшире, Вермонте и штате Мэн[4] негры могли голосовать наравне с белыми, если они отвечали требованиям других квалификационных цензов. В 1821 г. Нью-Йорк отменил имущественную квалификацию белого избирателя, но оставил это ограничение для черных. В результате, незначительный процент чернокожих мужчин могли голосовать в этом штате.

Как отмечает профессор Джордж Фредриксон «В ранней истории Соединенных Штатов белым была нужна идеология расового превосходства, чтобы оправдать ввоз рабов, искоренение и убийство американских индейцев, одновременно настаивая на создании аграрной экономики на новой земле. <...> Соединенные Штаты с их историей рабства до Гражданской войны имели худшее расовое прошлое, чем Южная Африка, но с юридической точки зрения были лучшими для перехода к лучшим отношениям»[5].

Гражданская война и последующий за ней период Реконструкции внесли существенный вклад в развитие демократических преобразований в стране. Конституционными поправками было запрещено рабство (XIII поправка, 1865 г.); всем родившимся и натурализованным на территории страны жителям было предоставлено гражданство (XIV поправка, 1868 г.); введён запрет на ограничение прав граждан на участие в выборах по признаку «расы, цвета кожи или в связи с нахождением в рабстве в прошлом» (XV поправка, 1870 г.).

---

[1] Миньяр-Белоручев К. В. Проблема рабства и присоединение Техаса к США в первой половине xix в // Вопросы истории. – 2015. – № 9. – С. 81–94.

[2] “Gag Rule” (May 26, 1836) // 24th Congress, I Sess. (Dec.7, 1835 to Jul.4, 1836), the U. S. House of Representatives.

[3] Трояновская М. О. Джэксон // Большая российская энциклопедия. Том 8. Москва, 2007, с.690

[4] The federal and state constitutions,. Op. cit. Part I. Main, 1820: Article II. Section 1. P.790.

[5] George M. Fredrickson. White Supremacy: A Comparative Study of American and South African History. Oxford University Press, USA. 1982. P.356.

Но с отменой рабства в законодательстве возникло противоречие по вопросу избирательного права чернокожих, поэтому в 1866 г. Конгресс одобрил закон «О гражданских правах»[1]. Это был перечень действительно революционных мер демократического переформатирования системы общественных отношений включая экономические – в процессе материального производства; социальные – между субъектами общественной жизни; политические – по поводу функционирования власти; и духовно – интеллектуальные отношения, возникающие в связи с вопросами эстетических и морально-религиозных ценностей. Несмотря на то, что президент Эндрю Джонсон наложил вето, Конгресс собрал достаточное количество голосов, чтобы преодолеть президентское вето, и закон был принят. Современные исследования подтверждают, что «толкование Закона о гражданских правах 1866 г. как ограниченного действиями штата является анахроничным и исторически неверным, поскольку разработчики не намеревались и, вероятно, не могли намереваться издавать законы в рамках концепции действий штата»[2].

Среди республиканцев сохранялось опасение, что для внесения твердых конституционных оснований исполнения XIII поправки к Конституции необходима еще одна поправка, и она была подготовлена – это XIV поправка о гражданстве. Несмотря на противодействие президента и южных штатов, как и было ранее, она также прошла процесс ратификации. Поправка о гражданстве начинается словами, которых ждали многие тысячи жителей США, индейцы, чернокожие, другие группы «цветных». «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и того штата, где они проживают. Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов»[3]. Этим Законом было явно отвергнуто решение Верховного суда (1857) по делу Дреда Скотта, в котором был вынесен вердикт – «черный человек, даже если он родился свободным, не может претендовать на права гражданства в соответствии с федеральной конституцией»[4].

---

[1] CONG. GLOBE, 39th Cong., 1st Sess. 475 (1866)

[2] Robert J. Kaczorowski, Enforcement Provisions of the Civil Rights Act of 1866: A Legislative History in Light of Runyon v. McCrary, The Review Essay and Comments: Reconstructing Reconstruction, 98 Yale L. J. 565 (1988–1989).

[3] Ратифицирована 9 июля 1868 г.

[4] Curtis, Benjamin Robbins. "Dred Scott v. Sandford, Curtis dissent" // Legal Information Institute at Cornell Law School. Archived from the original.

Пятнадцатая поправка, принятая в период Реконструкции, как кульминационное завершение ряда конституционных законов США, регулирующих гражданские права населения, имела исключительное значение для небелых граждан. Она утверждает, что «право граждан Соединенных Штатов на голосование не должно быть отказано или ограничено Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи или предыдущего состояния рабства». Несмотря на то, что декларируемое право распространялось на людей всех рас, в историографии встречается и более адресное его толкование – Поправка к черному избирательному праву (Black Suffrage Amendment).

В целом этот пакет законов изменил традиционные отношения гражданина с властью, как местной, так и федерального уровня. Далее последовало несколько других актов о гражданских правах, один из которых, от 1875 г., был разработан, чтобы защитить социальные права чернокожих или установить их социальное равенство, гарантируя допуск в гостиницы, театры, рестораны, общественные транспортные средства, места развлечения и другие учреждения.

Но готовы ли были рабы войти в новую жизнь, воспользоваться всеми ее возможностями? Даже среди самых стойких аболиционистов поддержка прекращения работорговли и отмены рабства часто сосуществовала с верой в черную неполноценность – либо врожденную, либо как неизбежный результат рабства и угнетения.

Дискриминация, всплеск жестокого насилия в отношении к темнокожим, желающим воспользоваться правом голоса, проявились сразу же по окончании Гражданской войны. Бывшие участники войны, объединённые идеей белого превосходства и расизма, создали националистическую ультраправую организацию Ку – клукс – клан. В ответ Конгресс принял в 1870–71 гг. серию Принудительных актов (также известных как Законы о силе), чтобы положить конец насилию и дать президенту возможность использовать военную силу для защиты афроамериканцев. Это были «Закон об исполнении законов от мая 1870 года»[1]; «Второй закон Ку – клукс – клана» (28.02.1871), который законодательно закрепил и разрешил федеральный надзор за выборами в штатах; «Третий за кон Ку – клукс – клана» (20.04.1871) возложил на должностных лиц штата ответственность перед Федеральным судом за практику запугивания. Но, с их исполнением возникли проблемы, и Верховный суд вынес решение против трёх Законов о силе.

[1] An Act to enforce the Right of Citizens of the United States to vote in the several States of this Union, and for other Purposes of May 31, 1870 / US 44rd Congress, Sess.II. Chapt.CXIV, P.140–141.

В дальнейшем этот пакет антидискриминационных мер инициировал принятие «законов Джима Кроу» и постоянно стимулировал правительства южных штатов на ограничение использования чернокожими своего права голоса. По завершении периода Реконструкции и участия армии в управлении южными штатами, их легислатуры приняли ряд законодательных актов, известных как «Законы Джима Кроу» (1890), которые фактически нивелировали действие принятых конституционных поправок и гарантии избирательного права темнокожих и индейцев. Налог на голосование (*poll tax*) и тест на грамотность (literacy qualifications) явились для неграмотных и малоимущих индейцев и чернокожих непреодолимым препятствием на их пути к избирательным урнам.

Налог на голосование был средством для отказа в электоральном праве в обход XV поправки. Его размер мог соответствовать одному – двум дням работы на плантации или в шахте и был чрезмерно высок для бедных американцев. Несмотря на то, что уплата налога на голосование касалась и соответствующих слоёв белого населения, в этом случае срабатывал принцип «дедушкина оговорка» (Grandfather clause). Обедневший белый мужчина (но, не чернокожий или индеец), чей отец или дед голосовали до отмены рабства, получал электоральную квалификацию без уплаты налога на основании принципа, что «закон обратной силы не имеет».

Квалификационный тест на грамотность, введенный ранее в северо-восточных штатах, практически в текстуальном сходстве распространился как на Востоке, так и на Западе. Он был принят в Вайоминге (1889), в штате Мэн (1892), в Калифорнии (1894, в Вашингтоне (1896), в Нью-Хэмпшире (1902), в Аризоне (1913), в Нью-Йорке (1921) и в штате Орегон (1924).

В этот же период принимается Закон о тайном голосовании (Australian ballot law in Massachusett, 1889), который ещё в большей степени усложняет процесс голосования неграмотных граждан, включая иммигрантов, темнокожих и «цветных». «Введение „австралийского“ голосования вносило существенные коррективы в механизм выборов: избирательные бюллетени готовились федеральными комиссиями по единообразной, стандартной форме, которую должны были заполнять избиратели непосредственно перед голосованием. Объективным критерием участия граждан в политическом процессе становился уровень их грамотности»[1].

[1]Байбакова Л. В. Демократия или охлократия в США: издержки избирательной системы в условиях индустриального общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2009, № 2, 36–46 с.

Лишение граждан права голоса было признано незаконным в 1964 г. XXIV поправкой к Конституции США. Одной из особенностей этой Поправки был запрет на избирательный налог на федеральных и первичных выборах. Кроме того, в 1966 г. налоговые сборы на уровне штатов и на местах, тесты на грамотность и «дедушкина оговорка» также были признаны неконституционными.

Методика электорального мошенничества имела и другие формы. «Чернокожему населению Техаса было запрещено голосовать в Демократической партии, которая, чтобы обойти XV поправку к Конституции, была объявлена частным клубом. Прерогатива назначать кандидатов от Демократической партии на предварительные выборы перешла к «частному клубу». И Демократическая партия, и сам штат объявили этот «частный клуб» (Демократическую партию) – «открытым только для людей белой расы»[1]. Борьба за исполнение XV поправки продолжалась и в XX веке. Верховный Суд в 1944 г. принял решение, что предварительные выборы, где участвуют только белые, не являются конституционными согласно XV поправке. Суд также постановил, что предварительные выборы являются неотъемлемой частью избирательного процесса, и, таким образом, ни одна категория населения не может быть исключена из участия в них.

Анализ воздействия расового ценза, как одного из ряда ограничительных требований, предъявляемых к гражданину/жителю и квалифицирующих его в качестве избирателя, субъекта электорального процесса, обладающего активным избирательным правом, позволяет утверждать следующее.

«Нам нужна американская история, которая рассматривает защиту гражданских свобод не как вечную особенность нашей „цивилизации“, а как недавнее и хрупкое достижение, появившееся в результате многолетней исторической борьбы»[2].

В североамериканских колониях расовый критерий не имел повсеместного применения, иногда был избирателен в отношении объекта дискриминации. К 1840 – м годам являлся практически повсеместным обязательным квалификационным требованием. Конституционные поправки о запрете рабства, о гражданстве и праве голоса независимо от расы фактически сформировали объективное избирательное право гражданина США.

---

[1] Frank B. Feigert, Mary Margaret Conway. Parties and Politics in America/ Allyn and Bacon, 1976. p.410

[2] Foner Eric. Changing History // The Nation – September 5, 2002

Расовый критерий, суть квалификационная норма в избирательном праве, всегда воздействовал на потенциального избирателя как элемент системы ограничительных мер. Пакет «законов Джима Кроу» (закон о налоге на голосование и тест на грамотность), как нормативно-правовые акты и расистская организация Первый Ку – клукс – клан на практике обнулили возможности индивида воспользоваться конституционными декларациями. Субъективное избирательное право значительно сузилось. На законодательном уровне «законы Джима Кроу» были отменены в 1964–66 гг.

Поэтапно проводимая в отношении коренных жителей североамериканских территорий, индейцев, политика истребления, выселения, заключения в резервации и насильственной ассимиляции в стремлении сделать их гражданами-фермерами без племенных связей привела к катастрофическим последствиям и официально не была отменена до 1934 года. Сильное утверждение, что «как группа, чернокожие не пострадали так сильно, как индейцы, но их положение было тяжелым, и они составляли гораздо большую долю населения», позиционирует плохое с худшим. Действие XIV поправки о гражданстве на законодательном уровне было распространено на индейцев лишь в 1924 г. – что позволило им преодолеть сдерживающую право голоса квалификацию гражданства, необходимую для получения электорального права, при условии соответствия и другим ограничительным цензам.

Осуществляя дискриминационное воздействие на систему личностных, индивидуальных характеристик граждан, квалификационные ограничения избирательного права, имеющие конституционное оформление, или в виде решений судов высших инстанций (федерального и штатного уровней) позволяли регулировать численность и состав электората, исключать отдельные социальные, религиозные, профессиональные, этнические и другие группы и слои американского общества.

Расовое требование к потенциальному избирателю, квалифицирующее его право участия в электоральном процессе, со всей очевидностью, отрицает сбалансированность между объективно декларируемым государством и штатами правом граждан избирать и быть избранными и субъективным правом, которым в действительности обладает избиратель – индивид.

А.П. Солопов

Еврейская диаспора Франции в начале XXI века: новая стратегия выживания[1]

Солопов Арсений Павлович – учащийся 2 курса бакалавриата исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

> Мы всегда говорим, и это важный момент, что антисемитизма в России нет на государственном уровне.
>
> Первое лицо и закон не разрешают распространение антисемитизма, и прокуратура обращается к этому закону...
>
> К сожалению, в Европе реакция на нападения и высказывания на почве антисемитизма не такая, как мы ожидали"
>
> *Главный раввин России Берл Лазар*[2]

Приведенная в качестве эпиграфа к данной статье цитата констатирует то обстоятельство, что антисемитизм, эта одна из самых разрушительных по своим последствиям форм ксенофобии, не имея масштабных проявлений в Российской Федерации, получает все большее распространение в европейских странах. Показательным в этом плане является пример Франции, которая, обладая второй по численности (после США) еврейской диаспорой в мире, становится местом, где в последние годы заметны крайние формы проявления нетерпимости по национальному или религиозному признаку, направленной против еврейского населения.

Проблема антисемитских проявлений во Франции практически не освящена в современной российской историографии. При этом открытые англо- и франкоязычные источники и зарубежная историография позволяют нам вплотную приблизиться к изучению этих событий, увы, происходящих в текущий исторический момент.

---

[1] Впервые опубликовано в Научно-практическом журнале «Человеческий капитал» (№ 1 (121). 2019).

[2] «Где бы еврей ни жил, он должен молиться за удачу и успех президента». Главный раввин России Берл Лазар объясняет, почему сегодня в России евреям живется хорошо / Новая Газета, 2017. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/02/72345-gde-by-evrey-ni-zhil-on-dolzhen-molitsya-za-udachu-i-uspeh-prezidenta.

В рамках анализа процессов, происходящих вокруг еврейской диаспоры Франции, в данной работе привлекался ряд франко- и англоязычных открытых источников, таких как: материалы СМИ (журнал Charlie Hebdo, газеты Le Monde, Le Parisien); экспертные интервью с лидерами и членами еврейской диаспоры и отдельными представителями иудейских религиозных общин; опросы Анти-Диффамационной Лиги Франции; результаты исследований французского Фонда Политических Инноваций; экспертные доклады Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS); комментарии по теме на личных страницах в социальных сетях французских политиков, в том числе бывших и нынешних президентов Франции: Франсуа Олланда, Эммануэля Макрона, премьер-министра Франции Эдуара Филиппа и др.; статистические базы общего числа преступлений на почве ненависти по национальному или религиозному признакам, совершенных во Франции в первые десятилетия XXI века. Источники позволяют выявить специфику событий, проследить их динамику и определить пути противодействия антисемитизму, которые вырабатываются еврейской диаспорой – от мобилизации, временного отказа от свободной демонстрации символов и предметов, позволяющих идентифицировать их как членов этнической группы, освоения способов защиты от физического насилия, создания структур, отвечающих за безопасность представителей еврейской диаспоры и др. и до репатриации.

За XX–XXI века еврейская диаспора Франции пережила ряд событий, в корне изменявших численность, а также социально-экономическое положение. В результате, условия, в которых существовали члены этой диаспоры, менялись кардинально, и происходило это многократно. Реакцию на эти процессы можно считать частью общей тенденции к ускорению динамики общественных процессов, влекущей за собой существенные перемены в мире. Тенденции, которая свойственна общемировому развитию в период Нового времени и которую, в частности, обособляет и акцентирует в своей статье «Как преподавать новую и новейшую историю в университете» Л. С. Белоусов[1].

В результате, за последние сто лет произошли принципиальные изменения социально-экономического положения и численности еврейской диаспоры Франции. Сегодня здесь проживает вторая, после США, по величине еврейская диаспора и процессы, которые происходят в ней, без сомнения, показательны и во многом отражают некоторые характерные в целом для Европы тенденции.

[1] Белоусов Л. С. Как преподавать новую и новейшую историю в университете // Новая и новейшая история. 2009. № 1.

В конце XIX века и в предвоенный период начала XX века антисемитизм был широко распространен во французском обществе. Более того, он насаждался на государственном уровне, ярчайшим свидетельством чего являются события, связанные с делом Дрейфуса. Общеизвестно, что события, связанные с ним, происходили в период с 1896 по 1906 годы, когда сначала по обвинению в шпионаже в пользу Германии был арестован и осужден по подложным документам офицер французской армии еврейского происхождения Альфред Дрейфус, а за его арестом последовали многочисленные проявления антисемитизма во французском обществе, находившие активную поддержку среди представителей государственной власти[1].

Позднее, в период между двумя мировыми войнами, уровень антисемитских настроений во французском обществе снизился, не в последнюю очередь по причине консолидации всего населения Франции в ходе Первой мировой войны. После ее окончания в первой четверти XX века число еврейского населения во Франции неуклонно возрастало за счет активных иммиграционных процессов. В первой половине XX века евреи приезжали во Францию в первую очередь из Южной Африки[2], Османской империи, Греции, а, начиная с 1917 года, и с территорий бывшей Российской империи. В период интербеллума иммиграционные процессы особенно усилились[3]. В 1923 году была создана организация Federation des Societes Juif de France (FSJF), которая занималась защитой интересов еврейского населения Франции. А в целом, к концу 30-х годов XX века, то есть перед началом Второй мировой войны, еврейское население страны составляло более 300 тысяч человек. В период с 1940 по 1945 годы Франция находилась под немецкой оккупацией и под властью пронацистского правительства Виши. Для еврейской диаспоры Франции эти годы напрямую связаны с очередным вынужденным переселением и историей Холокоста. Евреи уничтожались на территории самой страны, отправлялись в концентрационные лагеря в Польшу и Германию. По данным ряда исследователей, в этот период было уничтожено около 25% всех французских евреев.

После окончания Второй мировой войны в стране произошел резкий спад антисемитских настроений, был зафиксирован существенный приток еврейского населения в страну. В результате, за двадцать пять

[1] Birnbaum P. Dreyfus avant Dreyfus: Drumont et la mise en scène de l'affaire // Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle (Cahiers Georges Sorel). 1993. № 11. pp.71—76.
[2] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.
[3] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.

послевоенных лет число проживающих во Франции евреев утроилось. Если на момент окончания войны в 1945 год в стране проживало только 180 тысяч евреев, то к 1951 году, всего за шесть лет, численность евреев здесь достигла уже 250 тысяч человек[1].

Процесс деколонизации, активно происходивший в середине XX века, существенно повлиял на увеличение численности еврейского населения Франции. В результате обретения независимости бывшими французскими колониями, рожденные и воспитанные здесь около 16 тысяч евреев Марокко и Туниса вынуждены были переселиться во Францию и, к слову, с легкостью ассимилировались во французском обществе.

Следующая волна еврейской иммиграции, происходившая во время и в результате Шестидневной войны 1967 года, столкнулась с серьезными проблемами, связанными с новым распространением во Франции антисемитских взглядов[2]. Исследователи напрямую связывают причину этого с антиизраильской позицией, которую занимало в арабо-израильском конфликте правительство Шарля Де Голя. В средствах массовой информации появлялась антиизраильская пропаганда. В отдельных кварталах Парижа шли прямые столкновения между еврейским и арабским населением. Общая атмосфера в государстве привела к тому, что в 60-х годах XX века снова резко возросла численность тех французских евреев, которые встали на путь репатриации (переселения на постоянное жительство) в Израиль[3].

Отдельные проявления антисемитских настроений во Франции – нападения на синагоги и представителей еврейской диаспоры – спорадически происходили на протяжении последующих десятилетий XX века вплоть до конца его 90-х годов. Масштаб этих происшествий не позволяет говорить о нарастающей либо нисходящей динамике, скорее, о ее системном характере и консервации проблемы.

В настоящее время еврейская диаспора – одна из самых активных диаспор Франции. Крупнейшими центрами проживания евреев являются Париж, Марсель, Лион. Сейчас в стране, по разным оценкам, насчитывается от 500 до 600 тысяч евреев, что составляет меньше 1%, а именно около 0,6% от общей численности населения страны. Всего на начало XXI века в стране насчитывается примерно 230 еврейских общин[4].

---

[1] Там же.
[2] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.
[3] Алия – Электронная Еврейская Энциклопедия. URL: https://eleven.co.il/zionism/ precur-sors- emergence/10140.
[4] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.

И если самый конец XX века можно назвать относительно спокойным временем для евреев Франции, то уже начало XXI века демонстрирует другие, обратные, тенденции. По данным специально сформированных в 1980 году французских Служб по защите еврейского сообщества (Service de Protection de la Communauté Juive – SPCJ)[1], в период с 2008 по 2010 годы был зафиксирован рост количества преступлений, совершенных на почве антисемитизма, не менее чем на 75%[2]. Несмотря на незначительную, относительно общего населения Франции, численность, евреи являются самыми активными заявителями в полицию среди всех групп, проживающих в стране, против которых совершаются преступления на почве этнической и религиозной ненависти. Аналитики связывают это с недовольством части населения Франции продолжающимся израильско-палестинским конфликтом и с политикой Израиля, государства, с которым последние отождествляет всех евреев в целом[3].

Согласно официальным данным, насилие во Франции по отношению к евреям наиболее часто инициируется выходцами из мусульманских стран[4]. Необходимо понимать, что речь идет не о французских мусульманах в целом, которых сегодня здесь проживает приблизительно 5,7 миллионов человек, что составляет 8,8% населения страны, но, в первую очередь, о тех мигрантах, которые оказались неспособны нормально интегрироваться во французское общество, приехали сюда уже обладая радикальными взглядами либо переняли экстремистскую повестку у исламистов, оказавшись уже внутри государства. Французские мусульмане, воспринявшие мировоззрение радикального толка, также могут быть отнесены к этой группе[5]. В течение 2011 года на территории Франции было зарегистрировано 389 случаев проявления антисемитизма; уровень социальной напряженности стал настолько высок, что евреям в синагогах рекомендовалось воздерживаться от ношения одежды, украшений или чего-либо другого, что могло бы выдать в них

[1] SPCJ – Service de Protection de la Communauté Juive / Facebook. URL: https://www.face-book.com/spcjfr/.
[2] Nossiter A. She Survived the Holocaust, to Die in a 2018 Hate Crime / New York Times, 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/26/world/europe/france-holocaust-survivor-murder.html.
[3] Рост антисемитских настроений – отголосок интифады / Euronews, 2018. URL: https://ru. euronews.com/2018/06/29/insiders-antisemitism-level.
[4] Рост антисемитских настроений – отголосок интифады / Euronews, 2018. URL: https://ru. euronews.com/2018/06/29/insiders-antisemitism-level.
[5] AFP: число проживающих во Франции мусульман к 2025 году составит более 8,5 млн человек. / ТАСС, 2017. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4771522.

иудея[1]. 19 марта 2012 радикальный исламист расстрелял учеников и преподавателей школы в Тулузе, в результате чего погиб учитель и несколько детей, несколько человек получили ранения. За этим нападением во Франции было зафиксировано более 90 акций антисемитизма, совершенных всего за 9 дней[2]. Всего за 2012 год Франция столкнулась с ростом числа антисемитских выступления на 58% относительно предыдущего года, согласно данным SPCJ[3]. И хотя поддержки властей антиеврейские выступления не получили ни в малой степени, опрос Антидиффамационной Лиги[4] во Франции 2012 года показал, что три пятых респондентов убеждены: правительство делало недостаточно для обеспечения безопасности еврейского населения. Помимо терактов, осуществляемых радикальными исламистами, в означенный период фиксировался рост антисемитских настроений и среди законопослушных граждан. Это косвенно подтверждают результаты исследования Фонда Политических Инноваций[5], опубликованных в ноябре 2014 года. Согласно опросу, 16% участвовавших в исследовании граждан Франции поддержали идею существования глобального сионистского заговора, а 35% респондентов согласились с идеей, что в настоящее время евреи чрезмерно эксплуатируют свой статус жертв Холокоста[6].

В первой половине 2015 года во Франции был отмечен рост на более чем 84% количества нападений на евреев, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Несмотря на то, что, как уже говорилось, евреи составляют менее 1% от всего населения Франции, более 50% всех зарегистрированных преступлений на почве ненависти в 2015 году были направлены именно против них[7].

---

[1] France debates Jewish skullcap after knife attack by Gina Dogget, Bertrand Pinon / Yahoo News, 2016. URL: https://news.yahoo.com/marseille-jews-urged-not-wear-skullcaps-teacher-attack-173153898.html.

[2] Градусова П. Б. Проблема антисемитизма во внутренней и внешней политике Франции в годы президентства Франсуа Олланда и пути ее решения // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2017. № 3.

[3] Antisémitisme en France. URL: https://www.antisemitisme.fr/.

[4] Anti-Defamation League. URL: https://www.adl.org/.

[5] L'antisémitisme s'étend, selon une enquête / Fondation pour l'innovation politique. URL: http://www.fondapol.org/dans-les-medias-fr/le-monde-lantisemitisme-setend-selon-une-enquete/.

[6] 16% of French Believe in 'Zionist Conspiracy on Global Scale': Poll by Dave Bender / The Algemeiner, 2014. URL: http://www.algemeiner.com/2014/11/16/16-of-french-believe-in-zionist-conspiracy-on-global-scale-poll/

[7] France debates Jewish skullcap after knife attack by Gina Dogget, Bertrand Pinon / Yahoo News, 2016. URL: https://news.yahoo.com/marseille-jews-urged-not-wear-skullcaps-teacher-attack-173153898.html.

Предшествующие и дальнейшие события продолжили оказывать прямое влияние на сложившийся уклад жизни еврейской общины. 11 января 2016 года 35-летний учитель-еврей, шедший по улице в традиционном еврейском головном уборе кипе, был атакован подростком-мусульманином, вооруженным мачете. После этого случая и ряда других, аналогичных, последовавших за ним, глава еврейской консистории Марселя Цви Аммар прямо рекомендовал евреям воздерживаться от ношения кипы на улице «до лучших времен»[1]. Показательно, что этим обращением было положено начало использования общественными, политическими, религиозными деятелями своих личных аккаунтов в Интернет-пространстве как площадок для ведения общественной дискуссии по проблеме антисемитизма.

В ответ на рекомендацию Аммара, Президент Франции Франсуа Олланд, в свою очередь, рекомендовал не отказываться в повседневном быту от еврейской атрибутики, указав на недопустимость преследования людей по причине их национальной или религиозной принадлежности[2]. Обмен оценочными суждениями по сложившейся ситуации состоялся. Но проблема осталась.

Экономические проблемы Франции, выразившиеся в снижении до 0% роста ВВП во втором квартале 2016 года, росте безработицы, многочисленных забастовках и т.д[3]., в сочетании со все усиливающейся враждебностью со стороны населения на фоне резкого роста числа радикально настроенных мигрантов из мусульманских стран, привели к существенному увеличению числа евреев, репатриировавшихся в Израиль, либо покупающих себе жилье в земле обетованной «про запас» на случай, если понадобиться экстренно бежать от смертельной угрозы.

До 2014 года из Франции в год в среднем уезжало около 2000 евреев. К 2014 их число достигло 7200. А в 2015 году страну покинуло уже 7900 евреев, то есть без малого в четыре раза больше, чем в период, предшествовавший 2014 году. Однако французская еврейская диаспора все еще насчитывает, как уже говорилось, около 500 тысяч человек[4].

В своей речи, обращенной к представителям французских еврейских общин (CRIF) в декабре 2017 года, премьер-министр Франции Эдуард Филипп осудил антисемитизм, который, по его словам, глубоко укоренился в государстве. Министр также указал на то, что идеологи

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Мануков С. Экономика Франции остановилась / Эксперт Online. URL: http://ex-pert.ru/2016/07/29/frantsiya/.
[4] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.

ненависти, ставящие под угрозу жизнь и имущество евреев, живущих во Франции, являются основной причиной массовой репатриации евреев в Израиль, что должно быть личным, духовным решением, а не вынужденной мерой по спасению себя и своих близких[1].

Казалось бы, столь откровенное признание внутригосударственных проблем со стороны премьер-министра должно было характеризовать, что в государстве понимают серьезность проблемы и готовы предпринимать шаги для ее устранения, в том числе, превентивные. Увы, меньше, чем через месяц, в январе 2018 двое еврейских детей подверглись очередным нападениям: 15-летнюю девочку пытались зарезать, когда она возвращалась из частной еврейской школы, будучи одетой в ее униформу, чуть позже 8-летний мальчик был избит на улице за ношение кипы[2].

После второго из этих нападений, президент Франции Эммануэль Макрон написал в своем твиттере: «Каждый раз, когда гражданина атакуют по причине его возраста, внешности или религии, это является атакой на всю страну». Он также добавил: «И вся страна стоит, особенно сегодня, вместе с французскими евреями, чтобы бороться с каждым из этих заслуживающих презрения актов»[3].

Однако системы государственных мер, направленных на искоренение антисемитизма во всех его проявлениях, предложено не было. А 24 марта 2018 года 85-летняя Мирей Нолл, еврейка, пережившая Холокост, была убита в своей квартире в Париже. Ее убийство было классифицировано властями Франции как преступление на почве религиозной ненависти. Именно ее смерть привела к волне митингов против антисемитизма на улицах Парижа[4]. Последовавшее за этим заявление, подписанное более чем 250 авторитетнейшими гражданами Франции, выражающим осуждение и неприятие антисемитизма, было опубликовано газетой Le Parisien 22 апреля 2018 года[5].

---

[1] Anti-Semitism in France has deep roots and 'new masks,' French PM says By Cnaan Liphshiz / Jewish Telegraphic Agency, 2017. URL: https://www.jta.org/2017/12/10/news-opinion/world/anti-semitism-is-france-has-deep-roots-and-new-masks-french-pm-says.

[2] Jewish boy, 8, beaten in Paris suburb in anti-Semitic attack / Jewish Telegraphic Agency, 2018. URL: https://www.jta.org/2018/01/31/news-opinion/world/jewish-boy-8-beaten-in-paris-suburb-in-anti-semitic-attack?utm_source=JTA%20Maropost&utm_campaign=JTA&utm_medium =email&mpweb=1161—2730—30123.

[3] Emmanuel Macron / Twitter. URl: https://twitter.com/emmanuelmacron.

[4] Nossiter A. She Survived the Holocaust, to Die in a 2018 Hate Crime / New York Times, 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/26/world/europe/france-holocaust-survivor-murder.html.

[5] Manifeste «contre le nouvel antisémitisme» / Le Parisien, 2018. URL: http://www.leparisien.fr/societe/manifeste-contre-le-nouvel-antisemitisme-21—04—2018—7676787.php.

Важно, что подготовленное бывшим редактором журнала Charlie Hebdo еще одно аналогичное заявление, со своей стороны, расставляло акценты в попытках огульного и бездумного соотнесения проявлений антисемитизма во Франции с, якобы, единой позицией мусульман страны. Позднее, в этом же издании группа из 30 влиятельных французских имамов выступила с жестким осуждением недавних действий их радикальных единоверцев на почве антисемитизма. Более того, в еще одной публикации, в открытом письме[1], опубликованном в газете Le Monde, лидеры мусульман открыто выразили негодование по поводу использования своей религии преступниками для достижения их целей и жестко дистанцировались от них.

В то же время, статистические данные показывают, что приблизительно 40% от общего числа преступлений на почве ненависти по национальному или религиозному признаку за 2017 год были направлены во Франции против евреев, при этом суммарное количество зарегистрированных проявлений антисемитизма возросло на 20% относительно предыдущего года[2].

Даже в таких условиях очевидного нарастания угрозы жизни, не все представители еврейской диаспоры готовы покидать Францию. Ярким примером активного сопротивления сложившейся ситуации может послужить Арманд Азулай – президент одной из парижских синагог, интервью с которым для Euronews, несомненно, представляет особый интерес[3].

Арманд отмечает низкую популярность своей синагоги – даже в Шабат ее посещают не более 30—40 верующих, несмотря на все попытки привлечь в нее членов местной еврейской общины. И с его точки зрения, сегодня главное условие для этого – обеспечение безопасности для прихожан. Укрепляя двери и стены синагоги, устанавливая камеры и нанимая охрану, члены местной еврейской диаспоры пытаются обезопасить себя. И делают все это те, кто связывает с этим местом свое будущее, кто не хочет и не планирует покидать Францию ни при каких обстоятельствах. Тем не менее, за 15 последних лет число еврейских семей, проживающих в Бонди, снизилось с 500 до 200. Рафаэль Коэн, один из членов этой религиозной общины, прямо говорит в интервью[4], что вынужден скрывать кипу

[1] Nous, imams indignés, sommes prêts à nous mettre au service de notre pays / Le Monde, 2018. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/04/24/nous-imams-indignes-sommes-prets-a-nous-mettre-au-service-de-notre-pays_5289649_3232.html.
[2] France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.
[3] Французские евреи не хотят уезжать / Euronews, 2018. URL: https://ru.euronews.com/2018/06/29/france-anisemitism.
[4] Там же.

под кепкой, когда идет по улице, поскольку многие кварталы населены настроенными агрессивно по отношению к евреям людьми.

Неприязнь к еврейскому населению проявляется не только в повседневном общении, но и находит выход в форме прямой физической агрессии. Так, сыновья президента синагоги однажды подверглись серьезному нападению на улице со стороны человека, который после ряда вербальных оскорблений достал пилу и попытался ранить детей. Старший сын Арманда, Натаниэль, упоминает о популярном среди еврейской молодежи боевом искусстве «крав-мага», разработанном специально для израильской армии, занятия которым помогли ему справиться с нападавшим, получив лишь незначительные ранения[1].

После нападения, члены семьи Азулая задумались о возможности репатриации в Израиль, однако по итогу размышлений пришли к твердому решению остаться во Франции, поскольку эта страна важна для них, и они хотят принять участие в сохранении еврейской диаспоры Франции. Подобный подход очень хорошо иллюстрирует концепцию еврейской диаспоры, выраженную М. Крутиковым в статье «Еврейская цивилизация: мечта или реальность?»: идентичность еврейства строится, в первую очередь, на религиозных и неформальных институтах и семейных отношениях[2].

Инцидент с сыновьями Азула Арманда является лишь малой частью в цепи преступлений, совершенных в отношении евреев в Париже и его окрестностях. Количество подобных происшествий привело к тому, что «крав-мага» стало распространенной формой самообороны среди еврейского и даже части нееврейского населения Франции. По словам одного из создателей школы этого боевого искусства в стране Ави Аттлана, если 10 лет назад этой боевой технике учили всего в паре школ в Париже, сейчас обучение предоставляют как минимум 20 еврейских школ, а также тематические летние лагеря. Всего Аттлан и его последователи обучают единовременно около 200 человек в 5 центрах в Париже. Сам Аттлан позиционирует «крав-мага» как необходимое оружие выживания для французских евреев с учетом роста антисемитского насилия с момента объявления второй интифады в 2000 году, когда число преступлений на почве ненависти к евреям резко возросло. Обращает внимание на себя то, что речь в данном случае категорически не идет о занятиях спортом в целях совершенствования тела и духа. Речь идет именно о стремления получить средства самообороны.

---

[1] Там же.

[2] Крутиков М. Еврейская цивилизация – Мечта или реальность? (По поводу статьи М. Членова «Еврейство в системе цивилизаций») // Диаспоры. 2005. № 3. С. 40—43.

Действительно, на рост количества преступлений по национальному и религиозному признаку еврейское сообщество Франции отреагировало рекомендацией прихожанам синагог по всей стране изучать методы самообороны. В некоторых общинах раввины просто советуют верующим проходить тренировки по «крав-мага», в других, члены SPCJ, уже упоминавшегося подразделения, обеспечивающего безопасность французских евреев, обеспечивают возможность осваивать это искусство для более эффективного его применения.

Для многих представителей молодежи, изучающих техники «крав-мага», их еврейское происхождение становится дополнительным эмоциональным стимулом. Молодые люди отмечают, что для них в этой ситуации исключительно важным стало чувство этнической сопричастности, идентичности, родства, конкретно того, что эти техники разработаны их народом для их народа.

«Крав-мага» отличается от карате, джиу-джитсу и других боевых искусств в первую очередь тем, что в нем нет правил»,– приводит автор статьи «Le Krav maga, l'art martial israélien à la mode à Paris» слова одного из инструкторов-мусульман (на что хотелось бы обратить особое внимание) из центра обучения этой технике, который пожелал остаться анонимным в целях личной безопасности[1]. Этот инструктор также добавил, что «крав-мага» идеально подходит для реалий жизни в городе, потому что все в этом боевом искусстве абсолютно утилитарно и направленно на нейтрализацию нападающего, никаких поклонов и любезностей, только то, что необходимо для победы.

Однако далеко не все представители еврейской диаспоры во Франции способны столь стойко переносить антисемитские нападки. Многие евреи, столкнувшись с нетерпимостью, уезжают из страны, или, как минимум, меняют место жительства внутри государства – квартал, район или город. Euronews приводит интервью с представительницей еврейской диаспоры Натали[2], которая, столкнувшись с проявлениями антисемитизма, переехала из дома в парижском пригороде, где проживала на протяжении целого десятилетия, поскольку этот дом был ограблен, вещи украдены либо изуродованы, а на машине нацарапаны антисемитские оскорбительные надписи. Несмотря на принадлежность к иудаизму, Натали в первую очередь идентифицирует себя и свою семью как фран-

[1] Liphshiz C. Le Krav maga, l'art martial israélien à la mode à Paris / The Times of Israel, 2017. URL: https://fr.timesofisrael.com/le-krav-maga-lart-martial-israelien-a-la-mode-a-paris/.

[2] Французские евреи не хотят уезжать / Euronews, 2018. URL: https://ru.euronews.com/2018/06/29/france-anisemitism.

цузов, с Францией для нее связано ее трудоустройство, личная жизнь ее детей. По сути, Франция является ее домом. Она отказалась от эмиграции в Израиль, поскольку слишком привязана к стране, в которой живет, однако, в условиях отсутствия уверенности в завтрашнем дне, никто из ее семьи не может исключить, что однажды им придется все же прибегнуть к репатриации, поскольку невозможно спрогнозировать, как будет развиваться эта ситуация во Франции далее.

Рассуждая о проблемах антисемитизма в современной Европе в своем интервью для Euronews, эксперт Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS) – крупнейшего французского общественного научно-исследовательского учреждения – Нонна Майер, приходит к выводу, что даже с учетом роста численности мигрантов из мусульманских стран Ближнего Востока, нельзя связывать все случаи проявления антисемитизма с мусульманским населением Франции. Так, всплеск насилия, произошедший в 2017 году, по ее мнению, связан не столько с конфликтом еврейской и мусульманской идентичностей в стране, сколько с ростом напряженности в обществе на фоне роста популярности радикальных ультраправых популистских движений. Также, по мнению Нонны Майер, существенную роль в продвижении идей насилия и нетерпимости в отношении евреев Франции продвигают социальные сети[1].

К сожалению, многочисленные проявления антисемитизма в современной Франции являются примером внутригосударственного этнополитического конфликта. Данный конфликт обладает четко выраженным идентичностным компонентом, когда конфликтная ситуация возникает по причине столкновения религиозных и этнических идентичностей[2]. Поскольку в данном конфликте ни одна из этнических групп не обладает контролем, не имеет прямого влияния на государственный аппарат, государство является третьей стороной в противостоянии, и данный конфликт может быть идентифицирован как горизонтальный[3]. Это принципиально отличает сложившуюся на данный момент ситуацию от проявлений той антисемитской активности, которые фиксировались во Франции ранее, когда проявления антисемитской агрессии являлись примером вертикального конфликта (то есть одна из сторон активно привлекала на свою сторону государство). Подавляющее большинство наиболее серьезных примеров антисемитизма, относящихся к более ранним

[1] Рост антисемитских настроений – отголосок интифады / Euronews, 2018. URL: https://ru. euronews.com/2018/06/29/insiders-antisemitism-level.
[2] Аклаев А. Р. Энополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2005. С. 94.
[3] Там же. С. 95.

периодам французской истории, так или иначе, были связаны с системой государственной власти и во многом носили характер общеполитической тенденции. Современная ситуация ярко демонстрирует явление горизонтального конфликта. Сегодня государство в лице представителей государственного аппарата Франции, не только не имеет отношения к действиям, направленным против еврейства, но и активно подчеркивает свою дистанцированность от них посредством выступлений против антисемитизма, однозначного неприятия любых подобных проявлений.

В реакции французских еврейских общин, вынужденных в сложившихся условиях заниматься укреплением синагог, обучением своих прихожан основам самообороны и т.п., проявляется феномен этнической мобилизации[1] в условиях очевидной угрозы. Все это очередной раз способствует консолидации этнической группы с целью отстаивания и сохранения своих интересов, ценностей, жизненного пространства, устоев, принципов, вплоть до самого факта своего существования в конкретном государстве. И все это – стратегия выживания, но не свободного существования диаспоры.

Литература:

1. Аклаев А. Р. Энополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2005.

2. Алия – Электронная Еврейская Энциклопедия. URL: https://eleven.co.il/zionism/precur-sors-emergence/10140.

3. Белоусов Л. С. Как преподавать новую и новейшую историю в университете // Новая и новейшая история. 2009. № 1.

4. «Где бы еврей ни жил, он должен молиться за удачу и успех президента». Главный раввин России Берл Лазар объясняет, почему сегодня в России евреям живется хорошо / Новая Газета, 2017. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/02/72345-gde-by-evrey-ni-zhil-on-dolzhen-molitsya-za-udachu-i-uspeh-prezidenta.

5. Градусова П. Б. Проблема антисемитизма во внутренней и внешней политике Франции в годы президентства Франсуа Олланда и пути ее решения // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2017. № 3.

6. Крутиков М. Еврейская цивилизация – Мечта или реальность? (По поводу статьи М. Членова «Еврейство в системе цивилизаций») // Диаспоры. 2005. № 3. С. 40—43.

7. Мануков С. Экономика Франции остановилась / Эксперт Online. URL: http://ex-pert.ru/2016/07/29/frantsiya/.

8. Рост антисемитских настроений – отголосок интифады / Euronews, 2018. URL: https://ru. euronews.com/2018/06/29/insiders-antisemitism-level.

[1] Там же. С. 140—141.

9. Французские евреи не хотят уезжать / Euronews, 2018. URL: https://ru.euronews. com/2018/06/29/france-anisemitism.

10. 16% of French Believe in 'Zionist Conspiracy on Global Scale': Poll by Dave Bender / The Algemeiner, 2014. URL: http://www.algemeiner.com/2014/11/16/16-of-french-believe-in-zionist-conspiracy-on-global-scale-poll/

11. AFP: число проживающих во Франции мусульман к 2025 г. составит более 8,5 млн чел. / ТАСС, 2017. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4771522.

12. Anti-Defamation League. URL: https://www.adl.org/.

13. Anti-Semitism in France has deep roots and 'new masks,' French PM says By Cnaan Liphshiz / Jewish Telegraphic Agency, 2017. URL: https://www.jta.org/2017/12/10/news-opinion/world/anti-semitism-is-france-has-deep-roots-and-new-masks-french-pm-says.

14. Antisémitisme en France. URL: https://www.antisemitisme.fr/.

15. Birnbaum P. Dreyfus avant Dreyfus: Drumont et la mise en scène de l'affaire // Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle (Cahiers Georges Sorel). 1993. № 11. pp.71—76.

16. Emmanuel Macron / Twitter. URl: https://twitter.com/emmanuelmacron.

17. France debates Jewish skullcap after knife attack by Gina Dogget, Bertrand Pinon / Yahoo News, 2016. URL: https://news.yahoo.com/marseille-jews-urged-not-wear-skullcaps-teacher-attack-173153898.html.

18. France Virtual Jewish History Tour / The Jewish Virtual Library, 1998—2018. URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/france-virtual-jewish-history-tour#e.

19. Jewish boy, 8, beaten in Paris suburb in anti-Semitic attack / Jewish Telegraphic Agency, 2018. URL: https://www.jta.org/2018/01/31/news-opinion/world/jewish-boy-8-beaten-in-paris-suburb-in-anti-semitic-attack?utm_source=JTA%20Maropost&utm_campaign=JTA&utm_medium =email&mpweb=1161—2730—30123.

20. L'antisémitisme s'étend, selon une enquête / Fondation pour l'innovation politique. URL: http://www.fondapol.org/dans-les-medias-fr/le-monde-lantisemitisme-setend-selon-une-enquete/.

21. Liphshiz C. Le Krav maga, l'art martial israélien à la mode à Paris / The Times of Israel, 2017. URL: https://fr.timesofisrael.com/le-krav-maga-lart-martial-israelien-a-la-mode-a-paris/.

22. Manifeste "contre le nouvel antisémitisme" / Le Parisien, 2018. URL: http://www. leparis-ien.fr/societe/manifeste-contre-le-nouvel-antisemitisme-21—04—2018—7676787.php.

23. Nossiter A. She Survived the Holocaust, to Die in a 2018 Hate Crime / New York Times, 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/26/world/europe/france-holocaust-survivor-murder.html.

24. Nous, imams indignés, sommes prêts à nous mettre au service de notre pays / Le Monde, 2018. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/04/24/nous-imams-indignes-sommes-prets-a-nous-mettre-au-service-de-notre-pays_5289649_3232.html.

25. SPCJ – Service de Protection de la Communauté Juive / Facebook. URL: https://www.face-book.com/spcjfr/.

26. They Spit When I Walked in the Street': The 'New Anti-Semitism' in France By Adam Nos-siter / New York Times, 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/07/27/world/europe/france-new-anti-semitism.html.

И.А. Архангельская

Сравнительный анализ Минского и Варшавского гетто по вопросам создания, существования и уничтожения

Архангельская Ирина Антоновна – учащийся I курса магистратуры исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Целью данной статьи является сравнение нацистской программы уничтожения еврейского мирного населения в годы Второй мировой войны на территории оккупированных Белоруссии и Польши. Объектом нашего рассмотрения являются два крупнейших гетто Европы – Минское (наиболее крупное гетто на территории СССР после Львовского, численность 100 тыс. человек; существовало июль 1941 года – октябрь 1943 года) и Варшавское (крупнейшее гетто, 480 тыс. человек, октябрь 1940 года – май 1943 года). Нашей задачей является освещение общего и особенного в оккупационной политике в отношении «окончательного решения» еврейского вопроса, в условиях существования и ликвидации узников разных городов.

Более трети еврейского населения (принятая цифра в 6 миллионов человек [20]) планеты было уничтожено целенаправленной нацисткой политикой в годы Второй мировой войны. Три миллиона уничтоженных проживало на территории Польши, 800 тысяч – на территории Белоруссии[1]. К началу Второй мировой войны Варшава была крупнейшим по концентрации еврейского населения городом, вторым после Нью-Йорка. Перепись 1897 года дает цифру 220.000 человек, 34 % от всего населения города[2]. К 1939 году в Польше в целом проживало почти три с половиной миллиона евреев из 35 миллионного населения страны[3].

Говоря об общем и особенном в политике уничтожения, следует анализировать несколько аспектов. Это создание гетто, условия существования в нем населения, а также методы уничтожения и ликвидация гетто.

Организация системы изоляции еврейского населения Варшавы была начата сразу после нацистской оккупации города осенью 1939 года. В Варшаве создается орган еврейского самоуправления будущего гетто,

[1] Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008.
[2] Там же.
[3] The Jewish communities of Nazioccupied Europe. – New York: Fertig, 1982.

Юденрат. Властями вводится ряд антиеврейских законов: санкции против еврейского предпринимательства, опознавательные знаки в форме звезды Давида, закрытие еврейских школ, репрессии против интеллигенции, запрет на вход в публичные места, изъятие денег и драгоценностей[1]. Окончательно решение об организации гетто принято 16 октября 1940 года генерал-губернатором Польши Гансом Франком. Для этого была выделена наиболее пострадавшая во время авианалетов территория, где издавна селился еврейский рабочий класс (4.5 % площади Варшавы), с перемещением туда впоследствии 440 тысяч человек (37 % населения города). Причиной создания гетто являлся тезис о необходимости изоляции еврейского населения вследствие эпидемии тифа[2].

Иначе развивались события в Минске. К моменту захвата города 28 июня 1941 года официальная эвакуация жителей и распоряжение о создании вооруженного сопротивления отсутствовали[3]. В довоенном городском населении евреи составляли около 30 %, 71 тысячу человек[4]. Приказ[5] о создании гетто возникает с началом оккупации 19 июля 1941 года. Согласно ему, предполагалось немедленное перемещение еврейского населения в северную часть города, принадлежавшую ранее еврейской общине (нахождение вне – расстрел[6]). Создание гетто способствовало решению жилищной проблемы поляков и белорусов, экономило продукты питания, но прежде всего служило цели контроля и надзора[7]. В отличие от Варшавской стены, территория Минского гетто была обнесена колючей проволокой[8]. Это могло объясняться тем, что немецкие власти не были ориентированы на четко организованное, укрепленное гетто, рассчитанное на длительное существование. В Минске немецкое командование сразу приступило к изоляции евреев: к 1941 году система созданий гетто было отработана, не нуждалось в подготовке и организации. Варшава же являлась одним из первых гетто и единственным такого масштаба, его создание требовало долгой и тщательной подго-

[1] Там же. С. 17.
[2] Шпильман В. Варшавские дневники 1939–1945. – М, Гешарим, 2003. С.44.
[3] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990.
[4] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. – Мн, 2007. – 154 с.
[5] Там ж. С.18.
[6] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. С. 83.
[7] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. – Мн, 2007. С.41.
[8] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. С.84.

товки. К октябрю 1941 года в гетто находилось 100 тыс. человек. Выделенный район охранялся белорусскими, украинскими и литовскими полицаями совместно с силами СС[1].

Гетто обеих городов были катастрофически перенаселены. Отсутствие должного количества жилплощади, работы, продуктов питания, гигиены, порождали бедность, голод, антисанитарию и эпидемии, в частности, эпидемию тифа в Варшаве со смертностью до 5 тысяч человек ежемесячно[2]. Мужчины записывались на обязательную шестидневную работу. Несмотря на изоляцию, в Варшавском гетто работали кафе и рестораны, давались концерты. Положенная немецким командованием продовольственная норма 184 ккал в сутки на человека[3], невозможность обеспечения должным количеством пропитания вынуждало искать альтернативные пути утоления голода (производство сахарных леденцов). Дети занимались контрабандой, переправляя товары через стену. Открытость нацистского командования взяткам, нелегальные поставки создали в гетто условия, при которых социальная стратификация приняла довоенные масштабы: образовывается прослойка бывших богачей и бизнесменов, сумевших на протяжении двух лет, до начала массового уничтожения, проводить спекуляции по снабжению гетто нелегальными товарами. В то время, как малая часть узников находилась в заключении лишь формально, имея доступ к продуктам, товарам и медицине, другая стремительно умирала от голода и эпидемий.

Условия жизни Минского гетто были хуже, чем в Варшаве. Город состоял из малоэтажных деревянных построек. Электричеством, системой снабжения питьевой водой гетто не располагало. Летом узники носили воду из колонки, зимой растапливали снег[4]. Жилая площадь представлялась из расчета 1.5 м на человека[5], кухни и коридоры заселялись как помещения. Готовка запрещалась, питание предоставлялось немецким начальством[6]. Голод в гетто усиливался с каждым днем, про-

---

[1] Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008. С. 100.
[2] Юдковски Н. Реквием двум семействам: [Док. повесть о евр. гетто в Варшаве во время Второй мировой войны: Пер. с иврита] / Пер. Дикштейн Раиса, послесл. Купервейс Тобяш. – Москва: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2002. С. 16,7,63.
[3] Алексеев В. М. Варшавского гетто больше не существует – М. Звенья, 1998. – 157 с.
[4] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К. И. Козак. – Мн, 2007. С. 43.
[5] Там же. С. 54.
[6] Иоффе Э. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945 – Мн., 2003. С. 52.

давались вещи, мебель: «у огромного количества людей, – особенно тех, квартиры которых были разрушены во время немецких бандитских налетов на город, – ничего не было. Они жили на те 100 граммов хлеба и несколько ложек эрзац-супа, который получали на работе у немцев. Ужасающее положение было у тысячи евреев, спасшихся от погромов в окрестных местечках. Они буквально умирали от голода. Все чаще можно было видеть на улицах гетто людей, опухших от голода, едва передвигающих ноги, людей, везущих на санках покойников. Таких похорон бывало по 15–20 в день»[1]. В Минском гетто была организована больница, детдом для сирот, Дом инвалидов и престарелых. В каждом из этих заведений работали узники-евреи. В период ликвидации гетто все организации было уничтожено вместе с узниками.

До начала планового и масштабного уничтожения населения Варшавского гетто в июле 1942 года[2], сопровождавшегося завершением строительства концентрационного лагеря Треблинка, два года узники существовали в атмосфере бессистемных убийств и облав. К весне 1942 г. все чаще происходят одиночные расстрелы неугодных оккупационным властям групп граждан, массовые эпидемии заболеваний, всеобщий голод достигают широких масштабов и становятся причиной значительной смертности. Непосредственно депортация в концентрационные лагеря узников Варшавского гетто началась в июле 1942 года, после приезда в Польшу Г. Гиммлера, издавшего указание приступить к уничтожению населения Варшавского гетто и конфискации его имущества силами сформированных из латышских, литовских и украинских коллаборационистов группировок[3]. В течение лета 1942 года в Треблинку было вывезено 300 тыс. евреев с ежедневной отправкой 5–6 тысяч человек.

В марте 1942 года внедренными на территорию Варшавского гетто сионистами, коммунистами и подпольщиками создается Антифашистский блок, начавший координировать подпольную деятельности всех гетто Польши. Блок способствовал подготовке активного сопротивления. На его базе в декабре 1942 года создается Еврейская Боевая Организация численностью 200–500 человек. 19 апреля 1943 года, следуя приказу Гиммлера, началась операция по окончательному уничтожению Варшавского гетто под руководством бригадефюрера СС Ю. Штропа при помощи сил СС, Вермахта, литовских и украинских коллаборационистов. На тот

[1] Иоффе Э. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945 – Мн., 2003. С. 52.
[2] Ainsztein R. Jewish Resistance in Nazi-occupied Eastern Europe – London: Elek, 1974, 970 p.
[3] Алексеев В. М. Варшавского гетто больше не существует – М. Звенья, 1998. С.68.

момент в гетто остается еще 40 тысяч узников. С началом ликвидации в гетто происходит восстание узников, оказавшееся крупнейшей акцией массового сопротивления в оккупированных нацистами городах Европы с жертвами до четырнадцати тысяч человек. Согласно отчету Ю. Штропа[1] от 16 мая 1943 г., потери с немецкой стороны до завершения операции составляли 16 человек убитыми и 93 ранеными. По разным оценкам, около трех тысяч узников гетто смогли пережить восстание, перебравшись на «арийскую сторону». Большинство из них затем принимало участие в Варшавском восстании 1944 года.

С первых дней возникновения гетто в Минске начался этап его ликвидации. Непосредственно уничтожение узников началась уже летом 1941 г. и проходило в несколько крупных этапов на несколько десятков тысяч человек, ежедневно происходило бессистемное уничтожение узников[2]. Стоит отметить, что убийства жителей гетто, проводимые в гетто на территории Литвы и Польши, тщательно скрывались немцами от узников, еще не уничтоженных. Оккупационные власти этих стран прилагали значительные усилия для маскировки, объясняя исчезновение людей депортацией в рабочие лагеря. В Минском гетто, как и всей Белоруссии, открытое уничтожение людей не скрывалось ни от самих узников гетто, ни от местных жителей по всей территории страны[3]. Первая крупная массовая акция уничтожения в Минске была приурочена к годовщине Октябрьской Революции 7 ноября 1941 года[4]. Значительная часть женщин, детей, стариков и инвалидов была вывезена в Тучинку (Минская область, место массовых казней узников гетто), где уничтожена[5]. Данные о количестве жертв варьируются между 12 и 18 тыс. человек[6]. После первого погрома на чердаки, чуланах, между стенами строятся потайные убежища разного размера, в дальнейшем «типичные» места становились известны немцам. 20 ноября 1941 года в ходе акции уничтожаются от 5 до 10 тысяч человек[7]. Значительная часть освобожденной от узников

[1] Stroop. J. The report of Jurgen Stroop concerning the uprising in the Ghetto of Warsaw and the liquidation of the Jewish residential area / – Warsaw: Jewish hist. inst, 1958.
[2] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. C. 100.
[3] Там же. С. 101.
[4] Там же. С. 102.
[5] Там же. С. 102.
[6] Логинов И. П. Мачиз Анна, Свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто в 1941–1943 гг: сборник, – Мн., 2011. С.187.
[7] НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 80; Grinshtein Y., interview, Israel, November 12, 2000; НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 77); Mogilnitzky Y., interview, Minsk, October 5, 1999

территории была исключена из состава гетто и передана в пользование белорусскому населению. На начало апреля 1942 года в Минске было зарегистрировано 20 тыс. работоспособных евреев, к октябрю 1942 года это число сократилось наполовину. Самый большой погром по количеству жертв происходил с 28 по 31 июля 1942 года. От 18 до 30 тысяч[1] минских евреев, в первую очередь нетрудоспособные, были уничтожено в течение четырех дней. Из остававшихся на тот момент в зондергетто «немецких» (евреев, привезенных из Гамбурга) около 5.000 человек[2] было задушено в газовых грузовиках, впервые использованных немцами в ходе июльского погрома 1942 года[3], оставив в гетто около 12.000 человек, задействованных оккупационными властями на производстве[4]. Значительная часть людей, оставшихся в живых, стремилась с помощью юденрата и подпольных организаций перебраться к партизанским объединениям[5], дислоцирующимся в лесах минской области[6]. К сентябрю 1943 года перед немецким командованием была поставлена задача полной ликвидации Минского гетто в ходе принятого нацистами в июне 1943 года решения о полном уничтожении всех имеющихся гетто на оккупированных территориях. К этому времени насчитывалось около 2 тысяч немецких и 8 тысяч русских евреев[7], поэтапно отправленных в Майданек, Собибор, Освенцим[8]. 21 октября 1943 года гетто было окружено, оставшиеся две тысячи евреев вывезены в лагеря смерти или рабочие лагеря[9]. Большинство оставшихся от Минского гетто построек в поиске

в сборнике Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008.

[1] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. С. 105.

[2] Там же. С. 105.

[3] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. – Мн, 2007. С.108.

[4] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. с.302.

[5] НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 80; Grinshtein Y., interview, Israel, November 12, 2000; НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 77); Mogilnitzky Y., interview, Minsk, October 5, 1999 в сборнике Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008.

[6] Encyclopedia of the Holocaust, Israel Gutman, editor-in-chief. New York: Macmillan, 1990. С. 106.

[7] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. – Мн, 2007. С.119.

[8] Там же. С.120.

[9] Smolar H. The Minsk Ghetto: Soviet-Jewish partisans against the Nazis, New York, 1989. С. 152.

людей было уничтожено взрывами. К 23 октября 1943 года гетто было очищено от последних узников, которые либо подверглись расстрелу, либо были задушены в газовых грузовиках[1]. Последними оставшимися на территории евреями было 26 человек, замуровавшихся в подвале одного из домов, проведя в заточениионколо девяти месяцев, до момента освобождения Минска войсками Красной Армии 3 июля 1944 года. К моменту освобождения города в живых из них осталась половина[2].

Антисемитизм в Польше к началу войны находился в прогрессивном состоянии. Тому способствовала политика правительства независимой Польши, многовековое неспокойное сосуществование народов. При этом во время обороны Варшавы еврейское население защищала город наряду с польским. Множество польских семей способствовало во время войны укрывательству евреев в собственных домах либо организованных помещениях. Подпольные польские организации финансировали гетто оружием, медикаментами и продуктами питания, увеличив меру в 184 килокалории в день до реальных 1125[3]. Однако, есть известные обратные примеры. Э. Рингельблюм, еврейский архивист, был выдан поляком нацистам в марте 1944 года вместе с 38 евреями, укрывавшимися в бункере в «арийской» части города[4]. Многие евреи, которым удавалось выбраться, шантажировались и были выданы гестапо. Позицию местного населения по отношению к уничтожению еврейского народа на территории Варшавы приходится считать неоднозначной, однако 11.500 евреям удалось пережить оккупацию: они были либо спасены поляками из гетто, либо сумели организовать укрытие с начала захвата города[5]. Антисемитизм населения Белоруссии подогревался оккупационными властями[6]. Нацисты предлагали белорусам помнить о том, что евреи являлись злейшими врагами, а пропаганда идей коммунизма – средство для достижения

[1] Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К. И. Козак. – Мн, 2007. С. 121.
[2] Гай Д. И. Десятый круг: Повести. – М. Советский писатель, 1991. – 320 с.
[3] Эдельман М. И была любовь в гетто / Запись Савицкая Паула. – Москва; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2010. – 140 с.
[4] Grynberg Michal. Words to outlive us: voices from the Warsaw Ghetto / Ed.by Grynberg Michal; Transl. a introd. by Boehm Philip. – New York: Metropolitan Books, 2002.
[5] Mendelsohn S. The battle of the Warsaw ghetto – New York: Yiddish scientific inst-Yiro, 1944.
[6] Grynberg Michal. Words to outlive us: voices from the Warsaw Ghetto / Ed.by Grynberg Michal; Transl. a introd. by Boehm Philip. – New York: Metropolitan Books, 2002.

еврейского мирового господства[1]. Однако, Минскому подполью удалось создать ячейку в гетто, обеспечивая вывод узников в партизанские отряды, провозя медикаменты и вооружение. Зачастую средства из гетто шли от узников к партизанам. Они создавали семейные партизанские отряды из вышедших из гетто семей, обеспечивая материальную и техническую помощь близлежащих партизанских отрядов. В семейных отрядах организовывались мастерские, госпитали, школы для детей. Однако многие партизанские отряды с опаской относились к принятию евреев, видя в них обузу и шпионов, известны случаи выдачи партизанами евреев оккупационным властям[2]. В ряде случаев руководство при осложнившихся обстоятельствах избавлялось от их присутствия. Тем не менее, к 1942 г. спасшиеся узники гетто стали неотъемлемой частью партизан Белоруссии.

Создание гетто в Варшаве и Минске имело главное отличие в том, что в первом случае гетто было создано лишь спустя год после оккупации города, следуя периоду антисемитской политики оккупационных властей и законов, ограничивающих жизнь еврейского населения города. В Минске приказ о создании гетто был издан немедленно после захвата города вермахтом. Условия жизни в гетто являлись идентичными в обоих случаях: нехватка еды, перенаселение, скученность, вспышки эпидемии тифа. В бытовом плане условия узников Варшавского гетто превосходили Минские ввиду наличия многоэтажных домов с отоплением и водопроводом, в то время как в Минске узники жили преимущественно в деревянных бараках. На территории обоих гетто нацистами было разрешено наличие больниц (из-за боязни распространение эпидемий), школ, детских приютов. В условиях уничтожения узников гетто больше различного, нежели общего. В Варшавском гетто массовое уничтожение началось лишь спустя два года после основания гетто, до этого ограничиваясь хаотичными расстрелами населения на улицах гетто и точечными репрессиями на отдельных представителей подпольной деятельности. В Минском гетто первая крупная акция уничтожения произошла уже через три месяца после создания гетто. Однако, скорость уничтожения узников в Варшаве была значительно выше: за первые месяцы с начала депортаций еврейского населения гетто в концентрационные лагеря

[1] НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 80; Grinshtein Y., interview, Israel, November 12, 2000; НАРБ, Ф. 4386, Оп. 2, Д. 77); Mogilnitzky Y., interview, Minsk, October 5, 1999 в сборнике Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941–1943: Jewish resistance and Soviet internationalism. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008.

[2] Смиловицкий Л. Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944. – Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. С. 109.

летом 1942 года было уничтожено 80 % населения гетто, остальные были уничтожены в следующие полгода, в то время как в Минске планомерное уничтожение узников велось на протяжении двух лет. Различны и методы уничтожения: в Варшаве узников массово депортировали в концентрационные лагеря, в то время как в Минске проводилась практика массовых расстрелов. Отношения местного населения можно считать достаточно идентичным в обоих случаях, в то время как и в Минске, и в Варшаве были зафиксированы случаи как помощи, так и уничтожения евреев со стороны местного населения. Диапазон помощи был одинаков в обоих случаях: передача продуктов, укрывательство, финансирование.

А.П. Богданова

Евреи из Минского гетто в лагере Малый Тростенец

Богданова Анна Павловна – соискатель исторического факультета Белорусского государственного университета

После оккупации белорусской столицы в конце июня 1941 г. Минск находился под властью нацистской военной администрации до 31 августа 1941 г., одним из направлений деятельности которой были учет, изолирование, убийство советских евреев. Решение по их изоляции было принято после совещания межу командующим тылом группы армий «Центр» М. Шенкендорфом и высшим начальником СС и полиции генерального округа Беларусь К. Ценнером, на котором также обсуждались вопросы взаимодействия и задачи уничтожения евреев, в этот же день, 19 июля 1941 г., вышло распоряжение коменданта полевой комендатуры Шлегельхофера о создании гетто в Минске[1]. В пятидневный срок евреям предписывалось переселиться в отведенный для них район в северо-восточной части города, размеры которого составляли два квадратных километра, где было сконцентрированного до 80 тысяч человек. Минское гетто просуществовало с 20 июля 1941 г. по 23 октября 1943 г., за этот период в гетто были проведены масштабные акции уничтожения, другое название – погромы. Первые два погрома прошли уже в ноябре 1941, их цель – освободить места для размещения депортированных евреев из стран Западной и Центральной Европы в «зондергетто» – специальном районе внутри Минского гетто, прибывших в Минск в ноябре-декабре 1941 г., примерно 7 тысяч человек[2]; последующие акции были направленны на ликвидацию евреев в рамках «окончательного решения еврейского вопроса». Одним из мест проведения массовых убийств с мая 1942 г. было урочище Благовщина, входившее в инфраструктуру лагеря Малый Тростенец, который являлся одним из ключевых мест массового уничтожения и использования принудительного труда на территории Советского Союза, действовал с весны 1942 по лето 1944 гг. и включал в себя несколько мест, различных по функциональному предназначению, это:

• урочище Благовщина – место массовых расстрелов и удушения в специальных газовых автомобилях (май 1942 г. – октябрь 194 3 г.), а также место эксгумации и сожжения трупов уничтоженных

[1] НАРБ: Ф. 4683. – Оп. 3. – Л. 6–7

[2] Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто / К. Хеккер. – Минск: 2007. – 154 с.

людей с целью сокрытия масштабов преступлений, акции проводилась специальной командой 1005-Центр и называлась «извлечение трупов» (октябрь – декабрь 1943 г.);

• трудовой лагерь и «подсобное хозяйство СД», организованное рядом с деревней Малый Тростенец на территории довоенного колхозного хозяйства, где содержались различные категории узников: евреи, военнопленные, заключенные тюрем, осужденные за различные преступления (апрель 1942 г. – июнь 1944 г.);

• закрытая территория урочище Шашковка, с обустроенной кремационной ямой-печью, где осуществлялось сожжение трупов, уничтоженных в душегубках или расстрелянных в самой яме (февраль – июнь 1944 г.);

• бывший колхозный сарай – место массовых расстрелов последних жертв нацистского режима в деревне Малый Тростенец (29–30 июня 1944 г.).

Трудовой лагерь и «подсобное хозяйство СД» находились в ведении минской службы безопасности и СД, возглавляемые оберштурмбаннфюрером СС Эдуардом Штраухом, занимавшим этот пост официально с декабря 1941 г., а фактически с марта 1942 г. по 30 июня 1943 г., одновременно он являлся командующим зондеркомандой 1Б (декабрь 1941 – июнь 1943 гг.), действовавшей в районе Каунаса, Минска, Даугавпилса и др., проводившей массовые расстрелы евреев и местного населения. После перевода Штрауха, ведомство в Минске возглавляли и, соответственно, осуществляли управление лагерем Малый Тростенец следующие нацистские преступники: Эрих Иссельгорст (30 июня-октябрь 1943 г); Эрих Эрлингер, оберфюрер СС и полковник полиции, занимал пост шефа минской службы безопасности и СД с октября 1943 г. по апрель 1944 г., при его участии было ликвидировано Минское гетто, также была начата специальная операция по извлечению и сжиганию трупов «особой группой 1005» в урочище Благовщина; Гейнрих Зеетцен, с апреля и до ликвидации лагеря Малый Тростенец в конце июня 1944 г. Сотрудниками Управления полиции безопасности и службы безопасности по Беларуси в Минске, ответственными за убийства евреев из Минского гетто, были Георг Хойзер – советник уголовной полиции, хауптштурмфюрер СС, заместитель Э. Штрауха, один из организаторов, руководителей и исполнителей массовых убийств в Минске и в лагере Малый Тростенец, и Адольф Рюбе – секретарь уголовной полиции, хауптшарфюрер СС, с апреля 1943 г. возглавлял охрану Минского гетто, принимал активное участие по его ликвидации, затем служил в особой команде 1005, которая занималась вскрытием ям-могил и сжиганием трупов расстрелянных и удушенных в окрестностях Малого Тростенца.

Обратимся к воспоминаниям одного из немногих, кому удалось выжить – узнику Минского гетто, принудительному рабочему лагеря Малый Тростенец Рудерману Мотелю, который, в числе других, был отобран для работы в трудовом лагере Малый Тростенец:

«Меня забрали в лагерь СД „Малый Тростинец“», расположенный на территории бывшего совхоза, в 16 км от Минска. Здесь я находился до марта 1943 г., выполняя различные принудительные работы. В Малом Тростенце у немцев было огромное хозяйство. Сюда прибывали эшелоны с немецкими и австрийскими евреями. Евреев расстреливали в нескольких километрах от лагеря, закапывая их потом в огромные ямы. Но от каждого эшелона сначала оставляли по несколько человек для уборки одежды и других вещей убитых, потом уничтожали и эти группы. В лагере строили огромные сараи, где складывались, сортировались вещи евреев. Сюда же приезжали немцы и по запискам получали золото, часы, костюмы и пр. Было здесь и подсобное с/х, обслуживавшее команды СД, размещенные в лагере. Я числился в бригаде стекольщиков, но заставляли меня, как и других евреев, отобранных в гетто для обслуживания лагеря, выполнять самую тяжелую работу, наполнявшую нас страхом и горем. После погромов я мыл душегубки, смывал в них кровь, очищал от вставных зубов, расчесок, карандашей и других предметов, оставшихся от обезумивших людей. В перерывах между погромами мы в душегубках возили разные грузы (продукты, цемент, дрова и пр.)»[1]. В одной из акций уничтожения погибли его жена, трехлетний сын и другие родственники, в живых остались двое старших детей, вместе с ними в марте 1943 г. он совершил побег из гетто, до конца войны находились в партизанском отряде. В его воспоминаниях впервые упоминается о рабочих бригадах, сформированных в Минском гетто принудительный труд которых использовался на работах в «подсобном хозяйстве СД» Малый Тростенец.

Сам лагерь Малого Тростенца и территория вокруг него были включены нацистами в сферу «окончательного решения еврейского вопроса», этому предшествовало решение о возобновлении депортаций иностранных евреев из Западной и Центральной Европы в Минск. Перед прибытием транспортов, в конце апреля 1942 г. в двух километрах от деревни Малый Тростенец, слева от шоссе Минск-Могилев, под надзором взвода войск СС особого назначения, в составе десяти рядовых и одного офицера, были вырыты ямы-могилы, что зафиксировал в своем отчете унтершарфюрера СС Арльт, ставшие местом захоронения десятков тысяч людей,

[1]Яд Вашем архив. – Ф. 0.3/3701. Д. 3556876. Л. 2

различных национальностей и вероисповеданий, в первую очередь, евреев[1]. Депортации в Минск и окрестности Малого Тростенца, возобновились в мае 1942 г. и продолжались по октябрь 1942 г., транспорты отправлялись из Австрии, Германии и Чехии, депортированные евреи, за исключением очень немногих, отобранных для работы в лагере Малый Тростенец, уничтожались сразу же после прибытия, в урочище Благовщина. О нахождении иностранных евреев в трудовом лагере упоминает М. Рудерман: «В Малом Тростенце работали и немецкие евреи. Бригадиром нашей группы стекольщиков был еврей из Гамбурга – Брандт. Когда мы ему рассказали о расстреле евреев, он этому не верил, говорил, что немцы этого не могут делать. Через две недели после нашего рассказа он сам был свидетелем расправы с немецкими евреями и, увидев нас, горестно воскликнул: «Нашим евреям – капут!»[2]. Возможно, немецкий еврей Брандт, был депортирован в Минск в конце 1941 г. и, как и Рудерман, был направлен на работы из Минского гетто.

Уничтожение в урочище Благовщина происходило по двум сценариям: в первом случае, обреченных на смерть людей подвозили к месту казни на грузовых автомобилях и расстреливали возле вырытых ям-могил, во втором – уничтожение происходило в машинах-душегубках, которые применялись по особому приказу минского ведомства охранной полиции и СД с начала июня 1942 года. Доверялось это квалифицированным шоферам, специально с этой целью в Минск в июне 1942 года прибыла авторемонтная рота № 198, в состав которой входили шоферы-профессионалы такие, как Гайнц Герик, Эдуард Лайтнер, Эрих Грудман, Рудольф Геде[3]. Это фамилии тех немногих, кто доставлял людей в газовых автомобилях к Благовщинским рвам. Устройство «душегубки» было подробно описано в протоколе допроса непосредственного исполнителя подобных убийств: «Машина душегубка имела форму грузового автомобиля с закрытым кузовом, обитым изнутри оцинкованным железом, окон и других щелей не было, за исключением одной двухстворчатой двери в задней части кузова, которая герметически закрывалась на запор и замок с внешней стороны. Внутри кузов окрашен в темно-серый цвет, а внешняя сторона в серый цвет. На расстоянии 20 сантиметров от мотора по выхлопной трубе от нее отходит металлическая трубка длинной примерно 15 сантиметров и диаметром 4–5 сантиметра,

[1] Лагерь смерти Тростенец. Сборник документов и материалов. – Минск: НАРБ, 2003. С. 20.
[2] Яд Вашем архив. – Ф. 0.3/3701. Д. 3556876. Л. 4.
[3] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ): Фонд 1363. Оп. 1. Д. 2853. Л. 26.

на эту трубку одет резиновый шланг диаметром 8–10 сантиметров, шланг проходит в кабине под сидением шофера, идет по стенке вверх и пропущен в кузов машины, но с внутренней стороны шланг и отверстие незаметны. Вентиль-регулятор переключения газа установлен на развилке выхлопной трубы и отходящей от нее газовой трубки, длина вентиля примерно 20–25 сантиметров, что давало возможность сидя регулировать переключение газа»[1]. В распоряжении минского ведомства полиции безопасности находилось до четырех таких машин, которые задействовали в погромах, проводимых в Минском гетто и для удушений газом заключенных из лагеря Малый Тростенец и минских тюрем, в остальное время, использовались, как средство передвижения и для перевозки различных грузов.

Одновременно с проведением массовых казней депортированных иностранных евреев, в урочище Благовщина уничтожали евреев из Минского гетто. Крупнейшая акция уничтожения длилась четверо суток, с 28 по 31 июля 1942 г., за это время были убиты около 6,5 тысяч советских евреев и 3,5 тысячи иностранных евреев из «зондергетто», преимущественно женщины, дети, старики. Расстрелами руководило и осуществляло убийства высшее командование полиции безопасности и СД. В охране же и на местах уничтожения находились служащие «команды СД Арайса» – латыши, что подтверждают протоколы допросов бывших участников команды Арайса: «Утром, в один из дней конца июня или июля, точно сейчас за давностью времени вспомнить не могу, в 1942 году, нас примерно в количестве 60 человек в полном вооружении собрали перед зданием СД и сообщили, что будем посланы на выполнение одного задания, на какое не сказали. Затем нас посадили на автомашины, и мы поехали по Смоленскому шоссе из города Минска. Доехав имения, о котором я сообщал ранее, наши автомашины свернули со Смоленского шоссе налево, в лес, и по лесу проехали примерно метров пятьсот и остановились...В метрах двухстах от автомашин я увидел свежевырытую яму, с примерными размерами три на двадцать метров, какой глубины не видел... После того как нас по два человека расставили по постам, нам объяснили, что здесь будет происходить расстрел граждан еврейской национальности, а в нашу задачу входит не допускать к месту расстрела никого посторонних, смотреть за тем чтобы никто из привозимых евреев не сбежал... Само место казни нам не было видно, но стрельба слышалась отчетливо. Примерно, часов в десять – одиннадцать, началась стрельба, и в течении всего времени расстрелов, слышны были сплошные

[1] Там же. Л. 12–14.

крики, стоны, рыдания расстреливаемых людей. Расстрел людей продолжался до темноты без перерыва. После возвращения в казармы вечером и на следующий день, другие участники команды, которые подвозили к месту расстрела заключенных рассказывали, что они все это время подвозили на автомашинах из Минского гетто евреев, около ямы высаживали, где их, уже другие участники, казнили расстрелами... По рассказам тех участников команды, которые подвозили к месту расстрела евреев, то за этот день было привезено примерно три тысячи человек, где их и расстреляли. Расстрелы продолжались три дня, за эти три дня было расстреляно, по рассказам других участников команды, примерно (около) десяти тысяч человек, граждан еврейской национальности»[1].

К сожалению, мы не можем назвать поименно всех тех, кто был уничтожен в последние июльские дни, но мы можем назвать имена преступников, которые хладнокровно убивали: «Когда мы привозили евреев из гетто к ямам, я видел, что в числе группы лиц, принимавших участие в расстреле еврейского населения, находились наши солдаты Пуриньш Василий в возрасте примерно 25 лет из Пиебалги, Латвии, среднего роста, темные волосы, Юрка, имени не помню, в возрасте 25 лет, из Риги, среднего роста, темные волосы. Муйжарайс, имени не помню, в возрасте 45 лет из Риги, высокого роста, темные волосы. Сарма Артур, 35 лет из Риги, высокого роста, светлые волосы. Я видел, с автомашины, когда мы подвозили к месту расстрела еврейское население, что Пуриньш Василий, Юрка, Луйже-Арайс и Сырма Артур из пистолетов стреляли в еврейское население, загнанное в ямы. Их участие в расстрелах мне хорошо было видно, т. к. мы на автомашинах подвозили евреев к ямам на расстояние 200–300 метров. Кроме названных, в евреев стреляли и другие солдаты, но я их не знал»[2].

В урочище Благовщина проводились единичные расстрелы и уничтожение в газовых автомобилях евреев, которые были арестованы IVБ отделом по обвинению в различных преступлениях. Упомянутый отдел входил в структуру ведомства полиции безопасности и СД и занимался «еврейским вопросом». Материалы передавались, в том числе, сотрудниками других отделов ведомства, так бывший следователь криминального отдела И. Руис, лично направил материалы по 150–200 евреям своим коллегам, которые приводили смертный приговор в исполнение[3]. Обви-

[1] Государственный архив Латвии (ГАЛ). – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 44853. Т. 2. Л. 45–50.
[2] Там же. Л. 45–50.
[3] Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. Энцыкл імя П. Броўкі, 2016. – 512 с.: ил. С. 139.

нения и аресты евреев, издевательства и унижения, побои и единичные убийства проводились на протяжении всего существования гетто и лагеря Малый Тростенец.

1. 21 июня 1943 г. вышел приказ Г. Гимлера о ликвидации всех гетто на территории рейхскомиссариата «Остланд»[1], в Минске, нацисты начали исполнение приказа с ликвидации «зондергетто». 1 сентября 1943 г. 500 немецких евреев были переведены в лагерь по улице Широкой, позже их уничтожили в урочище Благовщина[2], а 16–17 сентября, та же участь ждала немецких евреев из госпиталя, которые были уничтожены в «душегубках» в окрестности Малого Тростенца к массовым могилам. Оставшееся население гетто было уничтожено в акции 21–23 октября 1943 г.[3], вскоре тела убитых в урочище Благовщина были сожжены. Начиная с 27 октября до 15 декабря 1943 г. проводилась операция по сокрытию масштабов преступлений нацистского режима, акция была названа «извлечение трупов». Она была строго секретной, и все, кто принимал в ней участие, должны были дать подписку о неразглашении. В течение этих шести недель особой группой руководили по очереди: Артур Гардер, Фридрих Зекель и Макс Кранер[4]. Адольф Рюбе, бывший надзиратель Минского гетто, руководил и присматривал за рабочими (советскими военнопленными), заданием которых было вскрывать ямы-могилы и сжигать трупы. В это же время, в период эксгумации трупов, продолжались и массовые казни. В одном из показаний, А. Рюбе сообщил, что в середине ноября 1943 г. к нему подошел начальник Артур Гардер и сказал, что сегодня работы должны быть приостановлены. Вблизи высился штабель дров, между которыми пластами лежали тела убитых людей. Тогда Гардер принялся покрывать эту гору трупов хворостом. Почти в середину штабеля Гардер воткнул железный стержень высотой в два метра. В это время прибыли две грузовые машины из Минска, а также Хойзер в своем автомобиле. В машинах было около 10 эсэсовцев из Минска и около 30 евреев, мужчин и женщин. Евреям приказали

[1] Judenfrei! Свободно от евреев!: История минского гетто в документах / Авт.-сост. РА Черноглазом. – Минск: Асобны Дах, 1999. С. 78.

[2] Тукала С. М. Мінскае гэта ў апошнія месяцы свайго існавання (чэрвень-кастрычнік 1943) С. М. Тукала, с. 199–203 // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. С. 200.

[3] Там же. С. 201.

[4] Геноцид во Второй мировой войне: проблемы исследования (в память о жертвах Тростенца): Материалы Междунар. науч. конф., 25–27апр. 2002 г., Минск / Отв. ред. К. И. Козак, А. М. Литвин, У. Н. Сидорцов. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2003. С. 113.

сойти с машины, и около 20 из них по приказу Хойзера были поставлены у открытой ямы и расстреляны выстрелами в затылок.... Оставшимся 10 евреям приказали донага раздеться. Затем им связали руки и ноги. Обнаженные и связанные по рукам и ногам евреи, среди которых женщин было больше, чем мужчин, были втянуты группой эсэсовцев на штабеля и положены в ряд. Одну еврейку Гардер привязал к железному стержню, спустился вниз и поджег штабель. Еще до этого евреи были облиты бензином. Когда штабель уже загорелся, еврейка, привязанная к стержню, неожиданно спрыгнула вниз. Очевидно, веревки перегорели. Тогда Гардер вновь поднялся на штабель, хотя он уже и горел, и вновь привязал еврейку к стержню. Затем весь штабель был облит бензином, чтобы он быстрее горел... [1].

Незадолго до ликвидации Минского гетто 30 евреев были помещены в лагерь Малый Тростенец, принудительный труд которых использовался на различных работах, об этом стало известно из воспоминаний Зарецкой М. М., которая с 1942 г. по октябрь 1943 г. находилась в гетто и работала в автомастерских СД уборщицей, а с октября 1943 по 29 июня 1944 г. находилась в лагере Малый Тростенец, работала прачкой до побега. По словам Зарецкой, в лагере находилось 80 человек специалистов евреев, в том числе, два врача; также в лагере существовала круговая порука, особенно со стороны немецких евреев, которые следили, чтобы никто из русских евреев не сбежал [2]. Перед самым освобождением Минска, в лагере Малый Тростенец, 29 июня 1944 г. были расстреляны последние узники, часть – на территории самого лагеря, остальные – за пределами, в бывшем колхозном сарае, где также были расстреляны заключенные из минских тюрем, акция продолжалась два дня, с 29 по 30 июня 1944 г. Для уничтожения следов своих преступлений все лагерные постройки и сарай с расстрелянными были сожжены, лагерь Малый Тростенец прекратил свое существование.

Нацистская военная администрация Минска своей оккупационной политикой, направленной на учет и изолирование евреев, подготовила плацдарм для осуществления массового уничтожения еврейства, как депортированного из стран Западной и Центральной Европы, так местного. Командование вермахта, СС и СД являются инициаторами, исполнителями физического истребления евреев и несут ответственность

[1] Лагерь смерти Тростенец. Сборник документов и материалов. – Минск: НАРБ, 2003. С. 199.

[2] Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл імя П. Броўкі, 2016. С.102.

за Холокост на территории оккупированного Минска и в окрестностях Малого Тростенца, пособниками нацистского режима являлись латыши, литовцы, украинцы, этнические немцы, белорусы и русские, которые стали соучастниками массовых убийств.

Трагедия Минского гетто тесно связана с функционированием лагеря Малый Тростенец и его окрестностей, которые стали местом уничтожения огромных людских масс, неугодных нацистскому режиму. За два года существования лагеря Малый Тростенец (1942–1944 гг.), по данным Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей преступления нацистов, в нем было уничтожено 206,5 тысяч человек, из них 150 тысяч уничтоженных в урочище Благовщина. Однако, назвать имена убитых или точное количество жертв по национальностям – не представляется возможным, нацисты постарались скрыть масштабы своих преступлений, уничтожив трупы убитых и всю документацию.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Минское гетто: 75 лет спустя»

ПРОГРАММА

2 ноября 2018 года
Москва

ОРГАНИЗАТОРЫ МЕРОПРИЯТИЯ

Исторический факультет
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, лаборатория истории диаспор
(Российская Федерация)

Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси
(Государство Израиль)

Институт истории Национальной академии наук Беларуси
(Республика Беларусь)

Исторический факультет
Белорусского государственного университета
(Республика Беларусь)

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям
«Историческая память»
(Российская Федерация)

Российское Федеральное информационно-аналитическое
агентство «Вестник Кавказа»
(Российская Федерация)

ПРИ УЧАСТИИ И СОДЕЙСТВИИ СОТРУДНИКОВ

Посольство Израиля в Российской Федерации

Израильский культурный центр Натив в Москве

Посольство Республики Беларусь
в Российской Федерации

Деловой и культурный комплект
при Посольстве Республики Беларусь
в Российской Федерации

Федеральная национально-культурная автономия
Белорусов России

Центр истории войн и геополитики
Института всеобщей истории РАН
(Российская Федерация)

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Российская Федерация)

2 ноября 2018 года пятница Ломоносовский проспект 27 корпус 4 Шуваловский учебный корпус МГУ имени М. В. Ломоносова А417–418, 4 этаж		
14:00 – 14:25	**Регистрация участников** Шуваловский учебный корпус МГУ, центральный холл 4-ого этажа	
14.25 – 14.30	**Общее фото участников международного круглого стола** Шуваловский учебный корпус МГУ, центральный холл 4-ого этажа	
14.30 – 19.00	**Заседание международного круглого стола** «Минское гетто: 75 лет спустя» Шуваловский учебный корпус МГУ, аудитория заседаний Ученого совета исторического факультета А417–418, 4 этаж	
Модераторы круглого стола: *Солопова Оксана Вячеславовна* Заместитель декана – ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова доцент, кандидат исторических наук *Альшанский Михаил Наумович* Председатель Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси		
14:30 – 14:40	Белоусов Лев Сергеевич	Исполняющий обязанности декана исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова доктор исторических наук, член-корреспондент РАО, профессор, заслуженный профессор Московского университета, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации **Открытие круглого стола**
14:40 – 14:50	Солопова Оксана Вячеславовна	Заместитель декана – ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова доцент, кандидат исторических наук **«Об изучении истории еврейской диаспоры на историческом факультете МГУ»**

14.50 – 15.00	Леонид Шерман	Первый Секретарь Посольства Государства Израиль в Российской Федерации, директор Израильского Культурного Центра Натив в Москве
15.00 – 15.10	Тамара Бен Шломо	Директор особых мероприятий Всемирного Конгресса Горских Евреев (Российская Федерация)
15.10– 15.20	Агакишиев Исмаил Алиевич	Генеральный директор Российского федерального информационно-аналитического агентства «Вестник Кавказа», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья, кандидат исторических наук, доцент
15.20 – 15.30	Суржик Дмитрий Викторович	Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», Центр истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук
15.30– 15.45	Альшанский Михаил	Председатель Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси **«Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси и память предков»**
15.45 – 16.00	Спивак Лев	Генеральный директор международной ассоциации Израиль – Азербайджан «АзИз» **«Геноцид евреев в годы Второй мировой войны на оккупированных территориях СССР и попытки героизации гитлеровцев и их пособников в некоторых странах постсоветского пространства»**
16:00– 16:10	Обмен приветствиями с организаторами и участниками выставки «Минское гетто», подготовленной в рамках экспозиции **Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (г. Минск)**, онлайн-трансляция в рамках торжественной церемонии открытия выставки	
16.10– 16.30	Смиловицкий Леонид	Руководитель проекта «История евреев в Беларуси» в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете доктор исторических наук, старший научный сотрудник **«Холокост в Беларуси и судьба Минского гетто»**

16.30 – 16.45	Левин Давид	Председатель Всеизраильского объединения выходцев из Украины **«Деятельность Всеизраильского объединения выходцев из Украины. Холокост в Украине»** (заочный доклад)
16.45– 17.00	Козак Кузьма Иванович	Доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук **«Минское гетто и его исторические парадигмы»**
17.00 – 17.15	Левина Галина Леонидовна	Архитектор, дочь Заслуженного архитектора Республики Беларуси, Лауреата Ленинской премии, Премии Ленинского комсомола, дважды лауреат Государственной премии Республики Беларусь, академика Международной и Белорусской академий архитектуры, Председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин, соавтор мемориального комплекса «Хатынь» Левина Леонида (1936–2014 гг.) – одного из немногих узников, выживших в Минском гетто **«Мемориализация Холокоста в Беларуси»**
17.15 – 17.30	Терушкин Леонид Абрамович	Заведующий Архивным отделом Научно-просветительного Центра «Холокост» **«Фрагменты истории Минского гетто. Поиски в семейных и личных архива»**
17.30 – 17.45	Кошман Вадим Иванович	Заведующий отделом археологии Средних веков и Нового времени Института истории Национальной академии наук Беларуси, кандидат исторических наук, доцент **«Урочище Благовщина в системе лагеря Малый Тростенец как одно из мест уничтожения узников Минского гетто: взгляд археолога»**
17.45 – 18.00	Солопов Арсений Павлович	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет учащийся 2 курса бакалавриата **«Проявления антисемитизма в современной Франции: истоки, специфика, пути противодействия»**

18.00 – 18.15	Архангельская Ирина Антоновна	Государственный академический университет гуманитарных наук, исторический факультет учащаяся 1 курса магистратуры **«Сравнительный анализ Минского и Варшавского гетто по вопросам создания, существования и уничтожения»**
18.15 – 18.30	Богданова Анна Павловна	Белорусский государственный университет, кафедра истории Беларуси Нового и Новейшего времени, соискатель **«Минские евреи в лагере Малый Тростенец»**
Приглашенные к участию в работе международного круглого стола:		
до 5’	Альшанская Рина	Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси, член организации, эксперт
до 5’	Андреев Дмитрий Александрович	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, заместитель декана по научной работе, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века, кандидат исторических наук, доцент
до 5’	Бовыкин Дмитрий Юрьевич	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры новой и новейшей истории, доктор исторических наук, доцент
до 5’	Бородкин Леонид Иосифович	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, заведующий кафедрой исторической информатики доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор
до 5’	Васенин Виталий Гаврилович	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории
до 5’	Ващило Наталья Николаевна	Советник Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации
до 5’	Гарскова Ирина Марковна	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, доктор исторических наук, доцент

	Житенев Владислав Сергеевич	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры археологии, доктор исторических наук, доцент
до 5’	Иванова Екатерина	Региональная еврейская национально-культурная автономия Московской области, председатель; Федеральная еврейская национально-культурная автономия (ФЕНКА), член Совета
до 5’	Казьмина Ольга Евгеньевна	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, заместитель декана по международному сотрудничеству, доктор исторических наук, профессор
до 5’	Кандыбович Сергей Львович	Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России, председатель; член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, четырежды лауреат Государственных премий Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
до 5’	Ненашев Егор Сергеевич	Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск), кафедра гуманитарных наук, старший преподаватель, доктор исторических наук, доцент
до 5’	Пошерстник Татьяна Борисовна	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, старший преподаватель кафедры иностранных языков
до 5’	Рагимова Периханум Ферезуллаевна	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья, кандидат исторических наук, доцент
до 5’	Фомин-Нилов Денис Валерьевич	Государственный академический университет гуманитарных наук, ректор, кандидат исторических наук, доцент

до 5’	Хрулева Ирина Юрьевна	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
до 5’	Шукуров Рустам Мухамедович	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры истории средних веков, доктор исторических наук, доцент

В организации и работе круглого стола принимают участие
преподаватели и сотрудники лаборатории истории диаспор,
аспиранты, учащиеся межкафедральной магистерской программы
«История диаспор и миграционных процессов»
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Богомазова Ольга Леонидовна
Демченко Елена Валерьевна
Козополянская Александра Вадимовна
Роева-Мкртян Екатерина Борисовна
Каримова Александра Игоревна
Бахадирова Яна Евгеньевна
Геворкян Галина Николаевна
Бахадиров Фархад Бахтиерович
Самусев Василий Владимирович
Брынцалова Анна Игоревна
Гаджилламамаев Алихан Гаджимурадович
Глазун Марта Юрьевна
Гречко Василиса Кирилловна
Лившиц Антон Александрович
Максутов Ринат Абдулович
Максутова Диана Абдуловна
Мовсесян Тигран Артурович
Рошоян Каролина Арамовна
Устаров Мурад Русланович
Халиков Магомед Магомедович
Хатамов Хатам Джангишиевич

Завершение работы международного круглого стола, подведение итогов
19.00–21.00

Содержание

Белоусов Л. С. Приветствие декана исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 7

Солопова О. В. Об изучении истории еврейской диаспоры на историческом факультете МГУ. Приветствие руководителя лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 9

Шерман Л. Приветствие 12

Суржик Д. В. Приветствие Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» 13

Альшанский М. Н. Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси и память предков 16

Агакишиев И. А. Приветственное слово 18

Спивак Л. Геноцид евреев в годы Второй мировой войны на оккупированных территориях СССР и попытки героизации гитлеровцев и их пособников в некоторых странах постсоветского пространства 20

Смиловицкий Л. Л. Холокост в Беларуси и судьба Минского гетто 24

Левин Д. Деятельность Всеизраильского объединения выходцев из Украины и преемственность памяти о Холокосте 43

Козак К. И. Минское гетто и его исторические парадигмы 51

Левина Г. Л. Мемориализация Холокоста в Беларуси 66

Терушкин Л. А. Фрагменты истории Минского гетто. Поиски в семейных и личных архивах 78

Кошман В. И. Урочище Благовщина в системе лагеря Малый Тростенец как одно из мест уничтожения узников Минского гетто: взгляд археолога 90

Рагимова П. Ф. Собибор – символ победы над нацизмом 106

Васенин В. Г. Расовая квалификация избирателей в США в XIX веке 110

Солопов А. П. Проявления антисемитизма в современной Франции: истоки, специфика, пути противодействия 131

Архангельская И. А. Сравнительный анализ Минского и Варшавского гетто по вопросам создания, существования и уничтожения 145

Богданова А. П. Евреи из Минского гетто в лагере Малый Тростенец 154

Международный круглый стол «Минское гетто: 75 лет спустя». Программа 163

МИНСКОЕ ГЕТТО:
75 ЛЕТ СПУСТЯ
Научный сборник

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Ю.А. Кореневская*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»
Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532
Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести в Москве:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:
«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com
в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 10,51. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«БИБЛИО-ГЛОБУС»**
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«У КЕНТАВРА»**
Москва, ул. Чаянова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«ЭПОСЕРВИС»**
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«КНИЖНЫЙ БУМ»**
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»**
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«Intelektuāla grāmata»**
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua